

*Российская академия наук
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021 Том 65 № 7 Июль

Основан в июле 1957 г.

Выходит 12 раз в год
ISSN 0131-2227

*Журнал издается под руководством
Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН*

Главный редактор

А.В. РЯБОВ

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов (НИУ ВШЭ, ИМЭМО, Москва), В. Андрефф (Ун-т Парижа, Сорбонна-1, Франция), В.Г. Барановский (ИМЭМО, Москва), А.Г. Большаков (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, Казань), Ю.А. Борко (Институт Европы, Москва), Л. Бреннан (Тринити Колледж, Ирландия), Ф.Г. Войтоловский (ИМЭМО, Москва), А.А. Дынкин (ИМЭМО, Москва), В.С. Загашвили (ИМЭМО, Москва), Н.И. Иванова (ИМЭМО, Москва), С.М. Кадочников (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), Р.И. Капелюшников (ИМЭМО, НИУ ВШЭ, Москва), Э.В. Кириченко (ИМЭМО, Москва), Н.А. Косолапов (ИМЭМО, Москва), Ю.А. Красин (Институт социологии, Москва), В.Л. Ларин (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток), Ли Юнцюань (Университет Китайской академии общественных наук, Пекин), К. Лиухто (Ун-т Турку, Финляндия), Г. Манготт (Инсбрукский ун-т им. Леопольда и Франца, Австрия), В.С. Мартыанов (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург), А. Мальхотра (Институт энергии и ресурсов, Индия), Е.В. Морозова (Кубанский государственный ун-т, Краснодар), В.П. Оболенский (Институт экономики, ИМЭМО, Москва), Г.М. Олевский (Латвийский государственный ун-т, Латвия), К. Росс (Университет Данди, Великобритания), А. Ротфельд (Варшавский ун-т, Польша), А.В. Рябов (“МЭ и МО”, Москва), Н. Симотомаи (Ун-т Хосей, Япония), А. Стент (Джорджтаунский ун-т, США), А.В. Торкунов (МГИМО(У), Москва), Л.А. Фадеева (Пермский государственный ун-т, Пермь), П. Фердинанд (Уорикский ун-т, Великобритания), Фэн Шаолэй (Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай), К.К. Худoley (Санкт-Петербургский государственный ун-т, Санкт-Петербург), Ю.Г. Чернышов (Алтайский государственный ун-т, Барнаул), С.В. Чугров (МГИМО(У), Москва)

Заведующая редакцией Е.Е. РУБЦОВА

*Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23
Тел.: 8-499-128-08-83*

Электронная почта: metojournal@mail.ru, metojournal@imemo.ru

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
“Мировая экономика и международные отношения”, 2021

*Russian Academy of Sciences
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations*

**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL RELATIONS**
(Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya)

2021 Vol. 65 No. 7 July

Published since July 1957

Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 0131-2227

*The Journal is published under supervision of the Department of Global Problems
and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. RYABOV

Editorial Board:

AVTONOMOV V. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), ANDREFF W. (University Paris I Pantheon Sorbonne, France), BARANOVSKY V. (IMEMO, Moscow), BOL'SHAKOV A. (Kazan' (Privolzhskii) Federal University, Kazan), BORKO Y. (Institute of Europe, Moscow), BRENNAN L. (Trinity College, Ireland), VOITOLOVSKY F. (IMEMO, Moscow), DYNKIN A. (IMEMO, Moscow), ZAGASHVILI V. (IMEMO, Moscow), IVANOVA N. (IMEMO, Moscow), KADOCHNIKOV S. (Higher School of Economics, Saint-Petersburg), KAPELYUSHNIKOV R. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), KIRICHENKO E. (IMEMO, Moscow), KOSOLAPOV N. (IMEMO, Moscow), KRASIN Y. (Institute of Sociology, Moscow), LARIN V. (Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok), LI YONGQUAN (University of Chinese Academy of Social Sciences, Beijing), LIUHTO K. (University of Turku, Finland), MANGOTT G. (University of Innsbruck, Austria), MART'ANOV V. (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Ekaterinburg), MALHOTRA A. (The Energy and Resources Institute, India), MOROZOVA E. (Kuban' State University, Krasnodar), OBOLENSKIY V. (Institute of Economics, IMEMO, Moscow), OLEVSKY G. (Latvian State University, Latvia), ROSS C. (University of Dundee, UK), ROTFELD A. (University of Warsaw, Poland), RYABOV A. (MEMO Journal, Moscow), SHIMOTOMAI N. (Hosei University, Japan), STENT A. (Georgetown University, USA), TORKUNOV A. (MGIMO-U, Moscow), FADEEVA L. (Perm' State National Research University, Perm), FERDINAND P. (University of Warwick, UK), FENG SHAOLEI (East China Normal University, Shanghai), KHUDOLEY K. (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg), CHERNYSHOV Y. (Altai State University, Barnaul), CHUGROV S. (MGIMO-U, Moscow)

Office Manager E. RUBTSOVA

*Address: 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation
Tel.: +7-499-128-08-83*

e-mail: memojournal@imemo.ru, memojournal@mail.ru

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

2021, Том 65, Номер 7

Мир в начале тысячелетия

Макроэкономическая политика на перепутье <i>А. Холопов</i>	5
Суверенные инвестиционные фонды: уроки коронакризиса <i>С. Чебанов</i>	16

Китай: внутренняя и внешняя политика

Второе столетие Коммунистической партии Китая и новая биполярность <i>В. Михеев, С. Луконин</i>	25
Коммунистическая партия Китая и политика внешнеэкономической открытости <i>В. Портяков</i>	34
От переосмысления советской модели к поиску китайского пути <i>О. Борох, А. Ломанов</i>	45
Элементы и каналы обратной связи в современной политической системе КНР <i>А. Карнеев</i>	56
Об идейном влиянии компартии Китая на компартию Вьетнама <i>М. Терских</i>	64

Европа: новые реалии

Регуляторная автономия Великобритании: проблемы и перспективы <i>А. Большаков</i>	71
Бельгия на пути к конфедерации: проблемы и перспективы <i>Т. Зверева</i>	80

США: экономика, политика

Контроль США над международными каналами трансфера технологий: вызовы, механизмы, тенденции <i>Э. Кириченко</i>	89
Технологическое противостояние США и Китая в Европе <i>Л. Гамза</i>	98

На постсоветском пространстве

Международно-политическая конкуренция на постсоветском центральноазиатском пространстве <i>Д. Мальшева</i>	106
Смена политических элит в Грузии и патримониализм <i>В. Муханов</i>	116
ОДКБ на исходе второго десятилетия своей истории <i>А. Кривопалов</i>	126

Вокруг книг

Миссия в Кабуле <i>В. Наумкин</i>	135
--------------------------------------	-----

CONTENTS

2021, Vol. 65, No. 7

The World at the Beginning of Millennium

Macroeconomic Policy at a Crossroads <i>A. Kholopov</i>	5
Sovereign Wealth Funds: Lessons of Coronacrisis <i>S. Chebanov</i>	16

China: Domestic and Foreign Policies

Second Century of the Communist Party of China and New Bipolarity <i>V. Mikheev, S. Lukonin</i>	25
The Chinese Communist Party and the Policy of Foreign Economic Openness <i>V. Portyakov</i>	34
From Rethinking the Soviet Model to Searching for China's Path <i>O. Borokh, A. Lomanov</i>	45
Elements and Channels of Bottom-Up Feedback in Contemporary China's Political System <i>A. Karneev</i>	56
The Ideological Influence of the Communist Party of China on the Communist Party of Vietnam <i>M. Terskikh</i>	64

Europe: New Realities

Regulatory Autonomy of Great Britain: Problems and Perspectives <i>A. Bolshakov</i>	71
Belgium on the Road to Confederation: Problems and Prospects <i>T. Zvereva</i>	80

USA: Politics and Society

US Control over Technology Transfer International Channels: Challenges, Mechanisms, Trends <i>E. Kirichenko</i>	89
Technological Confrontation between USA and China in Europe <i>L. Gamza</i>	98

At Post-Soviet Space

International Political Competition in the Post-Soviet Central Asian Space <i>D. Malysheva</i>	106
Change of Political Elites in Georgia and Patrimonialism <i>V. Mukhanov</i>	116
CSTO: at the Close of the Second Decade of Its History <i>A. Krivopalov</i>	126

Around Books

Mission in Kabul <i>V. Naumkin</i>	135
---------------------------------------	-----

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НА ПЕРЕПУТЬЕ

© 2021 г. А. Холопов

*ХОЛОПОВ Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор,
МГИМО Университет МИД России, РФ, Москва 119454, пр-т Вернадского, 76 (akholopov@mgimo.ru).*

Статья поступила в редакцию 17.02.2021.

Глубокий экономический кризис, поразивший сегодня практически все страны мира, вынуждает искать новые методы макроэкономической стабилизации, поскольку сложившиеся за последние годы низкие процентные ставки и высокий уровень государственного долга создают серьезные ограничения для использования традиционных методов регулирования. В статье проанализированы выдвигаемые в экономической литературе предложения о пересмотре принципов стабилизационной политики в развитых странах: изменение практики инфляционного таргетирования, использование отрицательных процентных ставок, создание полуавтоматических бюджетных стабилизаторов, разработка нетрадиционной бюджетной политики.

Ключевые слова: стабилизационная политика, денежно-кредитная политика, бюджетно-налоговая политика, автоматические стабилизаторы.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-5-15

Экономический кризис, охвативший сегодня практически все страны, характеризуется существенным своеобразием. По оценкам МВФ, общее снижение мирового ВВП в 2020 г. составило 3.3%, а в развитых странах – 4.7%, что намного превысило показатели кризисного 2009 г. [1]. Другая особенность – полная неопределенность относительно продолжительности и глубины спада. На смену первой волне пандемии *COVID-19* пришла вторая, а за ней третья, и никто не может гарантировать, что на этом все закончится.

Важнейшая черта кризисной ситуации 2020 г. – удар по экономике одновременно со стороны и предложения, и спроса. Режим самоизоляции привел к существенному спаду совокупного предложения, поскольку основную массу товаров и услуг нельзя производить удаленно. Еще большее негативное воздействие на экономику оказало сокращение совокупного спроса, причем в части не только инвестиций и внешней торговли, но и расходов домохозяйств. Обычно в период рецессии потребительские расходы снижались в меньшей степени, так как сокращение текущих доходов домохозяйств компенсировалось за счет сбережений и государственных социальных пособий. На этот раз к сокращению доходов добавились проблемы с осуществлением потребительских расходов, поскольку многие предприятия торговли и сферы услуг были просто закрыты или работали в ограниченном режиме. Эффективность традиционных методов стимулирования совокупного спроса оказалась под вопросом, что требует новых подходов к стабилизационной политике.

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА

Антикризисное регулирование долгое время концентрировалось на денежно-кредитной (монетарной) политике, что имело свое теоретическое обоснование. Спады в экономической активности могут быть связаны с жесткостью цен и номинальной заработной платы. А деньги, согласно неоклассической концепции, обладают свойством нейтральности, то есть способностью воздействовать именно на номинальные, а не на реальные показатели. Исходя из этого использование денежно-кредитных инструментов рассматривалось как правильный подход к стабилизационной политике. Эти инструменты привлекательны и в практическом плане благодаря своей гибкости и оперативности.

Основной мерой стабилизационной монетарной политики традиционно было снижение процентной ставки, позволяющее увеличивать чувствительные к ее уровню компоненты совокупных расходов (потребление и инвестиции). Однако за последние десятилетия наблюдалось неуклонное понижение номинальных рыночных процентных ставок, что наглядно иллюстрирует изменение ставки *LIBOR*, которая является базой для расчета процентных ставок кредитов и долговых инструментов по всему миру (рис. 1).

В основе такого процесса лежат две основные причины. Во-первых, долгосрочная тенденция к уменьшению естественной (нейтральной) ставки процента, представляющей собой значение реальной процентной ставки денежно-кредитной политики, при которой экономика устойчиво находится

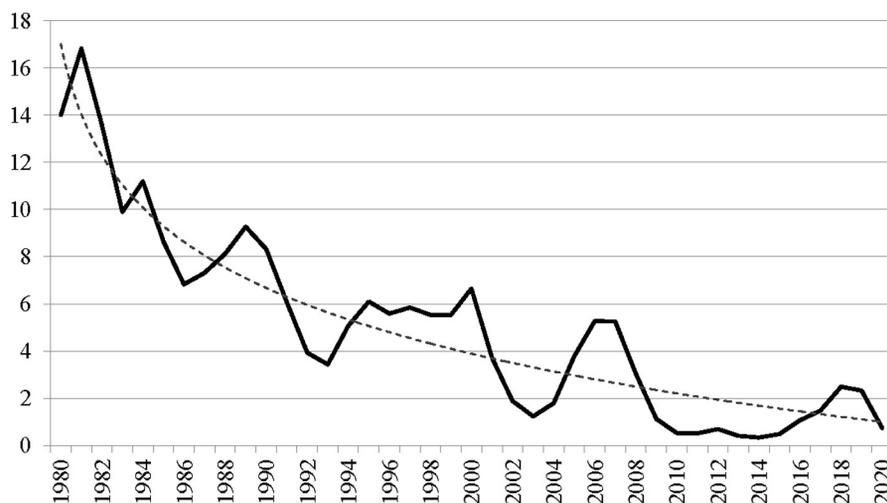

Рис. 1. Динамика 6-месячной ставки LIBOR (пунктир – линия тренда)

Источник: [2].

в состоянии полной занятости, а инфляция поддерживается на целевом уровне. В 1990 г., согласно оценкам, в ведущих развитых странах она находилась в диапазоне 2.5–3.5%, а к настоящему времени снизилась до 1.5% в Канаде и Великобритании, почти до нуля в США и до отрицательных значений в еврозоне [3, р. S66]. В экономической науке отмечаются такие факторы этого процесса, как тенденция к понижению общего тренда экономического роста, старение населения в развитых странах, рост спроса на безрисковые активы, глобальный избыток сбережений. Во-вторых, на уменьшение номинальных процентных ставок влияет снижение уровня инфляционных ожиданий в результате длительного применения в развитых странах политики таргетирования инфляции.

Для характеристики нынешнего уровня процентных ставок сначала использовали термин “нулевая нижняя граница” (*zero lower bound, ZLB*). Когда центробанки некоторых стран перешли ее, появилось понятие “фактическая нижняя граница” (*effective lower bound, ELB*). Практически все согласны, что “очень низкая естественная норма процента, если она сохранится в будущем, имеет глубокие последствия для монетарной политики” [3, р. S71]. Уже сегодня экономики развитых стран оказались в “ловушке ликвидности”, когда рыночные процентные ставки не могут снижаться дальше, чтобы стимулировать рост инвестиций,

поскольку достигли минимума. В ходе девяти рецессий с середины 1950-х годов ФРС США каждый раз снижала свою ставку в среднем на 5.5 п.п. [4]. При ее нынешних значениях снижение такого масштаба означало бы уход глубоко в отрицательную зону, что вряд ли возможно.

В экономической науке есть рецепт для денежно-кредитной политики, когда номинальные процентные ставки оказываются слишком низкими: поскольку величина инвестиций зависит не от номинальных, а от реальных процентных ставок, следует повысить ожидаемые темпы инфляции. Это приведет к снижению реальных процентных ставок, а через некоторое время в соответствии с эффектом Фишера можно ожидать повышения номинальных ставок. В результате традиционные инструменты монетарной политики снова станут жизнеспособными. Однако, несмотря на мягкую монетарную политику, инфляция в развитых странах на протяжении последних 10 лет остается на очень невысоком уровне – в основном ниже установленного центробанками целевого значения 2% (таблица).

Если такая ситуация сохраняется слишком долго, возникают серьезные риски для экономики. Может произойти нежелательное снижение долгосрочных инфляционных ожиданий, что, согласно концепции адаптивных ожиданий, приведет к формированию дефляционной спирали. Поэто-

Таблица. Темпы инфляции в США, еврозоне и Японии, 2010–2020 гг., %

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
США	1.6	3.1	2.1	1.5	1.6	0.1	1.3	2.1	2.4	1.8	1.2
Еврозона	2.2	2.8	2.2	0.8	-0.2	0.3	1.1	1.3	1.5	1.3	0.3
Япония	-0.7	-0.3	-0.1	0.3	2.8	0.8	-0.1	0.5	1.0	0.5	0.0

Источник: [1].

му предметом широкого обсуждения стал пересмотр принципов инфляционного таргетирования.

Еще в июне 2017 г. 22 известных экономиста (в том числе нобелевский лауреат Дж. Стиглиц) направили руководству ФРС письмо. В нем подчеркивалось: “Политики должны быть готовы тщательно оценивать издержки и выгоды ранее принятых параметров политики в ответ на экономические изменения. Один из ключевых параметров, который должен быть тщательно пересмотрен, — очень низкие целевые показатели инфляции, которыми руководствовалась монетарная политика в последние десятилетия” [5].

Политика инфляционного таргетирования подвергается критике не только за использование низких целевых показателей, но и за ее теоретическое обоснование. На протяжении многих лет фактически аксиомой считалась формула М. Фридмана: “Инфляция всегда и везде представляет собой денежное явление”, из которой следовало, что воздействовать на темпы инфляции нужно именно монетарной политикой. Однако сегодня истины, казавшиеся непреложными, подвергаются пересмотру. “Общепринятые макроэкономические теории, постулирующие, что монетарная политика способна задавать уровень инфляции, могут оказываться непригодными в текущей экономической реальности, а следовательно, предлагают ошибочные политические рецепты” [6, р. 17].

Другой теоретический постулат, лежащий в основе политики денежных властей, — концепция кривой Филлипса, согласно которой между инфляцией и безработицей существует устойчивая обратная зависимость. Поэтому центробанки обычно не концентрируются исключительно на инфляции. В частности, ФРС США имеет двойной мандат — поддержание стабильности цен и обеспечение полной занятости — и вынуждена согласовывать две цели. Однако, чтобы правильно таргетировать инфляцию, надо четко понимать, чем определяется динамика цен: процессами на рынке труда или факторами, лежащими на стороне предложения (например, технологическими сдвигами или изменениями в глобальных цепочках поставок).

Высказывались разные предложения по пересмотру политики инфляционного таргетирования: повышение целевого уровня инфляции до 3 или даже 4%, таргетирование не темпов инфляции, а среднего уровня цен, а также номинального ВВП. В 2020 г. действительно произошли некоторые изменения в монетарной политике США [7]. Во-первых, при сохранении двойного мандата ФРС теперь считает поддержание высокого уровня занятости более важной задачей, чем приведение темпов инфляции к целевому значению. Признав, что кривая Филлипса стала плоской (то есть темпы

инфляции слабо реагируют на изменения рынка труда), ФРС в неявной форме отказалась от опоры на эту концепцию. Во-вторых, целевой уровень инфляции 2% сохраняется только в среднем за некоторый период. Это значит, что ФРС может стремиться поднять инфляцию выше 2%, если до этого в течение определенного времени она была ниже намеченного уровня. Подобная политика характеризуется как “гибкая форма таргетирования среднего уровня инфляции”.

Текущий пересмотр принципов инфляционного таргетирования трудно назвать радикальным. В частности, вряд ли можно ожидать, что процентные ставки в ближайшем будущем возрастут, что вернуло бы работоспособность традиционным методам монетарной политики. Еще до принятия ФРС этих решений аналитики отмечали, что переход к таргетированию усредненной инфляции не создаст такого пространства для маневра в политике, которое необходимо для борьбы с глубокими рецессиями, а тем более с системными финансовыми кризисами [8].

Очевидно, что когда краткосрочная процентная ставка достигает фактической нижней границы, центробанки больше не могут стимулировать экономику традиционными средствами. Однако, где находится эта граница? Иначе говоря, могут ли отрицательные процентные ставки служить эффективным инструментом монетарной политики?

В 2012 г. Национальный банк Дании установил отрицательную ставку по депозитным сертификатам, затем его примеру последовали Европейский центральный банк, Банк Швеции, Национальный банк Швейцарии и Банк Японии. Отклонение процентных ставок от нулевой отметки пока невелико (от -0.1% в Японии до -0.75% в Швейцарии), но все равно оно создает новую ситуацию в экономике. Установление отрицательной ставки по депозитам направлено на сокращение избыточных резервов коммерческих банков и, следовательно, на снижение ставок кредитования и увеличение предложения кредитов, а тем самым — на стимулирование совокупного спроса. Кроме того, как показывает практика, отрицательные ставки стимулируют коммерческие банки перебалансировать свой портфель, а именно отказываться от более ликвидных, но менее доходных активов в пользу кредитования компаний, что положительно воздействует на экономику [9].

Насколько обоснован такой подход? Стимулирующее воздействие отрицательных процентных ставок будет проявляться в том случае, если вслед за центральным банком ставки по кредитам понизят коммерческие банки. Но для сохранения необходимого уровня прибыльности им важно поддерживать спред между уровнями процента

по выдаваемым кредитам и депозитам. Если ставки по депозитам достигают нижней границы, коммерческие банки не смогут дальше снижать ставки по кредитам. Поэтому дальнейшее понижение ключевой ставки центробанком уже не будет влиять на рыночные ставки процента и, следовательно, иметь стимулирующего эффекта. Стандартный трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики перестает работать. “Следовательно, пока ставка по депозитам ограничена, отрицательная ставка центрального банка не сможет вывести экономику из рецессии” [10, р. 4]. Наоборот, потенциально она может оказывать сдерживающее воздействие из-за негативного влияния на банковские прибыли.

Главная проблема, с которой сталкивается политика отрицательных процентных ставок, – ее слабое влияние на ставки (по депозитам и кредитам) денежного рынка. Коммерческие банки опасаются использовать отрицательные ставки по отношению к вкладчикам, поскольку это может привести к изъятию денег из банков и хранению их в наличном виде. Конечно, хранение и использование больших сумм наличных денег связано с определенными издержками (покупка или аренда сейфа, затраты на перевозку, страхование рисков и т. п.). Поэтому по отношению к крупным вкладчикам отрицательные ставки по депозитам можно использовать, пока плата банку не превышает расходов на хранение наличности. Но для владельцев относительно небольших сбережений отрицательные ставки вряд ли приемлемы. Соответственно, процентные ставки не могут быть глубоко отрицательными (по оценкам, не ниже -1.5%), а их использование – лишь временная антикризисная мера.

Есть и другая точка зрения. Если низкий уровень ставок обусловлен долгосрочными факторами, то надо реализовать такие изменения в денежно-кредитной политике и всей финансовой системе, которые сделали бы такие ставки ее естественным элементом. Американский экономист К. Рогофф, сторонник широкого использования отрицательных процентных ставок, считает, что “развитие электронных платежных систем и растущая маргинализация наличных денег в легальных сделках создают сегодня гораздо более гладкий путь к политике отрицательных процентных ставок, чем даже два десятилетия назад” [11, р. 48]. Для этого требуется провести ряд законодательных, регуляторных и налоговых изменений, которые сделают невыгодным хранение наличных денег (максимальное ограничение использования бумажных денег в платежах, отказ от банкнот крупного номинала, введение механизма уплаты процента на наличные деньги и т. п.). Пока же политика отрицательных процентных ставок используется очень осторожно, что не позволяет в полной

мере оценить ее эффективность и перспективы широкого применения.

В условиях когда традиционные инструменты денежно-кредитной политики, основанные на изменении процентных ставок, действуют слабо или вообще не работают, одним из ключевых элементов деятельности центральных банков становится так называемая коммуникационная политика (*forward guidance*): объявление о текущем уровне процентной ставки, публикация сообщений относительно ожидаемых или предполагаемых ее изменений. Фактически слова начинают заменять реальные действия центрального банка. Главная цель вербальных интервенций – формирование ожиданий хозяйствующих субъектов в нужном для центробанка направлении, что должно снизить неопределенность на рынке и уменьшить волатильность процентных ставок.

Успех такой политики зависит от оценки рынком надежности центрального банка в том, что касается выполнения его заявлений. Однако для монетарных властей непросто решить вопрос, насколько конкретными относительно будущей политики должны быть их заявления. Если они имеют общий характер, то это создает для центрального банка пространство для маневра в случае изменения ситуации, но рынок вряд ли будет в полной мере доверять регулятору. Более конкретные обещания снижают степень неопределенности на рынках, но не позволяют центробанку гибко реагировать на меняющуюся ситуацию в экономике.

Но главное даже не в этом. В ряде исследований показано, что степень эффективности коммуникационной политики очень чувствительна к допущению о рациональности ожиданий [12]. Однако сегодня все большей поддержкой пользуется точка зрения, что не стоит воспринимать гипотезу рациональных ожиданий как бесспорно истинную. В самом деле, в контексте анализа коммуникационной политики использование принципа рациональных ожиданий предполагает, что не только все субъекты рынка осведомлены о заявлениях центрального банка и внимательно к ним относятся, но также никто не сомневается в осведомленности, внимательности и адекватности ответной реакции других хозяйствующих субъектов. Вряд ли такие допущения можно рассматривать как реалистичные и позволяющие безусловно рассчитывать на получение в полной мере ожидаемого эффекта от коммуникационной политики.

Важнейшим антикризисным инструментом в последние годы стало так называемое количественное смягчение (*quantitative easing*), то есть покупка центральным банком облигаций и других финансовых активов, что должно увеличивать денежную массу и, следовательно, оказывать стиму-

лирующее воздействие на экономику. Пионером в проведении такой политики стал в 2001 г. Банк Японии, затем она широко использовалась в ряде стран во время и после глобального финансового кризиса. Наиболее известна масштабная программа количественного смягчения, осуществленная ФРС в 2008–2014 гг. В условиях нынешней пандемии ФРС, ЕЦБ, ряд центральных банков других развитых стран (Великобритании, Японии, Швеции, Канады, Австралии, Новой Зеландии) возобновили покупки активов. Их объемы существенно увеличились по сравнению с периодом финансового кризиса, причем покупаются не только государственные, но также муниципальные и корпоративные облигации. Политика центральных банков становится, по сути, квазифискальной, поскольку направлена на непосредственную финансовую поддержку правительства и отдельных компаний.

Кроме того, количественное смягчение приводит к раздуванию балансов центральных банков. Так, активы ФРС с 2008 по 2014 г. выросли с 870 млрд долл. до 4.5 трлн, а к марту 2021 г. — до 7.6 трлн долл., то есть в 8.7 раза [13]. Следствием стало разбухание денежной базы и, соответственно, широкой денежной массы (рост в 2.6 раза). Реальный же ВВП США за эти 14 лет увеличился только на 17%. Такой разрыв в динамике денежной массы и реальных объемов выпуска должен был бы привести к резкому ускорению инфляции, однако этого не произошло (таблица), зато процентные ставки еще больше приблизились к нулевой отметке.

Многие аналитики считают, что количественное смягчение и другие нетрадиционные методы монетарной политики, обладая ограниченной эффективностью, несут с собой риск нежелательных побочных эффектов [11, 14], среди которых называют возникновение “пузырей” на фондовом рынке, неопределенность в отношении изменения курса национальной валюты, выход инфляции из-под контроля, ухудшение качества активов центробанка и утрату им своей независимости. Достижение процентными ставками своей нижней границы становится, таким образом, серьезным ограничителем для монетарной политики в целом. Поэтому, как подчеркивают О. Бланшар и Л. Саммерс, “среди низких процентных ставок следует рассматривать как смену режима, в котором бюджетная политика должна будет играть главную и, вероятно, доминирующую роль в политике стабилизации” [15].

БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА

В рамках бюджетно-налоговой (фискальной) политики в качестве главного антикризисного средства традиционно использовались дискреционные инструменты. Так, для преодоления последствий глобального финансового кризиса в США

в 2009 г. были приняты Акт о восстановлении и реинвестициях (*American Recovery and Reinvestment Act, ARRA*), а также еще несколько решений, предусматривавших увеличение государственных расходов и снижение налогов на общую сумму около 1.5 трлн долл. В 2020 г. пакет антикризисных мер составил около 3 трлн долл., что эквивалентно 14% ВВП США. В 2021 г. объем бюджетной поддержки экономики, если учитывать меры, утвержденные Д. Трампом в декабре 2020 г. и Дж. Байденом в марте 2021 г., составит примерно такую же сумму.

Однако уже давно возникли сомнения относительно эффективности стабилизационной дискреционной фискальной политики. В их основе два ключевых аргумента. Первый — политический. Чтобы быть эффективным, государственное стимулирование экономики должно быть своевременным, целенаправленным и ограниченным по срокам. Крайне важно быстро отреагировать на наступившую рецессию, чтобы максимально ослабить ее последствия. Однако разработка экстренных мер бюджетно-налоговой политики существенно затрудняется значительными временными лагами и необходимостью достижения политического консенсуса, поскольку для этого требуется внесение изменений в действующие законы (закон о бюджете, налоговый кодекс). А обеспечить это не всегда легко, поскольку между законодательной и исполнительной властью, а также между самими законодателями не только могут быть, но и на практике часто возникают разногласия¹.

Кроме того, дискреционные меры бюджетной политики трудно не только принять, но и отменить. Правильная фискальная политика в условиях кризиса — это увеличение государственных социальных расходов и снижение налогов. Значит, после завершения кризиса налоги придется повышать, а социальные расходы сокращать. Принять такое решение непросто, поскольку проведение политики бюджетной консолидации может быть связано с существенными политическими издержками. Исследования показывают, что бюджетная консолидация путем повышения налогов существенно снижает вероятность переизбрания действующего правительства или его главы [16].

Для разработки эффективной антикризисной программы принципиальное значение имеет наличие достоверной информации о состоянии экономики. Однако ее сбор, уточнение, обработка и оценка требуют времени, особенно в масштабах крупной экономики. Хорошо известно, что статистические ведомства, как правило, со временем пересматривают и корректируют свои первоначальные оценки.

¹ Американские экономисты отмечают, что «разные партии почти всегда имеют крайне разные интерпретации того, что подразумевает “активная” фискальная политика» [8, p. 12].

чальные оценки. Поэтому при разработке антикризисных мер политики часто вынуждены опираться на предварительную, неполную и даже не вполне достоверную статистическую базу. Даже при отсутствии политических разногласий экстренность выработки мер фискальной политики в разгар кризиса может привести к тому, что они окажутся неадекватными по масштабу и временным рамкам.

Второй аргумент против дискреционной политики – экономический. Результативность бюджетных мер основана на эффекте мультипликации, действие которого способствует существенно увеличению совокупного дохода и занятости. По поводу оценки величины мультипликатора фискальной политики в экономической литературе высказываются разные точки зрения, но большинство аналитиков сходится во мнении, что на практике она оказывается довольно низкой. Так, в одном из исследований на примере экономики США показано, что величина мультипликатора в большинстве случаев оказывается меньше 1: как правило, в диапазоне от 0.6 до 1, причем она существенно не меняется на разных фазах экономического цикла [17]. Оценивая результаты реализации программы *ARRA*, Совет экономических консультантов при президенте США указывает, что величина мультипликатора госинвестиций и социальных трансфертов составила 1.5, единовременных выплат пенсионерам – 0.4, а мультипликатора снижения индивидуальных налогов – 0.8 [18, p. 108].

Можно отметить несколько факторов, которые способствуют снижению коэффициента мультипликации. Большую роль играет эффект вытеснения частных инвестиций и потребительских расходов из-за повышения процентной ставки, поскольку увеличение бюджетных расходов чаще всего финансируется за счет роста госдолга. Низкий уровень коэффициента мультипликации можно объяснить также с помощью теоремы эквивалентности Рикардо–Барро, согласно которой домохозяйства реагируют на фискальное стимулирование увеличением склонности к сбережениям, ожидая в будущем повышения налогов. Важно также учитывать высокую предельную склонность к импортированию, характерную для современных открытых экономик. Существенная часть прироста располагаемого дохода в результате стимулирующей фискальной политики расходуется на приобретение иностранных товаров, то есть утекает за границу.

На величину мультипликатора также влияет фактор времени. Некоторые проекты, реализуемые за счет госбюджета (например, крупные инфраструктурные), характеризуются низкими темпами расходования средств. Задержки в их реализации существенно уменьшают размер мультипликатора в краткосрочном периоде: фискальный стимул,

используемый для преодоления кризиса, начинает работать в полную силу, когда экономика уже вступает в фазу оживления.

Поэтому правительства в условиях острого кризиса предпочитают расходовать деньги так, чтобы они в кратчайшие сроки дошли до домохозяйств. В частности, в практическую плоскость перешло использование такого ранее считавшегося экзотическим инструмента, как “вертолетные деньги” (*helicopter money*) – прямых денежных выплат физическим лицам². Если в рамках программы *ARRA* они были относительно незначительными и в основном имели форму налоговых послаблений, то в ходе текущего кризиса стали полномасштабными³.

Некоторые недостатки, присущие дискреционной политике, можно сгладить, тем самым повысив эффективность и своевременность стабилизационных бюджетных мер. Речь идет об использовании механизмов, автоматически запускающих меры стимулирования для противодействия рецессии. Такого рода встроенные в бюджетно-налоговую систему автоматические стабилизаторы (прогрессивная шкала налогообложения, пособия по безработице, система социальной защиты) существуют давно. Их преимущество перед дискреционной политикой состоит в том, что они не требуют принятия дополнительных политических решений, что ускоряет проведение стабилизационных мер.

С точки зрения теории автоматические фискальные стабилизаторы способны воздействовать на ход экономического цикла и ослаблять амплитуду колебаний совокупного выпуска по нескольким каналам. Основным, безусловно, является стабилизация располагаемого дохода. Прогрессивная шкала налога уменьшает колебания располагаемого дохода на разных фазах экономического цикла и, следовательно, стабилизирует потребительские расходы как важнейший компонент совокупного спроса. Другой канал связан с эффектом перераспределения, поскольку получатели социальных трансфертов (например, пособий по безработице) обычно имеют более высокую склонность к потре-

² Гипотетический пример разбрасывания денег с вертолета был предложен М. Фридменом в работе “Оптимальное количество денег” (1969 г.) для иллюстрации влияния количества денег на уровень цен, а не на реальные объемы производства.

³ Первый пакет антикризисных мер в США в связи с коронавирусом предусматривал единовременную выплату в размере 1200 долл. на каждого налогоплательщика с годовым доходом менее 75 тыс. долл. Кроме того, семьи с детьми получали фиксированную сумму 500 долл. на каждого ребенка. Общее число получателей таких единовременных выплат составило около 70 млн чел. Согласно программе, утвержденной Дж. Байденом, единовременные выплаты каждому налогоплательщику с доходом менее 80 тыс. долл. составят уже 1400 долл.

блению, чем те, за чей счет эти пособия выплачиваются. Перераспределение дохода с помощью механизмов социального страхования теоретически должно способствовать росту совокупного спроса.

Вместе с тем действие автоматических фискальных стабилизаторов, как правило, сопряжено с усилением бюджетной несбалансированности (рис. 2). Другими словами, способствуя некоторой стабилизации экономики, они одновременно дестабилизируют госбюджет.

Какова эффективность существующих автоматических стабилизаторов? Они, конечно, амортизируют шоки совокупного спроса, но относительно слабо, так как ориентированы не столько на макроэкономическую стабилизацию, сколько на цели социальной защиты или соображения справедливости. В частности, прогрессивная шкала подоходного налогообложения плохо работает как антикризисный инструмент, поскольку в условиях рецессии по пониженной ставке налога облагается меньший по размеру доход, то есть располагаемый доход все равно снижается. Кроме того, эти автоматические стабилизаторы представляют собой инструменты “тонкой настройки”. Они не позволяют изменить величину совокупного спроса быстро и в значительных масштабах, поскольку для этого потребовалось бы изменять схему их работы путем принятия необходимых политических решений, то есть автоматическая политика стала бы дискреционной с присущими ей недостатками.

И механизмы дискреционной политики, и традиционные автоматические стабилизаторы имеют существенные недостатки. Поэтому в последние годы выдвигаются предложения по разработке “фискальной политики, основанной на правилах” (*rule-based fiscal stimulus*) – механизмов стимулиро-

вания экономики, которые, будучи заранее прописанными в законе, автоматически начинали бы действовать в случае ухудшения макроэкономических показателей. Их называют также полуавтоматическими и асимметричными стабилизаторами, поскольку они должны обладать двумя важными характеристиками.

Во-первых, в их использовании не должно быть полного автоматизма: они включаются не при любом ухудшении экономической конъюнктуры, а лишь когда оно достигает определенной границы. Это служит так называемым триггером – сигналом для запуска данной политики. Во-вторых, законодательно закрепленные масштабы бюджетной реакции на изменение ситуации в экономике должны быть асимметричными, то есть усиливаться в случае углубления кризиса. По мнению авторов таких предложений, “меры политики, заранее разработанные и прописанные в законе, с гораздо большей вероятностью будут лучше продуманы, более тщательно проверены и лучше доведены до сведения общества, чем принимаемые в разгар кризиса дискреционные акты” [20, р. 7].

Разработка полуавтоматических стабилизаторов требует решения ряда теоретических и практических вопросов. Основной из них – какой триггер лучше использовать: темп экономического роста или уровень безработицы? В принципе, автоматические (и полуавтоматические) стабилизаторы должны уменьшать отклонение фактического ВВП от его потенциального значения (так называемый разрыв ВВП). Однако, с одной стороны, он может увеличиваться не только вследствие рецессии, но и при увеличении потенциального ВВП в результате роста производительности, вовлечения в оборот новых ресурсов и т. п. На такое увеличение разрыва ВВП автоматические стабилизаторы

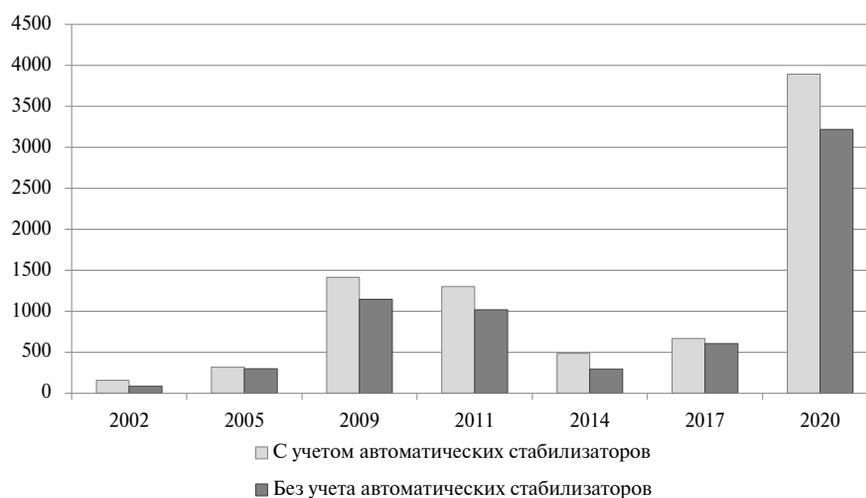

Рис. 2. Дефицит федерального бюджета США, 2002–2020 гг., млрд долл.

Источник: [19].

реагировать не должны. С другой стороны, расчет величины потенциального ВВП требует времени и далеко не всегда дает точный результат.

По мнению ряда исследователей, более правильным был бы выбор в пользу использования в качестве триггера отклонения фактической безработицы от ее естественного уровня [15]. Однако и в этом случае возникают проблемы. Хотя данные об уровне фактической безработицы за прошедший месяц, как правило, доступны уже в начале следующего, показатель естественной безработицы не является постоянной величиной и оценивать его в режиме реального времени непросто. Кроме того, неординарной задачей оказывается определение целевых групп населения для выплат.

Одно из активно обсуждаемых в США предложений (выдвинутых, кстати, до начала пандемии) – автоматическое предоставление ежегодных единовременных стимулирующих выплат физическим лицам независимо от уровня их дохода, если трехмесячный средний уровень безработицы отклоняется от своего естественного значения на 0.5 п.п. Объем выплат должен составлять 0.7% ВВП (или около 1% совокупных потребительских расходов) [21]. Фактически предлагается раздать “вертолетных денег” перевести из разряда чрезвычайных дискреционных мер в категорию полуавтоматических стабилизаторов и использовать регулярно при ухудшении экономической конъюнктуры.

По своему механизму к полуавтоматическим стабилизаторам близки обсуждаемые в экономической литературе меры нетрадиционной фискальной политики (*unconventional fiscal policy*) [22]. В ее рамках предлагается использовать повышение налогов на потребление (НДС, налога с продаж) для стимулирования роста инфляционных ожиданий домашних хозяйств. При сложившихся крайне низких номинальных процентных ставках повышение инфляционных ожиданий будет приводить к формированию отрицательных реальных процентных ставок, что в свою очередь должно подстегивать рост потребления.

Подобную фискальную политику действительно следует отнести к разряду нетрадиционной, поскольку она фактически берет на себя функцию монетарной политики – воздействие на инфляционные ожидания домохозяйств в условиях достижения процентными ставками фактической нижней границы. Возможно, что при ее проведении будет необходимо снизить налоги на зарплату, чтобы увеличение налогов на потребление не влияло на реальные доходы. По мнению сторонников такой политики, ее важное преимущество в том, что она является нейтральной по отношению к госбюджету, то есть не увеличивает его дефицит,

в отличие от традиционных форм фискального стимулирования экономики. Это особенно существенно для стран с высоким уровнем долга. Так же как и в случае с полуавтоматическими стабилизаторами, повышение (и последующее снижение) налогов на потребление в рамках нетрадиционной фискальной политики должно происходить с учетом заранее определенных макроэкономических триггеров.

Важно подчеркнуть, что практически любые меры бюджетно-налогового стимулирования приводят к росту государственных расходов и/или сокращению бюджетных доходов, а значит, увеличению бюджетного дефицита и государственного долга. Принципиальное значение приобретает вопрос, в какой степени государство может и дальше задействовать фискальные инструменты антикризисной политики? В условиях крайне низких процентных ставок и, соответственно, процентных платежей по новому госдолгу наращивание задолженности в какой-то степени приемлемо. Но происходящее сегодня резкое усиление бюджетного стимулирования экономики создает угрозу финансовой стабильности в будущем, поскольку неизбежно приводит к сужению так называемого бюджетного пространства (*fiscal space*).

Концепция бюджетного пространства и методов его измерения, разработанная МВФ, представляет собой оценку объема имеющихся у стран возможностей для повышения дефицитов бюджета без ущерба для доступа к финансовым рынкам или устойчивости своей долговой ситуации [23]. Когда правительство собирается увеличить расходы или снизить налоги, ему необходимо рассчитать, сможет ли оно финансировать возникающий дефицит бюджета без риска неблагоприятной реакции финансовых рынков или подрыва долгосрочной стабильности государственных финансов.

Для оценки размеров бюджетного пространства МВФ использует комплекс показателей: структура и траектория государственного долга, потребности в финансировании и легкость заимствования, обязательства по расходам, прочность бюджетных институтов и т. д. Ключевым является отношение госдолга к ВВП, характеризующее способность страны заимствовать средства на рынке и активно действовать в условиях рецессии. За последние 20 лет отношение госдолга к ВВП в ведущих развитых странах удвоилось и превысило 100% (рис. 3).

В 2018 г. МВФ опубликовал оценки размеров бюджетного пространства ведущих развитых государств и стран с формирующимися рынками [23]. К государствам со значительным бюджетным пространством были отнесены Австрия, Германия, Нидерланды и Швеция. В группу стран с ограниченным бюджетным пространством вошли США,

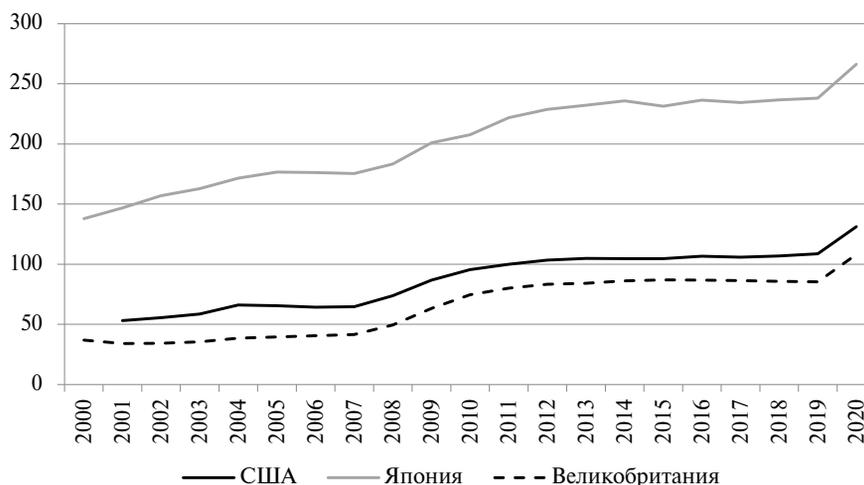

Рис. 3. США, Великобритания, Япония: динамика госдолга, 2000–2020 гг., % ВВП

Источники: [1, 2].

Великобритания, Россия и Китай, а с жестким ограничением бюджетного пространства – Бразилия, Испания и Италия. Ограниченность бюджетного пространства, по мнению экспертов МВФ, создает повышенные риски нарушения стабильности финансовой системы при проведении стимулирующей фискальной политики. В течение года после начала пандемии были предприняты беспрецедентные по своим масштабам бюджетные меры, совокупный объем которых по состоянию на март 2021 г. составил около 16 трлн долл. [24, р. 1], или почти 19% мирового ВВП. Это еще больше сузило для многих стран бюджетное пространство.

Важно подчеркнуть, что в финансировании столь колоссальных государственных расходов самое активное участие принимают центробанки, которые покупают значительную часть госдолга. Их доля в покупках гособлигаций, выпущенных после февраля 2020 г., составила в США 57%, в еврозоне – 71, в Японии – 75% [25, р. 2]. Такой масштаб квазифискальных операций фактически означает монетизацию бюджетных дефицитов и, по мнению многих специалистов, создает угрозу независимости центральных банков. Бывший заместитель управляющего Банком Англии П. Такер считает, что в результате пандемии “центральные банки вернулись к той роли, которую они играли с 1930-х по 1980-е годы, когда были всего лишь орудием в руках министров финансов” [26, р. 44]. С ним согласны и эксперты Банка международных расчетов, которые указывают, что традиционные границы между монетарной и фискальной политикой размываются, а функция первой может оказаться подчиненной краткосрочным бюджетным потребностям – так называемому фискальному доминированию. Тогда “с таким трудом завоеванный авторитет монетарных институтов будет подорван,

а вместе с ним и способность центральных банков выполнять свои задачи по макроэкономической стабилизации” [27, р. 63].

Казавшаяся незыблемой концепция независимости центробанков, на которые возлагалась задача не допускать перегрева экономики и неконтролируемой инфляции, также становится предметом дискуссий. Сегодня, по мнению Б. Бернанке, который в прошлом сам был руководителем ФРС, “ориентированное на инфляцию обоснование независимости центрального банка выглядит несколько устаревшим в мире, где инфляция и номинальные процентные ставки слишком низки, а не слишком высоки” [28, р. 4].

Итак, происходит пересмотр базовых принципов макроэкономической политики, в частности разделения полномочий между правительством и центробанком. На первый план выходят нетрадиционные инструменты политики. В результате монетарная политика в растущей мере становится квазифискальной (предоставление денег для финансирования государственных расходов). На бюджетно-налоговую политику предлагается возложить функции монетарной политики (регулирование темпов инфляции и уровня реальной процентной ставки). Правда, эксперты МВФ дают не очень оптимистичную оценку перспектив стабилизационной политики в развитых странах: “При более низких средних процентных ставках и более высоких государственных долгах, чем они были в течение последних 60 лет, даже до пандемии, существуют опасения по поводу способности политиков эффективно реагировать на будущие спады” [29, р. 41].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *World Economic Outlook. Managing Divergent Recoveries*. Washington, IMF, April 2021. 170 p.
2. *World Economic Outlook Database*. IMF, October 2020. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October> (accessed 20.02.2021).
3. Holston K., Laubach T., Williams J.C. Measuring the Natural Rate of Interest: International Trends and Determinants. *Journal of International Economics*, 2017, vol. 108 (S1), pp. S59-S75.
4. Yellen J. *The Federal Reserve's Monetary Policy Toolkit: Past, Present, and Future*. August 2016. Available at: <https://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/yellen20160826a.htm> (accessed 22.02.2021).
5. *Letter to Chair Yellen and the Board of Governors*. June 8, 2017. Available at: <http://populardemocracy.org/sites/default/files/Rethink%202%25%20letter.pdf> (accessed 22.02.2021).
6. Summers L. Accepting the Reality of Secular Stagnation. *Finance & Development*, 2020, vol. 57, no. 1, pp. 17-19.
7. Powell J. *New Economic Challenges and the Fed's Monetary Policy Review*. August 27, 2020. Available at: <https://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/powell20200827a.htm> (accessed 10.02.2021).
8. Lilley A., Rogoff K. *The Case for Implementing Effective Negative Interest Rate Policy*. April 2019. 43 p. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3427388 (accessed 20.01.2021).
9. Bottero M., Minoiu C., Peydro J.-L., Polo A., Presbitero A., Sette E. Expansionary yet Different: Credit Supply and Real Effects of Negative Interest Rate Policy. *CEPR Discussion Paper 14233*, 2019. 63 p. Available at: https://cepr.org/active/publications/discussion_papers/dp.php?dpno=14233 (accessed 24.01.2021).
10. Eggertsson G., Juelsrud R., Wold E. Are Negative Nominal Interest Rates Expansionary? *NBER Working Paper 24039*, 2017. 50 p. DOI: 10.3386/w24039
11. Rogoff K. Dealing with Monetary Paralysis at the Zero Bound. *Journal of Economic Perspectives*, 2017, 31 (3), pp. 47-66. DOI: 10.1257/jep.31.3.47
12. Angeletos G.-M., Lian C. Forward Guidance without Common Knowledge. *American Economic Review*, 2018, vol. 108 (9), pp. 2477-2512. DOI: 10.1257/aer.20161996
13. *Board of Governors of the Federal Reserve System. Recent Balance Sheet Trends*. Available at: https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/bst_recenttrends.htm (accessed 05.02.2021).
14. Summers L., Stansbury A. Whither Central Banking? *Project Syndicate*, August 23, 2019. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/central-bankers-in-jackson-hole-should-admit-impotence-by-lawrence-h-summers-and-anna-stansbury-2-2019-08?barrier=accesspaylog> (accessed 15.01.2021).
15. Blanchard O.J., Summers L.H. Automatic Stabilizers in a Low-Rate Environment. *Peterson Institute for International Economics Policy Brief*, February 2020. 2 p. Available at: <https://www.piie.com/system/files/documents/pb20-2.pdf> (accessed 12.02.2021).
16. Chen C., Dabla-Norris E., Rappaport J., Zdzienicka A. Political Costs of Tax-Based Consolidations. *IMF Working Paper 19/298*, 2019. 31 p.
17. Ramey V., Zubairy S. Government Spending Multipliers in Good Times and in Bad: Evidence from US Historical Data. *Journal of Political Economy*, 2018, vol. 126, no. 2, pp. 850-901.
18. The Economic Impact of the American Recovery and Reinvestment Act Five Years Later. *Economic Report of the President, 2014*. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/administration/eop/cea/economic-report-of-the-President/2014> (accessed 13.02.2021).
19. USA. *Congressional Budget Office. Automatic Stabilizers in the Federal Budget: 2020 to 2030*. February 2020. Available at: <https://www.cbo.gov/system/files/2020-02/56095-CBO-automatic-stabilizers.pdf> (accessed 13.02.2021).
20. Eichenbaum M.S. Rethinking Fiscal Policy in an Era of Low Interest Rates. *Monetary Authority of Singapore. Macroeconomic Review*, 2019, vol. XVIII, iss. 1, pp. 90-99.
21. Sahm C. Direct Stimulus Payments to Individuals. *Recession Ready. Fiscal Policies to Stabilize the American Economy*. Boushey H., Nunn R., Shambaugh J., eds. Washington, Brookings, 2019, pp. 67-92.
22. D'Acunto A., Hoang D., Weber M. Unconventional Fiscal Policy. *NBER Working Paper 24244*, 2018. 5 p.
23. *Assessing Fiscal Space: an Update and Stocktaking*. IMF, 2018. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2018/06/15/pp041118assessing-fiscal-space> (accessed 26.01.2021).
24. *Fiscal Monitor. A Fair Shot*. Washington, IMF, April 2021. 104 p.
25. *Fiscal Monitor. Policies for the Recovery*. Washington, IMF, October 2020. 106 p.
26. Tucker P. On Central Bank Independence. *Finance & Development*, 2020, vol. 57, no. 2, pp. 44-47.
27. *Bank for International Settlements. Annual Economic Report*. Basel, BIS, 2020. 95 p.
28. Bernanke B. *Monetary Policy in a New Era*. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/10/bernanke_rethinking_macro_final.pdf (accessed 15.01.2021).
29. *World Economic Outlook. The Great Lockdown*. Washington, IMF, April 2020. 158 p.

MACROECONOMIC POLICY AT A CROSSROADS

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 7, pp. 5-15)

Received 17.02.2021.

Anatoly V. KHOLOPOV (akhopolov@mgimo.ru),

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

The article examines macroeconomic policy options for advanced economies to respond to adverse shocks in the environment of very low interest rates and very high levels of public debt, when the scope for using conventional policy tools is limited. The standard transmission mechanism of monetary policy in the ELB conditions stops working normally, and the economy faces the “liquidity trap” effect. The deployment by central banks of unconventional monetary tools (forward guidance, quantitative easing, and negative interest rates) after global financial crisis was helpful in combatting the downturn, but carries risk of possible side effects. Large-scale purchases of financial assets lead to significant increase in central banks’ balance sheets, and this creates a threat to future financial stability and central bank independence. Negative interest rates can have detrimental effects on bank profitability and be contractionary through bank lending. There is a consensus that today fiscal policy has to play a major role in stabilizing the business cycle. But the effectiveness of conventional tools of discretionary fiscal policy is uncertain because of long political lags and small spending multiplier. Existing automatic fiscal stabilizers are focused on social protection goals and not on macroeconomic stabilization. Thus, the newly proposed measures for rules-based fiscal stimulus (asymmetric semiautomatic stabilizers – tax or spending measures triggered by the crossing of some statistical threshold, e.g. a high unemployment rate) and unconventional fiscal policy (the use of consumption taxes to increase inflation expectations) have become the object of active discussion. Here lies the danger in the fusion of monetary and fiscal policy: central banks’ operations are becoming increasingly quasi-fiscal, aimed at financing budget deficit, and functions of monetary policy are proposed to assign to fiscal policy. Besides, the expansion of fiscal stimulus threatens financial stability in the future, as it leads to increase in public debt and narrows a country’s fiscal space.

Keywords: stabilization policy, monetary policy, fiscal policy, automatic stabilizers.

About author:

Anatoly V. KHOLOPOV, Dr. Sci. (Econ.), Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-5-15

СУВЕРЕННЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ФОНДЫ: УРОКИ КОРОНАКРИЗИСА

© 2021 г. С. Чебанов

ЧЕБАНОВ Сергей Васильевич, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (scheb@imemo.ru).

Статья поступила в редакцию 24.03.2021.

Рассматривается влияние коронакризиса 2020 г. на деятельность суверенных инвестиционных фондов. Несмотря на первоначальные прогнозы о том, что их позиции в мировой экономике ослабнут, в целом эта группа институциональных инвесторов продемонстрировала устойчивость к экзогенным шокам благодаря эффективной реаллокации активов, а также адаптации форм и направлений операционной деятельности. Сделан вывод, что в постпандемический период госфонды все большего числа стран будут выходить за рамки традиционного сберегательно-стабилизационного мандата и обретать стратегические функции, превращаясь в механизмы ускорения национального социально-экономического и технологического прогресса.

Ключевые слова: суверенные инвестиционные фонды, пандемия *COVID-19*, коронакризис 2020 г., стратегические инвестиции, хайтек, биотехнология, РФПИ, Спутник V.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-16-24

Коронакризисный 2020 год отмечен глубоким падением мировой экономики, усугублением накапливавшихся в ней противоречий и проблем. Проводившиеся правительствами меры по предотвращению распространения пандемии *COVID-19* обернулись коллапсом сложившихся в предыдущие десятилетия трансграничных хозяйственных, технологических, культурных и человеческих связей, разрывом глобальных цепочек стоимости, многими другими беспрецедентными и неожиданными явлениями. Мощный удар коронакризиса испытали государства, бизнес, отдельные люди. Рассмотрим, как и с какими результатами прошли 2020 г. фонды национального благосостояния, или суверенные инвестиционные фонды (СИФ), во втором десятилетии XXI в. ставшие заметной группой игроков на глобальном финансово-инвестиционном поле.

I

Одна из наиболее примечательных черт потрясений 2020 г. по сравнению с предыдущим глобальным финансово-экономическим кризисом (ГФК) 2008–2009 гг. — резкий разрыв между унылой ситуацией в реальном секторе экономики и общим оптимистическим настроением на финансовых рынках, отразившимся в позитивной динамике фондовых индексов. Несмотря на фактический обвал глобального ВВП (по данным МВФ, как минимум на 4.9%, по оценкам Всемирного банка — на 5.2%), потерю миллионов рабочих мест и крах множества фирм, биржевой статистикой зафиксирован одновременный рост капитализации рынка облигаций

на 10.2% (индекс *S&P 500 Bond*), а рынка акций — на 13.1% (индекс *S&P Global 1200*) [1, p. 1].

Восходящая динамика финансового рынка положительно сказалась на положении большинства его участников, в том числе суверенных инвестиционных фондов, портфели которых в среднем на 3/4 состоят из рыночных ценных бумаг. Удорожание их котировок способствует улучшению интегрального показателя масштабов деятельности любого инвестора — стоимости находящихся под его управлением активов (*assets under management, AUM*).

Согласно экспертным оценкам, к декабрю 2020 г. совокупная стоимость *AUM* всей группы СИФ (в состав которой финансовые аналитики включают уже порядка 155 различных государственных инвестиционных организаций всех стран мира) достигла исторического максимума — около 9.1 трлн долл. По сравнению с 2008 г., когда разразился глобальный финансовый кризис (ГФК), показатель более чем удвоился, а со времени нефтяного обвала 2015 г. вырос на 21% (табл. 1).

Подобное развитие событий может показаться парадоксальным, учитывая, что большинство суверенных фондов создавалось как инструмент стабилизации финансового положения соответствующих государств, как кубышки для накопления средств на “черный день”. В прошедшем году он, несомненно, наступил для многих: коронакризис нанес ощутимый удар по странам, чье благосостояние традиционно зиждилось на экспорте природных ресурсов (мировой рынок которых характеризуется крайне высокой волатильностью и непредсказуемостью).

Таблица 1. Динамика совокупного объема активов (AUM) СИФ, 2008–2020 гг., по состоянию на декабрь соответствующего года, трлн долл.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>AUM</i>	4.0	4.2	4.8	5.4	6.1	6.8	7.4	7.5	7.5	8.4	8.4	8.7	9.1

Источник: [1, p. 15].

Обусловленное контрпандемическими ограничениями общее охлаждение глобальной хозяйственной активности, особенно в части трансграничных перевозок, резко снизило спрос на топливо, прежде всего на нефть. Естественно, это не могло не подкосить бюджеты стран-нефтеэкспортеров, и так с 2015 г. испытывавших трудности в связи с неблагоприятной для них ценовой ситуацией на мировом рынке углеводородов. Правительствам ряда таких стран пришлось прибегнуть к экстремному “распечатыванию” средств, накопленных в суверенных фондах. Цель была понятна – впрыснуть значительные объемы ликвидности в национальные экономики, чтобы не дать полностью прекратиться деловой и потребительской активности из-за закрытия внешних границ стран и местных локдаунов¹. Причем такого рода меры обычно не предусматриваются мандатами СИФ: именно отсутствие у них прямых и законодательно закрепленных обязательств перед госбюджетом считается одним из основных характерологических признаков такого рода финансовых организаций.

Ситуация побудила некоторых зарубежных экспертов к формулированию в середине 2020 г. весьма негативного прогноза будущности “ресурсных” фондов, которые все еще имеют численное большинство [3, 4]. Однако последующий ход событий не подтвердил пессимистические оценки. Факты и статистика, накопленные к началу 2021 г., свидетельствуют о том, что в целом, несмотря на все коронавирусные перипетии, суверенные фонды в качестве особой группы игроков на глобальном финансово-инвестиционном поле не только сохранили, но и укрепили свои позиции на нем. Естественно, следует понимать, что за данной констатацией скрывается сложная картина многочисленных и зачастую разнонаправленных событий и тенденций.

Прежде всего отметим, что, несмотря на ежегодное пополнение группы новыми участниками, реально ее “лицо”, то есть интегральные показатели, по-прежнему определяется небольшим числом крупнейших фондов. Действительно, по состоянию на середину 2020 г. более 62% совокупного показателя *AUM* (5.7 трлн долл.) приходилось всего

¹ По предварительным подсчетам, в общей сложности уже к середине лета 2020 г. всеми правительствами было различными способами выпущено в оборот свыше 10 трлн долл. свежей ликвидности, что и поддержало “на плаву” всю мировую финансовую систему [2].

на 10 фондов (табл. 2). Фонды-лидеры демонстрируют завидную устойчивость благодаря накопленному опыту работы на мировом инвестиционном рынке, диверсификации активов, грамотному структурированию своих инвестпортфелей, привлечению к разработке стратегии и операционному управлению лучших финансовых менеджеров [5].

Таблица 2. 10 крупнейших суверенных инвестфондов мира, *AUM* по состоянию на июль 2020 г., млрд долл.

<i>Norway Government Pension Fund Global</i> (Норвегия)	1186.67
<i>CIC</i> (Китай)	940.6
<i>ADIA</i> (ОАЭ)	579.62
<i>QIA</i> (Кувейт)	533.65
<i>HKMA Investment Portfolio</i> (Китай–Гонконг)	528.05
<i>GIC Private Limited</i> (Сингапур)	453.2
<i>SAFE Investment Company</i> (Китай)	417.84
<i>Temasek Holdings</i> (Сингапур)	375.38
<i>Public Investment Fund</i> (Саудовская Аравия)	360
<i>National Council for Social Security Fund</i> (Китай)	325
Общая сумма	5700.01

Источник: [6].

Далее, суверенные фонды представляют собой весьма гетерогенную совокупность финансовых организаций, существенно различающихся не только размерами, но и уставными задачами, порядком финансирования, структурой управления и т. д. Наиболее общая градация связана с источником средств для операционной деятельности фондов: они разделяются на сырьевые (или ресурсные), финансируемые за счет поступлений от экспорта природных ресурсов, и несырьевые, финансируемые за счет доходов от промышленного экспорта. Исторически большинство СИФ относилось к разряду сырьевых, но в последнее десятилетие наиболее быстро росли их несырьевые аналоги.

Имеются сведения, что в кризисных условиях 2020 г. как минимум 26 госфондов экстренно распродали часть своих активов, облегчив свои инвестиционные портфели суммарно на 162 млрд долл. [1, p. 4]. Тем самым они внесли заметный, а во многих случаях основной вклад в залатывание брешей в национальных финансах, возникших из-за осуществления масштабных государственных программ по противодействию коронакризису в форме помощи как бизнесу, так и домохозяйствам.

Таблица 3. Показатели инвестиционной активности СИФ, 2015–2020 гг.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Совокупная стоимость новых инвестиций, млрд долл.	134.6	107.9	195.0	140.0	124.7	83.7
Число сделок	218	226	272	278	308	280

Источник: [1, p. 10].

В частности, крупнейший в мире *Government Pension Fund Global* (Норвегия), получив от правительства страны распоряжение существенно увеличить объем средств, перечисляемых в госбюджет, продал активы на сумму от 37 млрд до 40 млрд долл. (из них около 7 млрд долл. в I кв. 2020 г.) [7, 8]. Это намного – примерно в 4 раза – превысило предыдущий рекордный показатель (9.7 млрд долл. за весь 2016 г., когда тоже имел место обвал нефтяного рынка). В 2020 г. норвежские власти исходили из прогноза, что поступления от экспорта нефти рухнут на 62% и что для компенсации столь существенных потерь придется распечатать государственный инвестфонд [9]. Тем не менее, согласно опубликованному в феврале 2021 г. годовому отчету, благодаря грамотным действиям менеджмента в конечном счете удалось получить в 2020 г. интегральную доходность на капитал в размере 10.9% и увеличить активы на 8.2% (при расчете в норвежских кронах) [10].

В аналогичной ситуации оказались ближневосточные государства, столкнувшиеся с непривычно крупным бюджетным дефицитом. Так, в Абу-Даби он оценивался в 12% ВВП, что потребовало изъятия примерно 20 млрд долл. из национального инвестфонда. Оман для компенсации 19%-го дефицита госбюджета планировал выручить от подобных операций 8 млрд долл. [11].

В то же время следует отметить, что объем распродаж оказался весьма незначительным относительно общих размеров активов группы СИФ². Как констатировал исполнительный директор Международного форума суверенных инвестиционных фондов (МФСИФ) Д. Бонфилд по результатам проведенного этой организацией обследования, “вопреки ожиданиям, госфонды обошлись без массивной распродажи своих активов для обеспечения своих правительств ликвидностью. Так, в начале марта 2020 г. только 2 из 10 обследованных фондов сообщили, что получили соответствующие запросы” [12].

II

Понятно, что в пандемический 2020 г. нестабильность и неопределенность общеэкономической ситуации в мире не способствовали приоб-

² Например, в апрельском прогнозе аналитики *JP Morgan* предположили, что госфонды потеряют в 2020 г. как минимум 1 трлн долл. активов [9].

ретению госфондами, как и другими инвесторами, новых активов. В целом по группе суверенных фондов были зарегистрированы 280 трансакций по вложению средств. В сумме они составили 83.7 млрд долл., что означало снижение на 33% по сравнению с 2019 г. (табл. 3).

В то же время, как показал опыт ГФК 2008–2009 гг., для некоторых суверенных фондов ситуация глобального кризиса открывает шансы для существенного укрепления своих позиций. Ведь по сравнению с частными акторами они располагают такими важными особенностями, как дальний горизонт инвестиционного планирования и наличие прочной капитальной базы, позволяющей в основном обходиться без “кредитного плеча”. Это их конкурентные преимущества, которые во многих случаях позволяют действовать в противофазе по отношению к общим рыночным тенденциям.

В период ГФК появившимся тогда “окном возможностей” воспользовались (правда, не всегда однозначно успешно в краткосрочном плане) госфонды, относящиеся к категории “сберегательных”. В частности, фонды *ADIA* (Абу-Даби), *QIA* (Кувейт), *GIC* (Сингапур) и *CIC* (КНР) на фоне рыночного обвала относительно дешево выкупили многомиллиардные доли в некоторых крупнейших банках США, Великобритании и Швейцарии, играющих системообразующую роль в современной глобальной финансовой архитектуре.

В 2020 г. в период пандемии *COVID-19* произошла заметная активизация деятельности пока еще немногочисленных суверенных фондов, которые можно отнести к особой категории – “стратегических” госинвесторов. Их миссия состоит в действии долгосрочной реструктуризации, диверсификации и повышении конкурентоспособности национальных экономик. Это принципиально отличает их от более традиционных сберегательных и стабилизационных фондов, выступающих в качестве механизма создания и поддержания финансовой “подушки безопасности” для стран, благосостояние которых зиждется на экспорте сырьевых ресурсов и чрезмерно зависит от переменчивости конъюнктуры на их рынках.

К стратегическим инвестфондам эксперты относят, например, сингапурский *Temasek*, саудовский *PIF*, *Mubadala* (ОАЭ), турецкий *TVF*, отечественный РФПИ (Российский фонд прямых инвестиций). Популярность и количество подоб-

ных организаций в последнее время все больше растут, поскольку они убедительно демонстрируют востребованность и эффективность на фоне общей глобальной неопределенности и возросшей волатильности инвестиционных процессов. Например, в Сингапуре фонд *Temasek* обеспечил в кризисном 2020 г. срочную докапитализацию таких стержневых для экономики этого азиатского города-государства компаний, как судостроительной *Sembcorp Marine* (1.5 млрд долл.) и авиатранспортной *Singapore Airlines* (13 млрд долл.) [3].

Имеющаяся статистика указывает на то, что это фундаментальное изменение в главной миссии и инвестиционных приоритетах суверенных фондов, наметившееся после ГФК 2008–2009 гг., постепенно прогрессирует. За прошедшие с тех пор годы общая стоимость стабилизационных фондов выросла на 91%, а их вложения в альтернативные активы³ – в 86 раз. Аналогичные показатели сберегательных фондов составили 131% и 4.6 раза, а фондов стратегического развития – 190% и 6.6 раза соответственно [1, p. 15].

В условиях падения нефтяных цен и ослабления притока средств в госбюджет многим суверенным фондам приходится выходить за рамки традиционных схем работы и привлекать дополнительные средства путем выхода на рынки частного капитала. Это также, несомненно, означает существенное изменение в их стратегии и операционной деятельности.

Так, в октябре 2020 г. Инвестиционная корпорация Дубая выпустила облигации на сумму 600 млн долл. Аналогичные планы разрабатывались в Турции, но не были реализованы ввиду высокой макроэкономической волатильности. В Индонезии, где идет работа по созданию своего суверенного фонда, изначально предполагается, что его капитальную базу обеспечат не только государственные средства и доли в госкомпаниях, но и частные инвестиции. В Джибути планируется

³ Альтернативные активы – широкая группа инструментов финансового рынка, не относящихся к категории конвенциональных (которыми считаются акции, облигации и наличные средства). Сюда входят вложения в капитал частных фирм (в том числе стартапов), в недвижимость, в хедж-фонды, в товарные запасы (прежде всего сырье), в предметы искусства и другие объекты коллекционирования, в частные долги и разного рода деривативы – структурированные финансовые продукты (например, *CDO*, *CDS*, *MBO*). Подобные инвестиции не подпадают под государственные нормы, регулирующие биржевой оборот акций и облигаций. Соответственно, они более рискованные и характеризуются гораздо более высоким порогом вхождения на рынок. Однако в условиях нестабильного, тем более падающего рынка альтернативные активы способны приносить гораздо большую доходность, нежели конвенциональные. Поэтому в период после ГФК 2008–2009 гг. они стали весьма привлекательными для институциональных инвесторов, в том числе для суверенных фондов.

увеличить капитал недавно созданного суверенного фонда до 1.5 млрд долл., причем аналитики сходятся во мнении, что это будет сделано за счет смешанного государственно-частного финансирования [13].

Выход на фондовый рынок и рынок финансовых инструментов с фиксированным доходом для пополнения капитальной базы практиковался некоторыми госфондами и ранее. В период постпандемического восстановления такой вариант финансирования инвестопераций стал еще более востребованным, прежде всего в странах, где фонды используются для реструктурирования и развития национальной экономики, – Сингапуре (*Temasek*), Абу-Даби (*Mubadala*), Малайзии (*Khazanah Nasional*), Казахстане (*Samruk Kazyna*), Бахрейне (*Mumtalakat*), Индии (*National Investment and Infrastructure Fund*), РФ (Российский фонд прямых инвестиций).

Не будет преувеличением констатировать, что коронакризис бросил СИФ своего рода экзистенциальный вызов. Можно согласиться с мнением, что “2020 г. станет поворотной точкой в их истории. Им всем придется переосмыслить свою стратегию и адаптироваться к новым потребностям создавших их правительств независимо от исходных мандатов и правил управления средствами” [13].

III

В последние годы наблюдаются резкие перепады в динамике доходности основных классов рыночных активов. При этом очевидно, что сугубо финансовые трансакции, особенно спекулятивного характера (например, инвестирование в хедж-фонды), стали слишком ненадежными. Поэтому в прошедшем после ГФК 2008–2009 гг. десятилетии акцент в деятельности СИФ стал в целом неуклонно смещаться на вложения в активы, меньше подверженные влиянию конъюнктурных шоков и обеспечивающие не только более привлекательную доходность на длительную перспективу, но и при определенных условиях даже ее взрывной рост, как, например, при вложениях в стартапы, разрабатывающие новейшие технологии (табл. 4, 5).

В частности, в 2020 г. стоимость сделок по приобретению новых активов, относящихся к недвижимости и инфраструктуре, составила только 29% общего итога – против 38% в 2019 г. Более того, в отличие от предыдущих лет в качестве объектов приложения средств все меньшей привлекательностью пользовались роскошные отели и бизнес-центры в крупных городах, зато вырос интерес к вложениям в склады и другие компоненты глобальных логистических цепочек, в дата-центры, в студенческие кампусы и даже в дома престарелых [1, p. 5]. Пандемия *COVID-19* с новой силой высветила пер-

Таблица 4. Средняя доходность основных классов инвестиционных активов, 2018–2020 гг., %

Класс активов	2018	2019	2020	Индекс
Ценные бумаги с фиксированным доходом	–2	+13.6	+10.2	<i>S&P500B</i>
Акции, находящиеся в биржевом обороте	–10.5	+25	+13.1	<i>S&PGL1200</i>
Недвижимость	–5.6	+24	–5.2	<i>S&P500RE</i>
Объекты инфраструктуры	–13.2	+21.8	–8.7	<i>S&PGLInfra</i>
Капитал частных фирм (в том числе стартапов)	–17.2	+39.4	+0.6	<i>S&PLPE</i>
Хедж-фонды	–0.8	+7.3	+0.6	<i>HFM GL</i>

Источник: составлено по данным международной биржевой статистики (индексов *S&P* и *HFM*).

Таблица 5. Сравнительная характеристика деятельности СИФ в условиях кризисов 2008 и 2020 гг.

2008 г. (финансовый кризис)	2020 г. (кризис здравоохранения)
90 фондов, совокупный <i>AUM</i> 4 трлн долл.	155 фондов, совокупный <i>AUM</i> 9.1 трлн долл.
<p>Основные характеристики:</p> <ul style="list-style-type: none"> – первый массированный выход на глобальное инвестиционное поле; – разрозненные, плохо выверенные инвестиции, конъюнктурные убытки; – недостаточность практического опыта; – проблемы с управлением; – невысокая прозрачность; – лидерство сберегательных фондов (<i>ADIA, CIC, GIC, KIA, QIA</i>); – главное направление инвестиций: финансовый сектор 	<p>Основные характеристики:</p> <ul style="list-style-type: none"> – многие госфонды стали крупными инвестиционными организациями с отлаженным планированием и менеджментом, многотысячным персоналом, представительствами и офисами в различных частях света; – накопленный опыт обеспечивает финансовую устойчивость и способность справляться с экзогенными рыночными шоками; – сотрудничество с частными инвестфондами, осуществление совместных инвестиционных проектов, координация в рамках Международного совета СИФ; – лидерство стратегических фондов (<i>Mubadala, PIF, Temasek, TVF, РФПИ</i>); – главные направления инвестиций: здравоохранение, хайтек, авиатранспорт

Источник: составлено автором.

спективность таких направлений инвестирования, как информационно-коммуникационные технологии, науки о жизни и здравоохранение, а также финансирования развития наиболее передовых секторов промышленного производства (в частности биотехнологии, робототехники, 3D-печати и т. д.).

Зарубежные биржевые аналитики вынуждены признать, что сейчас к инвестициям суверенных фондов уже неприменимо уничижительное понятие *dumb money* (тупые деньги), которое пытались использовать на Западе в первое десятилетие 2000-х годов. Ведущие госфонды мира к настоящему времени накопили значительный, в том числе негативный, деловой опыт. Они стали сильными и профессиональными игроками глобального инвестиционного рынка, убедительно доказывая свою состоятельность и конкурентоспособность [4, 5]. Это подкрепляется взятой в последние годы на вооружение стратегией сотрудничества с частными инвесторами, для которых многие СИФ стали привлекательными и желанными партнерами.

Примечательный пример дает саудовский *PIF*. В 2008 г. это был государственный инвестиционный холдинг, в основном ориентированный на финансирование тех проектов внутри Королевства, которые не представляли интереса для частного капитала. С тех пор он превратился в основного оператора амбициозной программы модерниза-

ции саудовской экономики *Vision-2030* и активного игрока на глобальном инвестиционном поле. Знаковыми для всего мирового финансового рынка последних лет стали крупномасштабные вложения *PIF* в ведущие частные инвестфонды мира: 45 млрд долл. в японский *Softbank Vision Fund* и 20 млрд долл. в американский *Blackstone Infrastructure Fund*.

Даже в кризисный 2020 г. *PIF* не прекратил активные инвестоперации, рассчитанные на будущее восстановление глобальной экономики. Так, в апреле он приобрел акции ведущих европейских энергетических гигантов — англо-голландской *Royal Dutch Shell*, итальянской *Eni* и французской *Total* на общую сумму свыше 1 млрд долл., а затем на 200 млн долл. в норвежской *Equinor*. Фонд интересовался и другими пораженными пандемией секторами экономики. В частности, он вложил 369 млн долл. в американские компании *Carnival* (оператор круизных туров), что обеспечило ему 8.2% в ее капитале, и 300 млн долл. в *Live Nation* (организация развлекательных мероприятий) [9].

Резкий спад производственной и транспортной активности из-за мер по противодействию распространению пандемии *COVID-19* в целом благоприятно повлиял на состояние глобальной окружающей среды. Одновременно заметно усилился интерес к “зеленым” инвестициям со стороны как компаний реального сектора, так и игроков финансового рынка, рассчитывающих создать для

себя новое многомиллиардное поле для дальнейшего бизнеса. Для стимулирования и управления такими инвестициями под эгидой ООН создана сеть *UNPRI (United Nations Principles of Responsible Investment)* – Принципы ответственного инвестирования) [14, 15]. Показательно, что из 3575 (по состоянию на начало 2021 г.) участников более четверти присоединилось к ней именно в 2020 г. [16].

Суверенные фонды не остались в стороне от “озеленительной” тенденции в мировой экономике, причем это находит институциональное подтверждение и оформление. В 2018 г. в рамках Международного совета СИФ была создана *The One Planet SWF Group* – объединение госфондов, считающих одной из своих приоритетных задач борьбу с изменением глобального климата. К 2020 г. к группе присоединились еще 9 фондов. В ее рамках обсуждаются возможности госфондов в части “зеленого” финансирования, формулируются стратегические подходы и конкретные предложения [17, 18]. Пока что госинвесторы заметно уступают частному сектору по масштабам инициатив и трансакций в этой сфере, но есть основания полагать, что разрыв будет сокращаться (подробнее см. [19]).

IV

Развернувшаяся на планете Четвертая промышленная революция базируется на внедрении в массовый обиход новейших технологий, характеризующихся в научной литературе как “подрывные”, – поскольку они обуславливают тектонические сдвиги не просто в отдельных сферах производства товаров и услуг, а в моделях функционирования экономики и во всем общественном укладе. Уже ясно, что в постпандемическом мире людям предстоит жить, работать, коммуницировать между собой и вообще существовать совсем не так, как прежде [20]. События и тренды 2020 г. сняли остававшиеся сомнения в этом.

Подрывные технологические новации, главными созидателями которых стали в наше время фирмы-стартапы, сулят колоссальные доходы поверившим в них инвесторам. Это понимают топ-менеджеры не только частных, но и государственных инвестфондов. Суверенные фонды, как уже отмечалось, обладают в данном случае преимуществом, поскольку по своей природе ориентированы на долгосрочные вложения средств. Оно тем более актуально сейчас, когда речь все чаще идет не просто об использовании рыночных возможностей в получении прибыли для подпитки госбюджетов, а о стимулировании развития национальной экономики и повышения ее глобальной конкурентоспособности. Такой задаче в наибольшей мере отвечают инвестиционные проекты в сфере хайтека.

По данным консалтинговой фирмы *PitchBook*, специализирующейся на отслеживании сделок на глобальном рынке капитала, только за первую половину 2020 г. госфонды вложили в венчурные компании 17 млрд долл. (больше, чем за весь предыдущий год), в частности в китайские технологические гиганты *Tencent* и *Kuaishou*. Фонд *Mubadala Investment Company* (Абу-Даби) вложил 3 млрд долл. в американскую фирму *Waymo* – подразделение *Alphabet (Google)*, занимающееся созданием беспилотных автомобилей [9]⁴.

В числе крупнейших суверенных хайтек-инвесторов в 2020 г. отметились *Temasek* (2.3 млрд долл., в основном в электронную коммерцию и науки о жизни), *GIC* (2.2 млрд долл., в основном в дата-центры и облачные сервисы), *Mubadala* (2 млрд долл.), *CPP* (1.4 млрд долл., из них 2/3 в ИТ и остальное в науки о жизни), *PIF* (1.3 млрд долл., прежде всего в масштабный проект развития электронной торговли в Индии) [1, р. 28].

Вполне естественным стал интерес части фондов к разработкам, связанным с преодолением пандемии. Например, как заявил руководитель суверенного фонда Египта А. Солиман, “...из-за *COVID-19* мы основательно пересмотрели свои задачи и обратили внимание на возникшие в регионе проблемы – продовольственную и медицинскую безопасность, поставки лекарств и медоборудования – и убедились, что именно они должны стать нашими главными приоритетами” [9].

Технологический “уклон” в деятельности госфондов наблюдается не первый год. В 2018 и 2019 гг. только в нишу новейших компьютерных технологий они направили около 10% своих новых вложений [5, р. 7]. В коронавирусный 2020 г. инвестиционным хитом стали фирмы-стартапы, занимающиеся биотехнологическими разработками, прежде всего созданием эффективных вакцин против *COVID-19* и его модификаций.

Как отмечают эксперты МФСИФ, “суверенные фонды наращивают вложения в такие сектора, как информатика, телекоммуникации, инфраструктура и здравоохранение, которые оказались наиболее устойчивыми на фоне рыночной турбулентности первого квартала 2020 г., вызванной пандемией коронавируса” [5, р. 1]. “Биотехнология вызывает у госфондов значительный интерес, поскольку они полностью осознают коммерческий потенциал инновационных методов генной модификации” [5, р. 4].

Тому можно найти растущее число практических примеров. Так, уже в январе 2020 г. было объ-

⁴ Отметим, что такого рода вложения фонд осуществлял и ранее. Так, с 2009 г. он является 100%-м владельцем калифорнийской фирмы *GlobalFoundries* – второго в мире после тайваньской *TSMC* контрактного производителя интегральных схем.

явлено, что консорциум в составе трех суверенных фондов — *ADIA*, *Temasek* и *Alaska Permanent Fund Corporation* — вместе с калифорнийской биотехнологической компанией *Vir Biotechnology* начал работу по созданию антиковидной вакцины. Одно только сообщение о планируемой финансовой поддержке с их стороны другой фирмы этого сектора — *Alnylam Pharmaceuticals*, специализирующейся на методах интерференционной терапии, одновременно в 5 раз повысило ее котировки на *NASDAQ* [5, p. 4].

Финансовый эффект от такого рода проектов может быть крайне высоким. Так, эмиратский фонд *ADIA* в конце 2018 г. принял участие в предварительном *IPO* тогда малоизвестной и хронически убыточной американской фирмы-стартапа *Moderna*, затратив на это 100 млн долл. В декабре 2020 г. после официального одобрения Федеральным агентством по продовольствию и медикаментам США ее матричной антиковидной вакцины на основе инновационной технологии *mRNA* рыночная стоимость фирмы подскочила до 55 млрд долл. Что касается *ADIA*, то, по оценкам биржевых аналитиков, в данном случае фонду удалось за три года получить 22-кратную отдачу от своих первоначальных инвестиций [5, p. 30].

Впечатляющую историю успеха в 2020 г. продемонстрировал Российский фонд прямых инвестиций, созданный в РФ в 2011 г. в дополнение к Фонду национального благосостояния (ФНБ). По меркам не только глобального инвестиционного рынка, но и сегмента суверенных фондов это весьма скромная финансовая организация — всего 10 млрд долл. уставного капитала. Однако, в отличие от ФНБ, на который возложены стабилизационно-сберегательные функции, РФПИ изначально формировался в качестве института развития, то есть инициатора и организатора реализации народнохозяйственных проектов прорывного характера. Эффективность такого фонда определяется не объемом располагаемых им средств, а их точечным вложением в секторы экономики, которые сулят максимальный макроэкономический результат (новейшие технологии) или, наоборот, лимитируют общегосударственное развитие (инфраструктура).

В 2020 г. менеджменту РФПИ удалось своевременно определить наиболее актуальные и перспективные в условиях коронакризиса проекты. Было обеспечено ударное финансирование необходимых научных исследований и разработок с широким привлечением средств заинтересованных иностранных участников. Результат — российская векторная вакцина “Гам-КОВИД-Вак” (известная под брендом “Спутник V”) первой в мире была зарегистрирована для полномасштабного массового применения. Она убедительно доказывает свою

эффективность и безопасность, что позволяет ей завоевывать все новые зарубежные рынки, несмотря на массивное противодействие глобальной *Big Pharma*. Коммерциализация последующих отечественных препаратов против *COVID-19* — “ЭпиВакКорона” и “КовиВак” — также проводится при поддержке РФПИ, что позволяет надеяться и на их рыночный успех.

Анализ влияния пандемии *COVID-19* на систему государственной инвестиционной деятельности, осуществляемой через суверенные фонды, позволяет сделать ряд значимых выводов. Эта категория институциональных инвесторов за последнее десятилетие стала немаловажным и во многом самостоятельным сегментом мирового финансового рынка, что вынуждены констатировать зарубежные инвестиционные аналитики [21, 22]. Благодаря накопленному опыту большинству фондов удалось вполне уверенно справиться с финансово-экономической турбулентностью 2020 г. и даже укрепить свои позиции [23]. В предстоящие годы следует ожидать дальнейшего повышения их роли в глобальной экономике.

Продолжится рост числа суверенных фондов, поскольку современные реалии будут подталкивать государства к активному использованию заложенного в них потенциала в целях купирования долгосрочных как социально-экономических, так и геополитических вызовов. По некоторым прогнозам, при сохранении сложившихся и подтвердившихся в 2020 г. тенденций к 2030 г. совокупная стоимость находящихся в их управлении активов может выйти на уровень 50 трлн долл. [1, p. 6]. Как минимум девять фондов будут иметь показатель *AUM* более 1 трлн долл., а три — 2 трлн долл. За звание лидера группы по абсолютному размеру активов, скорее всего, станут конкурировать норвежский *Government Pension Fund Global* и саудовский *PIF*.

События 2020 г. позволяют предположить, что в постпандемическую эпоху структура и характер операций этого сегмента мировой финансовой системы будут отмечены фундаментальными изменениями. Главное — новые реалии будут требовать смещения акцента в деятельности госфондов от традиционной стабилизационно-сберегательной (буферной) функции в пользу выполнения каталитической роли в деле ускоренной модернизации, повышения уровня инновационности и конкурентоспособности экономики создающих их государств.

Иначе говоря, есть основания ожидать такой эволюции суверенных фондов, при которой они будут постепенно трансформироваться из инструмента обеспечения финансово-бюджетной

стабильности в локомотивы социально-экономического прогресса (*development powerhouses*), прежде всего в тех сферах, где невозможно целиком рассчитывать на инициативы частного бизнеса. Это неизбежно потребует переноса главных инвестиционных планов с мирового на собственный внутренний рынок при активном использовании внешних финансовых ресурсов. При этом в ус-

ловиях истощения или, как минимум, усиливающейся ненадежности такого традиционного для госфондов источника, как экспортные доходы страны, в повестку дня встанет максимально активное использование ресурсов международного рынка частного капитала и заимствование там средств для финансирования крупномасштабных национальных инвестиционных программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Lopez D., Brett D. *State-Owned Investors in a Post-Pandemic Age*. New York, London, GlobalSWF, January 1, 2021. 44 p.
2. Moreolo C.S. COVID-19 Barely Tested the Financial System. *APE MAGAZINE*, February 2021. Available at: <https://www.ipe.com/comment/covid-19-barely-tested-the-financial-system/10050235.article/> (accessed 10.03.2021).
3. Coronavirus Ends “Golden” Era for Sovereign Wealth Funds. *Financial Times*, 30.08.2020. Available at: <https://www.ft.com/content/46a6bdf4-c965-48ff-be58-820067b04e81> (accessed 10.03.2021).
4. Bortolotti B., Fotak V., Hogg C. *Sovereign Wealth Funds and the COVID-19 Shock: Economic and Financial Resilience in Resource-Rich Countries*. Milan, Bocconi University, 2020. 29 p.
5. *Building Resilient Portfolios. IFSWF Annual Review*. London, International Forum of Sovereign Wealth Funds, 2020. 9 p.
6. Baltrusaitis S. *10 Largest Sovereign Wealth Funds Control \$5.7 Trillion with 21% Majority Based in Asia*. August 31, 2020. Available at: <https://buyshares.co.uk/10-largest-sovereign-wealth-funds-control-5-7-trillion-with-21-majority-based-in-asia/> (accessed 10.01.2021).
7. Norway SWF Gets Smashed in Coronavirus Pandemic. *SWFinstitute*, 04.02.2020. Available at: <https://www.swfinstitute.org/news/78585/norway-swf-gets-smashed-in-coronavirus-pandemic> (accessed 10.03.2021).
8. Norway to Exceed SWF Spending Cap First Time in over a Decade amid Pandemic. *Reuters*, 12.05.2020. Available at: <https://www.dailysabah.com/business/economy/norway-to-exceed-swf-spending-cap-first-time-in-over-a-decade-amid-pandemic> (accessed 10.03.2021).
9. COVID-19 and Sovereign Wealth Funds: what Does the Future Hold? *Oxford Business Group*, 09.09.2020. Available at: <https://oxfordbusinessgroup.com/news/covid-19-and-sovereign-wealth-funds-what-does-future-hold> (accessed 10.03.2021).
10. What Would You Invest 1.3 Trillion Dollars into? *Globalswf*, 26.02.2021. Available at: <https://globalswf.com/news/what-would-you-invest-1-3-trillion-dollars-into-> (accessed 16.03.2021).
11. *Saudi Oman Most Exposed to Diminishing Fiscal Uplift from SWF Buffers: Moody's*. Available at: <https://muscatdaily.com/Business/389732/Saudi,-Oman-most-exposed-to-diminishing-fiscal-uplift-from-SWF-buffers:-Moody%E2%80%99s> (accessed 16.01.2021).
12. SWFs Keep Risk Exposure during Pandemic. *IPE Magazine*, 14.05.2020. Available at: <https://www.ipe.com/news/swfs-keep-risk-exposure-during-pandemic/10045611.article> (accessed 10.03.2021).
13. Arnold T. Sovereign Funds Seek to Raise Debt and Equity as Pandemic Strains State Budgets. *Reuters*, 28.10.2020. Available at: <https://www.reuters.com/article/swf-funding-idUSL8N2HE37G> (accessed 10.03.2021).
14. The Inevitable Policy Response 2021: Policy Forecasts. *UNPRI*, 17.03.2021. Available at: <https://www.unpri.org/inevitable-policy-response/the-inevitable-policy-response-2021-policy-forecasts/7344.article> (accessed 20.03.2021).
15. ESG, Sovereign Bondholders and DMOs. *UNPRI*, 16.03.2021. Available at: <https://www.unpri.org/pri-podcasts/esg-sovereign-bondholders-and-dmos/7364.article> (accessed 20.03.2021).
16. Signatory Directory. *UNPRI*, 16.03.2021. Available at: <https://www.unpri.org/signatories/signatory-resources/signatory-directory> (accessed 20.03.2021).
17. Wilde D. *Should Sovereign Wealth Funds Invest to Achieve the Paris Agreement?* Available at: <https://ifswfreview.org/2019/our-partners/should-sovereign-wealth-funds-invest-achieve-paris-agreement> (accessed 10.03.2021).
18. *Mighty Oaks from Little Acorns Grow: Sovereign Wealth Funds' Progress on Climate Change*. London, International Forum of Sovereign Wealth Funds, 2020. 29 p. Available at: https://www.ifswf.org/sites/default/files/IFSWF_Climate_Change_Feb2020%20FINAL.pdf (accessed 10.03.2021).
19. Чебанов С. “Зеленая” экономика: роль суверенных фондов. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 3, сс. 5-12. [Chebanov S. “Zelenaya” ekonomika: rol' suverennykh fondov [Green economy: role of sovereign funds]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 3, pp. 5-12.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-5-12>
20. Дынкин А., Телегина Е. Шок пандемии и посткризисный мир. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 8, сс. 5-16. [Dykin A., Telegina E. Shok pandemii i postkrizisnyi mir [Pandemic shock and the world after crisis]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 8, pp. 5-16.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-5-16>
21. Sovereign Investors 2020. A Growing Force. *PriceWaterHouse*, 2016. 44 p. Available at: <https://www.pwc.com/gx/en/sovereign-wealth-investment-funds/publications/assets/sovereign-investors-2020.pdf> (accessed 10.03.2021).

22. Lopez D. SWFs as Grown-up Investors: Asset Allocation, Purpose and Maturity. *Sovereign Wealth Funds 2018*. Capapé J., ed. Madrid, Center for the Governance of Change, 2018, pp. 29-37.
23. *Pandemic, No Panic: Evidence from Institutional Investor Flows*. London, New York, International Forum of Sovereign Wealth Funds, State Street, 2020. 11 p.

SOVEREIGN WEALTH FUNDS: LESSONS OF CORONACRISIS

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 7, pp. 16-24)

Received 24.03.2021.

Sergey V. CHEBANOV (scheb@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The paper deals with the sovereign wealth funds' (SWFs) reactions to the economic and geo-political turbulence of 2020 emerged from COVID-19 pandemic. In recent decade, SWFs as state-run investment vehicles have proved to be the fastest growing group of institutional investors and have noticeably strengthened their role in the global financial system. According to the latest estimates, their cumulative AUM reached 9.1 billion US dollars as of December 2020. There are persuasive evidences that top-10 SWFs from Norway, China, Singapore, Persian Gulf and some other nations have evolved into full-fledged market-driven investors with an active portfolio management strategy. The fact that they continue to contribute the lion's share (around 2/3) into the integral figures of SWFs' performance as a group explains why the pandemic failed to undermine their progress. Also, it should be taken in mind that, in contrast to GFC of 2008–2009, the recent coronacrisis was featured by a seemingly surprising gap between the deep recession in real sector businesses and eventual growth of basic indexes of capital markets. Generally, this turned good for the financial market community, including many SWFs. For instance, the world's largest Norwegian GPF, despite an urgent sellout of some of its assets in order to help the national government in financing somewhat undermined state budget in the situation of deep slump at world oil market, reported, by the end of the year, the 10.9% operational profit and 8.2% increment of AUM (in terms of local currency). In the upcoming years, we may see the state funds vehicles to increasing change the whole landscape of the global investment playfield. It is highly likely that the post-COVID turbulent environment will increasingly push the SWFs not only to seek for viable alternatives to the increasingly fading traditional fixed-income instruments but to fundamentally change the mandates and the modes of operation. The traditional stabilization and saving state investment funds will step down in favor of a subgroup of the so called strategic SWFs, such as Singaporean Temasek, Chinese CIC, Saudi PIF, Indian NIF, Malaysian Khazanah, Turkish TVF, Bahraini Mubadala, and Russian RDIF. Basically, they are charged to operate as the catalysts of national economic and social development. It may be expected that in the near future this category of state investors will see a growing number of newcomers.

Keywords: sovereign wealth funds (SWFs), pandemic, COVID-19, economic crisis 2020, global financial system, investment, private capital, biotechnology, RDIF, Sputnik V.

About author:

Sergey V. CHEBANOV, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-16-24

КИТАЙ: ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

В июле 2021 года исполняется 100 лет со дня основания Коммунистической партии Китая (КПК) – основателя Китайской народной республики (КНР) и ключевого института ее политической системы. Опубликованные в этой рубрике статьи посвящены анализу различных аспектов деятельности КПК, как во внутренней, так и внешней политике страны.

ВТОРОЕ СТОЛЕТИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ И НОВАЯ БИПОЛЯРНОСТЬ

© 2021 г. В. Михеев, С. Луконин

*МИХЕЕВ Василий Васильевич, академик РАН,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (mikheev@imemo.ru).*

*ЛУКОНИН Сергей Александрович, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (sergeylukonin@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 16.04.2021.

Китай вступает в новый этап своего развития. До 2050 г., с промежуточными итогами в 2035 г., КНР должна превратиться в “современное социалистическое государство” – экономического, инновационного, военного и т. д. лидера с уровнем ВВП на душу населения, равным аналогичному показателю развитых стран. По мнению китайского руководства, период 14-го плана – 2021–2025 гг. – особенно важен, так как это первая фаза качественного изменения китайской социально-экономической сферы. На этом фоне Пекин начинает более жестко отстаивать свои позиции в мире, фактически способствуя складыванию “новой биполярности”, которая предполагает формирование не только двух основных глобальных центров силы – США и Китая, но также и региональных и субрегиональных центров, которые в свою очередь будут формировать современную “полицентричность”. В этом процессе Россия играет одну из главных ролей, что с точки зрения Пекина определяют чрезвычайную важность китайско-российских отношений в целом.

Ключевые слова: мировая экономика, международные отношения, Китай, внешняя политика, новый этап развития, столетие КПК, российско-китайские отношения.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-25-33

Согласно планам руководства КНР, 2021 г. должен стать важной вехой в современной истории Китая, знаменующей начало перехода страны к следующей стадии социально-экономического развития и глобального позиционирования. Предпосылки к этому переходу активно формировались в последнее время и связаны с тремя главными событиями первой четверти 2021 г.:

- принятием на мартовской Сессии ВСНП 14-го плана социально-экономического развития КНР на 2021–2025 гг., обозначенного китайским руководством в качестве “первого этапа” реализации “Долгосрочных целей КНР до 2035 г.” [1];

- 100-летним юбилеем создания КПК и наступлением “второго столетия” развития страны под руководством компартии, что потребовало от руководства КНР увязки новых средне- и долгосрочных задач с отмечаемым в 2021 г. знаменательным событием;

- приходом к власти в США администрации Дж. Байдена, который в первые же дни президент-

ства структурировал стратегические противоречия с Китаем.

Увязывая огромные достижения Китая в различных сферах с политической властью КПК, пекинские лидеры объявили о решении задач первого столетия Компартии, ассоциируемых с именами Мао Цзэдуна (образование Китайской Народной Республики) и Дэн Сяопина (проведение рыночных реформ и политики “открытости”). Решение этих задач к концу “первого столетия” позволило Китаю, если судить по итогам последней, 13-й пятилетки, полностью преодолеть крайнюю бедность (*жизнь на менее чем 2 долл. в день*), построить “общество средней зажиточности” (*по результатам 2020 г., с размером ВВП на душу населения на уровне 10 тыс. долл.*) и занять значимое место в мире [2].

“НОВОЕ СТОЛЕТИЕ” КПК

Задачи “нового столетия КПК” выглядят еще более масштабными. Предполагается:

- вывести страну к 2035 г. на уровень “современного социалистического государства”, удвоив ВВП на душу населения до уровня среднеразвитой европейской страны;

- выйти к 2050 г. на германский или японский уровень промышленного и инновационного развития;

- обеспечить инновационную и научно-техническую самообеспеченность Китая – с тем, чтобы уйти от нынешней технологической зависимости от США и Запада, которая, по мнению китайского руководства, представляет угрозу национальной безопасности КНР;

- создать к 2027 г. (100-летие Народно-освободительной армии Китая) сильную современную армию;

- обеспечить глобальное лидерство Китая к 100-летию образования КНР в 2049 г. [3].

В условиях экономической неопределенности, связанной с неясностью перспектив восстановления мировой экономики в пандемический и пост-пандемический период, Китай не стал ставить конкретных количественных целей по темпам прироста ВВП и другим показателям на период 14-й пятилетки и до 2035 г.

На мартовской сессии ВСНП экономические ориентиры на 2021 г. заданы с высокой степенью резервированности – прирост ВВП на уровне 6% и выше. Во исполнение средне- и долгосрочных научных и военных задач в 2021 г. предполагается существенно увеличить расходы на развитие фундаментальной науки – на 10.6% (*расходы на прикладные исследования при этом увеличиваются на 7%*) и обороны – на 6.8% (*против прироста на 6.6% в 2020 г.*) до уровня в 209 млрд долл. [1].

Во внутриэкономическом аспекте осторожность китайских властей связана с нарастающей долговой проблемой и проблемой бюджетного дефицита. По некоторым оценкам, отношение общего долга Китая к ВВП превысило 280% в 2020 г.; корпоративный долг нефинансового сектора КНР превышает 160% ВВП; внебюджетные долги местных властей достигают 15% ВВП. Реальный суммарный дефицит так называемого большого бюджета, включая внебюджетные расходы, может составить в 2021 г. не запланированные на сессии 3.2% (*в 2020 г. – 3.6%*), а порядка 6% ВВП страны [4]. Это побуждает Китай несколько притормозить использование главного традиционного рычага восстановления экономики в любых трудных ситуациях – наращивания государственного финансирования инфраструктурных и социальных проектов. При этом акцент сегодня делается на побуждении крупных коммерческих банков к активному накачиванию финансовыми ресурса-

ми микро-, малых и средних предприятий, объем которых должен увеличиться на 30% в 2021 г. [5].

В плане выполнения амбициозных задач в области науки и инноваций и достижения научно-технической самообеспеченности Китай делает ставку не только на наращивание финансирования фундаментальной науки, но и на масштабное привлечение иностранных ученых (*с месячными зарплатами до 10–12 тыс. долл.*) – своего рода “приток мозгов” в китайскую науку [6].

НОВАЯ БИПОЛЯРНОСТЬ

Важнейшими факторами при определении целей “второго столетия КПК”, по мнению китайского руководства, являются качественно **ухудшающиеся внешнеполитические условия**.

Китайская политика Дж. Байдена по сравнению с президентством Д. Трампа воспринимается в Пекине как более идеологически мотивированная и стратегически сильнее скоординированная с американскими союзниками.

Администрация Дж. Байдена добавляет к традиционному американскому восприятию Китая как “партнера и конкурента”, прежде всего в экономике и торговле, понятие “стратегический противник”, что означает как несовместимость базовых ценностей, на которых строится развитие “демократического Запада” и “авторитарного” Китая “под руководством КПК”, так и противостояние в борьбе за военно-политическое доминирование в мире.

Трансформирующиеся в негативном направлении китайско-американские отношения в ближайшие годы будут изменять мировой баланс сил и вести к формированию “новой биполярности”, подразумевающей в условиях глобализации, что помимо двух новых планетарных “полюсов” в мире сохранятся и продолжат развиваться региональные и субрегиональные центры силы. На таком фоне для “новой биполярности” будет характерно не только непосредственное столкновение китайских и американских интересов, но и борьба за доминирование, влияние в остальной части планеты, за союзничество с лидерами “полицентричного мира”.

В “новой биполярности” первой задачей США становится не допустить инновационного, экономического, военно-политического и идеологического доминирования Китая. Сам факт “развития экономики КНР под авторитарным руководством КПК” рассматривается Вашингтоном как свидетельство того, что Китай не может считаться полноценной рыночной экономикой и должен получать коллективный отпор мировых

демократий в попытках захватить новые высокотехнологичные глобальные рынки.

Любопытно, что на новом этапе противоборства с Китаем руководство США, как это было когда-то в 1960-е годы в период военно-технологического противостояния с Советским Союзом и гонки вооружений, сегодня ставит задачи резкого наращивания расходов на науку. Дж. Байден выдвигает цель увеличить их с нынешних 0.7% ВВП до 2%, как во времена, так сказать, “старой биполярности” [7].

Развивая взаимодействие со своими союзниками, группирующимися вокруг “американского полюса”, США акцентируют политику на единстве базовых демократических ценностей и политических устремлений в противоположность авторитаризму на “китайском полюсе”. На таком идейно-политическом фоне США приступают к разработке собственной стратегии развития национальной и мировой транспортной инфраструктуры, к реализации которой должны подключаться демократические страны. С точки зрения американской администрации, эта стратегия должна быть “демократического толка” – в противоположность “авторитарного толка” китайской инициативе “Пояса и Пути”, загоняющей развивающиеся страны в долговую “кабалу” и способствующей распространению в мире “китайского авторитаризма”.

Перспектива китайского доминирования в мировой инфраструктуре и на высокотехнологичных и финансовых рынках рассматривается США как главная угроза американскому лидерству. Исходя из этого, администрация Байдена окончательно изменяет прежний стратегический подход к Китаю. Если раньше вовлечение Китая в мировую рыночную и открытую экономику рассматривалось как путь к дальнейшей “прогрессивной трансформации” и демократизации китайского общества и ослаблению авторитаризма КПК, то сейчас речь идет о масштабном противодействии ее планам по обеспечению глобального лидерства Китая.

В первом полугодии 2021 г. американская политика коллективного противостояния Пекину осуществлялась с переменным успехом. США удалось добиться определенных результатов в Европе. Страны НАТО и ЕС поддержали США в усилиях по сдерживанию Китая. ЕС занял жесткую позицию как по ситуации в Гонконге, так и по синьцзянскому хлопку, вслед за США обвинив Китай в использовании принудительного труда уйгуров и их незаконном притеснении в этом автономном районе КНР. ЕС притормозил вступление в силу подписанного в конце 2020 г. инвестиционного соглашения с КНР, открывающего сторонам обоюдный полноценный выход на инвестиционные рынки Европы и Китая [8].

Однако в Индо-Тихоокеанской Азии, где экономическая зависимость стран от Китая больше, чем в Европе, успехи администрации Дж. Байдена менее заметны. США в начале года провели онлайн-саммит стран *QUAD* (*Quadrilateral Security Dialogue*), на котором получили традиционную поддержку против Китая. Были возобновлены диалоги на уровне министров обороны и иностранных дел с Японией и Южной Кореей, в ходе которых подтвержден курс на укрепление военно-политических альянсов США с этими странами. В то же время главная задача в плане коллективного давления на Пекин – расширение *QUAD* за счет Южной Кореи, а впоследствии Вьетнама и Новой Зеландии, остается не решенной. Сеул заявил о нежелании выбирать между Пекином и Вашингтоном и устами своего министра иностранных дел охарактеризовал США и Китай как двух “главных партнеров Южной Кореи”: Китай – важнейший торгово-экономический партнер, США – главный военно-политический союзник [9].

КИТАЙСКИЕ ОТВЕТЫ

Китайские ответы 2021 г. на американское санкционное, идеологическое, политическое давление, в отличие от предшествующего периода, становятся беспрецедентно жесткими. Пекин, условно говоря, переходит в наступление по “всем фронтам”.

В экономике Китай без промедлений обменивается точечными санкциями против отдельных американских официальных лиц и корпораций. КНР отказывается от закупки продукции тех ведущих мировых брендовых компаний, которые в свою очередь отказались от синьцзянского хлопка и т. п.

В идеологии Пекин ведет агрессивное пропагандистское наступление на американскую демократию. В этом контексте знаковым стало выступление Си Цзиньпина по видеосвязи на Всемирном экономическом форуме в Давосе 2021 г., где он заявил о том, что в мире не может быть “плохих и хороших” политических режимов, что у каждой страны “своя специфика” и что США не могут претендовать на роль “идеальной демократии”, имея у себя в стране “множество нарушений этой демократии”, в том числе в плане защиты прав человека [10].

В политике Пекин обвиняет “демократическую Америку” во вмешательстве во внутренние дела стран-партнеров, тогда как “авторитарный Китай” этого не делает.

В качестве военного ответа на американское превосходство Пекин, как отмечалось выше, инвестирует в модернизацию собственных воору-

женных сил, включая ракетно-ядерный потенциал, где Китай сохраняет превосходство над США, как и над Россией, по ракетами средней дальности (до 2500 км), космическое и кибероружие, военно-морские силы.

В плане расширения числа партнеров и их консолидации вокруг “китайского полюса” Пекин использует механизмы так называемой вакцинной дипломатии, широко предоставляя медицинскую помощь развивающимся странам. КНР также корректирует подход к странам-должникам в формате “Пояса и Пути”, заявляя о готовности “на определенных условиях” прощать долги наименее развитым реципиентам.

В обращении к участникам Давосского форума Си, вопреки традиционному обыкновению, не стал претендовать на роль мирового лидера, ограничившись заявлением о превращении Китая в “лидера развивающихся стран” и вновь акцентировал современные китайские заверения в том, что КНР “не вмешивается во внутренние дела других государств” и не требует от них “демократизации” или “соблюдения прав человека”.

Китай активизирует дипломатию в многосторонних форматах, первым из стран-подписантов ратифицировав заключенное в 2020 г. соглашение о ВРЭП (*Всестороннее региональное экономическое партнерство*) с участием стран АСЕАН и ряда других государств АТР [11].

Параллельно Пекин стремится не просто не терять, но, напротив, укреплять различными способами отношения с ближайшими союзниками США – с ЕС (*поиск диалогового и инвестиционного взаимопонимания и взаимодействия плюс сотрудничество по вакцинам*) и Японией (*возобновление диалога по созданию в Северо-Восточной Азии зоны свободной торговли с участием Китая, Японии, Южной Кореи на фоне их общего членства в ВРЭП*). Китай также ставит цель проникать на те политические площадки, где позиции США выглядят не столь прочными. Так, в ходе мартовского визита министра иностранных дел Китая на Ближний Восток было подписано соглашение с Ираном о стратегическом партнерстве на 25 лет [12], достигнуты новые договоренности как об экономическом, так и политическом взаимодействии с Саудовской Аравией и Турцией. ОАЭ, Бахрейн и Оман попали в сферу “вакцинной дипломатии” Китая.

Несмотря на нарастающее противостояние Китая и США, китайско-американские отношения не являются однозначно плохими. Важнейшим событием начала 2021 г. стала встреча высокого уровня на Аляске 19–20 марта 2021 г. В диалоге приняли участие член Политбюро ЦК КПК, глава Канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам Ян Цзечи, член Госсовета и министр

иностраных дел КНР Ван И, госсекретарь США Энтони Блинкен, а также помощник президента США по национальной безопасности Джейк Салливан.

Встреча прошла в непривычном для китайской дипломатии жестком стиле, который делегация КНР вполне выдержала, отвечая на американскую жесткость встречной жесткостью. Важнейшим итогом встречи стало четкое определение тех “красных линий” в политических отношениях с США, за которые, в плане поиска компромиссных решений и уступок, Китай не перейдет ни при каких условиях, а также сфер потенциального сотрудничества двух стран.

К первым относятся Гонконг и Синьцзян в том смысле, что Китай считает все эти территории законной частью Китая и “не потерпит никакого вмешательства” в свои внутренние дела. Как не потерпит и поддержки сепаратистских настроений на Тайване, полагая “неприемлемыми” поставки на остров американского оружия и контакты с официальными лицами Тайваня. Пекин также не приемлет какого-либо оспаривания Америкой правомочности руководства со стороны КПК развитием Китая: китайские переговорщики подчеркнули “незаконность” американских требований ослабления власти КПК, что Пекин решительно квалифицирует их как вмешательство в свои внутренние дела.

Ко вторым зонам взаимодействия сегодня относятся: сотрудничество по климату, по борьбе с пандемией, по Северной Корее и Ирану (в плане решения ядерной проблемы этих государств), Афганистану и Мьянме (*для содействия нормализации ситуации*), по развитию контактов между гражданами двух стран (Китая и США).

Официальный Пекин оценил встречу как хотя и жесткую, но “откровенную и конструктивную” и выразил заинтересованность в продолжении аляскинского диалога [13].

По нашему мнению, не следует воспринимать итоги встречи на Аляске как однозначное свидетельство того, что китайско-американские отношения продолжают и дальше заходить в тупик. Стороны проявили способность вести диалог в тяжелых условиях и при случае могут договориться по многим вопросам, в том числе затрагивающим интересы России, но при этом без России. При этом Китай успешно учится новому стилю дипломатии – четкому и открытому выражению своей позиции согласия или несогласия за пределами традиционной дипломатической недосказанности и “многозначительности”, что в ближайшее время может сказаться на отношениях Китая и со своими традиционными партнерами.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В НОВУЮ ЭПОХУ

В контексте усиливающегося противостояния с США Китай внес определенные коррективы в отношения с Россией, используя для этого символическую дату – 20-ю годовщину подписания двустороннего Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Сегодня Пекин представляет отношения с Россией как “образцовые” и как “пример для других стран”. Изменение подхода КНР здесь видится в том, что если раньше Китай использовал российский фактор для укрепления своих переговорных позиций в отношениях с США, то сегодня Россия для Китая является скорее важнейшим элементом в числе стран-партнеров, группирующихся вокруг “китайского полюса” в условиях “новой bipolarности”.

С другой стороны, в Китае существует и иное, сдержанное восприятие России. По мнению ряда китайских экспертов по России, Китаю не выгодно чрезмерное сближение с Россией. Во-первых, потому что мощный Китай для России, как и для США, является не только партнером, но и конкурентом. Во-вторых, России будет трудно примириться с тем, что Китай превращается в державу номер два в мире вслед за США, то есть перемещается на то место, на котором Россия привыкла видеть себя. В-третьих, чрезмерное сближение с Россией в условиях продолжающегося ухудшения российско-американских и российско-европейских отношений несет в себе риски для Китая – в том смысле, что Китаю не нужно дополнительное ухудшение отношений с Западом из-за России [14].

Экономическая составляющая российско-китайского сотрудничества также представляется неоднозначной. С точки зрения позитива в целом можно отметить возрастающую экономическую значимость Китая для России. В частности, растет объем двусторонней торговли, постепенно увеличиваются, пусть пока и небольшие, китайские прямые и накопленные инвестиции, реализуются совместные проекты в области освоения космоса, авиастроения, обороны, добычи, переработки и транспортировки энергоносителей и других полезных ископаемых, телекоммуникаций, транспорта, выстраивается сотрудничество в финансовой сфере. Китай постепенно становится крупным потребителем российской сельскохозяйственной и животноводческой продукции, а на российском рынке расширяется присутствие продукции китайского машиностроения и электроники.

Более критический подход к анализу двусторонних отношений выявляет существенные ограничения сотрудничеству. Это низкие темпы роста российской экономики, ее относительно малый

масштаб по сравнению с другими экономическими партнерами Китая, небольшое количество российских высокотехнологичных производств, продукция которых может быть интересна китайским потребителям, а также малое число совместных цепочек создания добавленной стоимости.

Вместе с тем, по нашему мнению, усиление американо-китайского соперничества и принятые США действия (санкции, повышенные импортные пошлины и т. д.), а также нарастающая европейско-китайская конфронтация будут подталкивать КНР к развитию сотрудничества с другими регионами, интеграционными объединениями и странами, включая Россию. Не являясь полностью научно самодостаточным, Китай ищет дополнительные источники новых технологий вне США и ЕС, в том числе и в России.

Россия видится и одним из перспективных направлений развития китайской инициативы “Пояса и Пути”. Постепенная смена экономической модели развития Китая с экспортной на основанную на внутреннем спросе с высокой долей вероятности не изменит курса на внешнеэкономическую экспансию как на один из факторов роста китайского ВВП. И это будет создавать новые бизнес-возможности и для России.

Кроме того, Россия будет испытывать потребность в развитии энергетического сотрудничества с Китаем, рассматривая его как фактор, уравновешивающий свою зависимость от европейских рынков энергоносителей. Россия также будет видеть в Китае важнейший внешний источник развития Дальнего Востока РФ. А в случае новых американских или европейских санкций в отношении поставок в Россию высокотехнологичного оборудования Китай продолжит укрепление своего статуса альтернативного поставщика технически сложной продукции.

Несмотря на то что в первое время после введения Западом антироссийских санкций китайские компании и банки часто отказывались от полноценного сотрудничества с российской стороной из-за рисков так называемых вторичных санкций со стороны США, после введения санкций против самого Китая уровень таких отказов стал значительно ниже.

Сегодня стратегический диспут, ведущийся в обеих странах о перспективах двустороннего сотрудничества, вращается вокруг нескольких ключевых вопросов: исключает ли сегодняшний благоприятный фон для двусторонних отношений возникновение жесткой конкуренции между Россией и Китаем на внешних рынках, например в сфере коммерческого запуска космических кораблей или строительства АЭС или в иных областях? Будет ли такая конкуренция всеобъемлющей? На-

сколько устойчивыми будут сохраняться российско-китайские связи в условиях нарастающего отрыва Китая от России по уровню экономического и технологического развития и политической значимости в мире?

С точки зрения более осторожных оценок в средне- и долгосрочной перспективе компонент соперничества в российско-китайских отношениях сохранится на высоком уровне. Одно из главных стратегических противоречий между Россией и Китаем видится прежде всего в разнице подходов партнеров к развитию своих стран. Например, у Китая есть целостная долгосрочная стратегия развития, закреплённая в “планах”, “целях”, “программах”, “ориентирах” и т. д. Практически все ранее запланированные КНР социально-экономические цели были достигнуты: преодоление нищеты, удвоение ВВП по сравнению с 2010 г., увеличение расходов на науку, медицину и т. д.

На этом фоне возникает вопрос: а насколько правомерно считать, что, превратившись в один из двух “полюсов” новой биполярности, Китай продолжит так же, как сейчас, придерживаться принципов “всеобъемлющего стратегического партнерства”? Отсутствие у России видения своих перспектив в аналогичных китайским временных рамках, например к 2035 г., будет объективно затруднять Китаю даже не столько “видение” и “учет”, сколько “угадывание” российских интересов.

Возвращаясь в настоящее, можно отметить, что уже сейчас Китай умело использует мировую политическую и экономическую ситуацию, чтобы добиться преимуществ в отношениях с Россией. Один пример: на КНР приходится около 60% экспорта российских морепродуктов; в октябре 2020 г. китайские власти ввели ограничения на их импорт под предлогом борьбы с коронавирусом (обнаружили *COVID-19* на российской рыбе и на упаковках с замороженной рыбой) [15]. По мнению президента Всероссийской ассоциации рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей и экспортеров Германа Зверева, Ассоциация усматривает в таких действиях признаки “необъявленной торговой войны”, так как ограничения вводятся на фоне усиливающихся попыток китайской стороны снизить цену на российскую морепродукцию, цена которой упала на 20% по сравнению с 2019 г. [16]. Другой пример: в начале 2020 г. российские компании столкнулись с проблемами при экспорте угля в Китай. Таможенное управление КНР выпустило новые требования к качеству угля, что привело к падению российского экспорта по итогам первых 8 месяцев на 14% [17]. Еще один случай: под предлогом борьбы с коронавирусом с апреля 2020 г. в одностороннем порядке Китай сначала ограни-

чил количество пересечений своей границы, а потом закрыл все наземные погранпереходы с Россией [18]. В мае было ограничено число пересечений китайской границы для российских автопоездов [19]. В какой-то степени этими действиями были спровоцированы социальные проблемы на территории российского Дальнего Востока – забастовка водителей и подорожание некоторых продуктов питания. При этом китайские власти не всегда принимали в расчет российские справки об отсутствии коронавируса у водителей [20].

В практических взаимоотношениях тема коронавируса скорее “разъединила” местные власти двух стран, чем сблизил их в общей борьбе. Согласно информации РЖД и ряда территориальных управлений Россельхознадзора, с конца 2020 г. наблюдаются значительные задержки при прохождении российскими грузами китайского контроля. Это связано с новыми, по сути, запретительными китайскими требованиями к упаковке пищевой продукции – выдвинутыми без официального уведомления об изменении существовавших правил [21].

В рамках критического подхода к российско-китайским отношениям можно рассматривать и роль фактора Крыма как индикатора реального состояния “практических отношений” Китая и России. Спустя семь лет китайское правительство официально так и не признало ни итоги референдума в Крыму в марте 2014 г., ни сам факт воссоединения полуострова с РФ. Китайские власти пытаются уходить от вопросов, касающихся данной темы, заявляя в духе “многозначительной” дипломатии, что Китай уделяет большое внимание развитию ситуации вокруг Крыма и надеется, что все стороны проявят сдержанность и как можно скорее начнут искать политическое решение путем диалога [22].

Однако в китайском сегменте Интернета можно найти и более радикальную позицию, согласно которой процесс воссоединения Крыма с Россией называется “аннексией”, как это принято на Западе [23]. Встречаются утверждения, что “аннексия” Крыма Россией является нечестным актом, поскольку она нарушает подписанные с Украиной договоры [24].

Еще один критический пример: в 2019 г., когда Президент России давал интервью ведущей партийной газете КНР “Жэньминь жибао”, из него был вырезан абзац, в котором описываются успехи развития Крыма (на сайте Кремля этот абзац присутствует) [25, 26, 27].

После визита китайских бизнесменов на полуостров в марте 2021 г. представитель МИД КНР заявил, что некоторые китайские компании в связи с исторически сложившимися обстоятельствами и практической необходимостью на основе ры-

ночных принципов поддерживают сотрудничество и контакты с Крымом и что деловая активность не должна политизироваться [28]. Вероятно, такие “обтекаемые” формулировки говорят, скорее, о нежелании китайской стороны в принципе обсуждать данную проблему в выгодном для России ключе.

Можно поставить под сомнение и китайские заверения о приверженности КНР принципу невмешательства во внутренние дела других государств в рамках стратегии противоборства с “американской демократией”. По нашему мнению, “супердержава”, превращающаяся во “второй полюс”, при возникновении новой биполярности не может по своей природе не вмешиваться во внутреннюю политику других, менее значимых стран, если того потребуют ее национальные интересы. Кроме того, с ростом масштабов китайской собственности за рубежом, по мере реализации

стратегии “Пояса и Пути”, встает вопрос защиты этой собственности. А именно: как Китаю защищать свою собственность и возвращать платежи по кредитам, не вмешиваясь во внутреннюю политику той или иной страны? Да, Китай не будет настаивать на демократизации государств, но что ему мешает поддерживать прокитайские группы интересов в борьбе за власть внутри той или иной страны?

Возникают и другие стратегические вопросы: согласится ли Россия играть роль ведомого в условиях новой биполярности? Примирится ли российская политическая элита с тем, что Китай занимает то место в новой мировой иерархии, на котором Москва привыкла видеть себя? В какой мере Россия примет китайское лидерство и в какой степени будет готова играть роль одного из региональных центров силы, группирующихся вокруг “китайского полюса”?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Доклад о работе правительства. *Russian.people.cn*, 16.03.2021. [Report on the work of the Government. *Russian.people.cn*, 16.03.2021 (In Russ.)] Available at: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0316/c31521-9829090-8.html> (accessed 17.03.2021).
2. China's GDP tops 100 trln yuan in 2020. *Xinhuanet*, 18.01.2021. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/18/c_139677413.htm (accessed 19.01.2021).
3. 中国梦 (习近平提出的指导思想). *Baike.baidu.com*. [Chinese Dream (Guiding ideology proposed by Xi Jinping). *Baike.baidu.com*. (In Chin.)] Available at: <https://baike.baidu.com/item/中国梦/60483> (accessed 05.01.2021).
4. Lee A. China debt: how big is it and who owns it? *SCMP*, 19.05.2020. Available at: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3084979/china-debt-how-big-it-who-owns-it-and-what-next> (accessed 10.03.2021).
5. UPDATE1-China to increase SME loans from big banks by 30% in 2021. *Reuters*, 05.03.2021. Available at: <https://www.reuters.com/article/china-parliament-finance-idUSL2N2L304Y> (accessed 10.04.2021).
6. China to explore immigration policy to attract foreign talents. *Xinhuanet*, 05.03.2021. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2021-03/05/c_139786738.htm (accessed 10.04.2021).
7. Gardner T., Volcovici V. Biden budget's \$14 bln hike for climate includes big boosts for EPA, science. *Reuters*, 10.04.2021. Available at: <https://www.reuters.com/world/us/biden-budgets-14-bln-hike-climate-includes-big-boosts-epa-science-2021-04-09> (accessed 15.04.2021).
8. EU-China Investment Deal in Doubt, Businesses Caught in Geopolitical Crossfire. *China-briefing.com*, 26.03.2021. Available at: <https://www.china-briefing.com/news/eu-china-investment-deal-in-doubt-businesses-caught-in-geopolitical-crossfire/> (accessed 15.04.2021).
9. Shin M. South Korea Talks with China, Japan, and US in Flurry of Diplomacy. *The Diplomat*, 05.04.2021. Available at: <https://thediplomat.com/2021/04/south-korea-talks-with-china-japan-and-us-in-flurry-of-diplomacy> (accessed 11.04.2021).
10. 习近平出席世界经济论坛“达沃斯议程”对话会并发表特别致辞. *Xinhuanet*, 25.01.2021. [Xi Jinping attended the World Economic Forum “Davos Agenda” Dialogue and delivered a special speech. *Xinhuanet*, 25.01.2021. (In Chin.)] Available at: http://www.xinhuanet.com/world/2021-01/25/c_1127023883.htm (accessed 15.03.2021).
11. Zhou C. China ratifies RCEP trade deal three months ahead of schedule, urges other members to follow suit. *SCMP*, 09.03.2021. Available at: <https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3124678/china-ratifies-rcep-trade-deal-three-months-ahead-schedule> (accessed 11.03.2021).
12. Iran and China sign 25-year cooperation agreement. *Reuters*, 27.03.2021. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-iran-china-idUSKBN2BJ0AD> (accessed 03.04.2021).
13. В КНР подтвердили противоречия с США по результатам встречи на Аляске. *Интерфакс*, 20.03.2021. [China confirms contradictions with the United States following a meeting in Alaska. *Interfax*, 20.03.2021 (In Russ.)] Available at: <https://www.interfax.ru/world/756957> (accessed 21.03.2021).
14. Wang A. China-Russia alliance can never work, despite US rivalry, observers say. *SCMP*, 27.03.2021. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3127253/china-russia-alliance-can-never-work-despite-us-rivalry> (accessed 03.04.2021).

15. Костырев А., Полухин А. Китай режет российскую рыбу. *Коммерсантъ*, 01.10.2020. [Kostyrev A., Polukhin A. Kitai rezhet rossiiskuyu rybu [China cuts Russian fish]. *Kommersant*, 01.10.2020.] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4512561> (accessed 15.03.2021).
16. Китай потребовал гарантий отсутствия коронавируса в рыбной продукции из России. *ТАСС*, 01.10.2020. [China demanded guarantees of the absence of coronavirus in fish products from Russia. *TASS*, 01.10.2020 (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/ekonomika/9608113> (accessed 15.03.2021).
17. Скорлыгина Н., Зайнуллин Е. Простой как уголь. *Коммерсантъ*, 21.08.2020. [Skorlygina N., Zainullin E. Prostoi kak ugol' [Simple as coal]. *Kommersant*, 21.08.2020.] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4460088> (accessed 10.03.2021).
18. На границе России и Китая остаются закрытыми все наземные погранпереходы. *РИА Новости*, 14.04.2020. [On the border of Russia and China, all land border crossings remain closed. *RIA Novosti*, 14.04.2020. (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20200414/1570000572.html> (accessed 15.03.2021).
19. Китай ограничил движение грузового транспорта на границе России в Забайкалье. *ТАСС*, 04.05.2020. [China restricts cargo traffic on the Russian border in Zabajkal'e. *TASS*, 04.05.2020 (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/obschestvo/8395315> (accessed 15.03.2021).
20. Федоренко В. Не везет. Как устроена многокилометровая пробка на границе России и Китая и откуда она взялась? Репортаж из эпицентра великого стояния. *Новая газета*, 01.03.2021. [Fedorenko V. Ne vezet. Kak ustroena mnogokilometrovaya probka na granitse Rossii i Kitaya i otkuda ona vzyalas'? Reportazh iz ehbitsentra velikogo stoyaniya [No luck. How does a multi-kilometer traffic jam on the border of Russia and China work and where did it come from? Report from the epicenter of the great standing]. *Novaya gazeta*, 01.03.2021.] Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/03/01/89427-ne-vezet> (accessed 15.03.2021).
21. Россельхознадзор информирует участников зернового рынка о дополнительных требованиях Китая к упаковке импортируемой продукции. *Россельхознадзор*, 15.01.2021. [Rossel'khoz nadzor informs grain market participants about China's additional requirements for the packaging of imported products. *Rossel'khoz nadzor*, 15.01.2021 (In Russ.)] Available at: <https://fsvps.gov.ru/fsvps/news/39458.html> (accessed 15.03.2021).
22. 外交部发言人洪磊就克里米亚公投结果答记者问 [Chinese Foreign Ministry Spokesperson Hong Lei answered journalists' questions about the results of the Crimean referendum. 17.03.2014. (In Chin.)] Available at: <http://ru.china-embassy.org/chn/fyrth/t1138076.htm> (accessed 15.03.2021).
23. 吞并克里米亚事件中，俄罗斯的得失如何？ [What were Russia's gains and losses in the annexation of Crimea? (In Chin.)] Available at: <https://www.zhihu.com/question/26894771> (accessed 15.03.2021).
24. 俄罗斯吞并克里米亚的行为违反了自己跟乌克兰签的双边国际条约（转载） [Russia's annexation of Crimea violates its bilateral international treaty with Ukraine (In Chin.)] Available at: <http://bbs.tianya.cn/post-worldlook-1901636-1.shtml> (accessed 15.03.2021).
25. Интервью Владимира Путина газете “Жэньминь Жибао”. *Russian.people.cn*, 25.04.2019. [Vladimir Putin's interview to the Renmin Ribao. *Russian.people.cn*, 25.04.2019 (In Russ.)] Available at: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0425/c31521-9571723.html> (accessed 15.03.2021).
26. Интервью китайскому изданию “Жэньминь Жибао” [Interview to the “Renmin Ribao” (In Russ.)] Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/60344> (accessed 15.03.2021).
27. “中国正在创造性地推动国际经济合作” – 访俄罗斯总统普京 [“China is creatively promoting international economic cooperation” – Interview with Russian President Putin (In Chin.)] Available at: <http://world.people.com.cn/n1/2019/0425/c1002-31048444.html> (accessed 15.03.2021).
28. Поплавский А., Юранец А. “Последовательная позиция”: планирует ли Китай признать Крым российским. *Газета.ru*, 20.03.2021. [Poplavskii A., Yuranets A. “Posledovatel'naya pozitsiya”: planiruet li Kitai priznat' Krym rossiiskim [“Consistent position”: is China planning to recognize Crimea as Russian. *Gazeta.ru*, 22.03.2021.] Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2021/03/19_a_13517756.shtml (accessed 21.03.2021).

SECOND CENTURY OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA AND NEW BIPOLARITY

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 7, pp. 25-33)

Received 16.04.2021.

Vasily V. MIKHEEV (mikheev@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Sergei A. LUKONIN (sergeylukonin@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Linking the 100th anniversary of the CPC, celebrated in 2021, with long-term goals, the Chinese leadership is talking about the country's entry into the next stage of development – the stage of the “second century of the CPC.” The 14th plan for the socio-economic development of the country for 2021–2025, adopted in March 2021 and long-range objectives through 2035 are seen as the first steps in a new round of China's evolution. According to the Chinese

leadership, the goals of the first century have been largely achieved. Now China faces more ambitious tasks: 1) achieve socialist modernization by 2035, doubling its GDP per capita to the level of an average developed country; 2) to reach the German or Japanese level of industrial and innovative development by 2050; 3) to ensure the innovative and scientific and technological self-sufficiency of China in order to get away from the current technological dependence on the United States and the West in general, which, in the opinion of the Chinese leadership, poses a threat to the national security of the PRC; 4) to create by 2027 (100th anniversary of the PLA) a strong modern army; 5) Ensure China's global leadership by the 100th anniversary of the founding of the PRC in 2049. The peculiarities of the new 14th five-year plan include the absence of targets for GDP growth rates for 2021–2025. The benchmark will now be set every year. For example, for 2021, this indicator is set in the highly redundant formulation “6 percent or more”. Beijing records the nearing transition from quantitative planning to qualitative planning. The aggravation of relations between China and the United States under the Biden administration and Beijing's retaliatory, in a new way, actions in almost all areas, from ideology to security and defense, in the near future will change the global balance of power and lead to the formation of a “new bipolarity” implying in the context of globalization, that in addition to the two new planetary “poles” in the world, regional and subregional centers of power will persist and develop, forming, as saying in China, modern “polycentricity”. Against such a background, the “new bipolarity” will be characterized not only by a direct clash of Chinese and American interests, but also by a struggle for dominance, influence, and alliance with the leaders of the “polycentric world.” Within the framework of the “new bipolarity”, the United States is strengthening relations with allies, opposing the “democratic economy” of the West to the “authoritarianism of China”. The concept of financing by the West of the world transport infrastructure of a “democratic sense” as opposed to the “authoritarian” Chinese “Belt and Road” is put forward. In the reciprocal steps of China to attract partners to the “Chinese pole”, the main place is given to Russia, relations with which are characterized as “exemplary” for the whole world. At the same time, there is an opinion among Chinese experts that “excessive rapprochement” with Russia is unprofitable for China, since for Russia, as well as for the United States, China is not only a partner, but also a “strategic competitor.” China has become the main Russian trade and economic partner, in many directions it has turned into an uncontested supplier. At the same time, the “Sino-Russian Comprehensive Partnership in a New Era” contains many tactical and long-term problems.

Keywords: world economy, international relations, China, foreign policy, new stage of development, centenary of the Chinese communist party, Russian-Chinese relations.

About authors:

Vasily V. MIKHEEV, Doctor of Economics, Full Member of RAS, Member of Directorate, Head of Research at the Center for Asia Pacific Studies.

Sergei A. LUKONIN, Candidate of Economics, Head of Section.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-25-33

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ И ПОЛИТИКА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОТКРЫТОСТИ

© 2021 г. В. Портяков

*ПОРТЯКОВ Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор,
Институт Дальнего Востока РАН, РФ, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, 32 (portyakov47@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 16.04.2021.

В статье анализируется вызревание в Китае поворота от главенства принципа “опоры на собственные силы” к постепенному открытию страны, к развитию крупномасштабных диверсифицированных экономических отношений с внешним миром в пореформенный период, то есть с конца 1970-х годов. Показана роль лидеров Китая различных периодов в этом процессе. Выявлены такие главные опоры и “двигатели” политики внешнеэкономической открытости Китайской Народной Республики, как курс на модернизацию страны и активная борьба с идеологией левачества, продемонстрирована выдающаяся роль Дэн Сяопина в обоих процессах. Охарактеризованы основные достижения КНР на разных этапах реализации политики внешнеэкономической открытости. В противоположность ожиданиям некоторых кругов политической и экономической элиты на Западе, поворот к рынку и внешнеэкономической открытости не сопровождался в КНР политической реформой и демократизацией страны по западному образцу. Как утверждают в Пекине, Китай реализует собственную модель консультативной демократии, отвечающую национальным особенностям. В период пребывания Си Цзиньпина на высших партийных и государственных постах существенно усилена роль правящей компартии во всех сферах общественно-политической жизни страны, активизировалась пропаганда “китайского пути развития” как возможного образца для некоторых развивающихся стран. По мнению автора, в условиях усиливающегося давления Запада на Китай Пекин в обозримой перспективе может пойти на какие-то косвенные уступки во внешнеэкономической сфере, но не в политической системе. Компенсировать отказ Запада продавать КНР те или иные товары и технологии поможет наращивание Китаем собственного производства продукции ключевых высоких технологий.

Ключевые слова: Китай, внешнеэкономическая открытость, модернизация, борьба с левачеством, Дэн Сяопин, Си Цзиньпин, реформа политической системы, национальная модель демократизации.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-34-44

МОДЕРНИЗАЦИЯ СТРАНЫ И БОРЬБА С ЛЕВАЧЕСТВОМ – ДВЕ ОПОРЫ ПОЛИТИКИ ОТКРЫТОСТИ

Совершенный в недавнем прошлом переход Китайской Народной Республики с позиции твердого приверженца курса “опоры на собственные силы” на место одного из мировых лидеров во внешней торговле и мировых инвестиционных потоках, последовательного сторонника всестороннего углубления экономической глобализации вот уже на протяжении нескольких десятилетий остается предметом неослабевающего интереса международного сообщества и как объект теоретического осмысления, и как образец для возможного практического заимствования, пусть даже частичного.

Ознакомление с многочисленной литературой, посвященной повороту современного Китая от автаркии к политике внешнеэкономической открытости, а также личные наблюдения автора, имевшего возможность в ходе работы в Посольстве СССР в КНР в период с октября 1978 г. по апрель 1982 г. непосредственно на месте событий изучать нача-

ло и первые результаты этого процесса, позволяют прийти к выводу, что главными “точками опоры”, давшими возможность, так сказать, “перевернуть” китайский мир, стали две: практическая работа по модернизации страны и настойчивое избавление от догматизма в идеологии правящей Коммунистической партии Китая и в общественной жизни государства, вылившееся прежде всего в преодоление глубоко укоренившегося левачества.

Идея модернизации страны для создания сильного государства с зажиточным населением была сформулирована еще лидерами республиканского Китая. При этом вследствие очевидной экономической и технической отсталости Китая в начале XX столетия предполагалось активно привлекать зарубежный капитал и технологии. Как констатировал в своей работе “Программа строительства государства” первый Временный президент Китайской Республики (ноябрь 1911 – апрель 1912 г.) и основатель Гоминьдана (“Национальной партии”) Сунь Ятсен, “если говорить о Китае, то собственными силами он не в состоянии быстрыми темпами достичь богатства и могущества... Нам достаточно лишь радушно открыть двери в нашу

промышленность иностранным капиталовложениям, чтобы через десять лет сравняться с Европой и США” [1, с. 223]. Лидер гоминьдановского Китая Чан Кайши в своих работах 1940-х годов “Судьба Китая” и “Китайская экономическая теория” исходил из необходимости развития в стране индустриализированной экономики максимально ускоренными темпами (см. [2, с. 87]).

Возглавлявший Китайскую Народную Республику в 1949–1976 гг. Мао Цзэдун традиционно считался в советском и российском Китаеведении деятелем, тяготеющим к левачеству, сторонником неизменного первенства политики над экономикой. Однако его высказывания, взятые в совокупности, носят амбивалентный характер. В них присутствуют суждения о настоящей необходимости развития производительных сил в Китае. Мао Цзэдун еще до образования КНР, в 1945 г., призывал “дать простор... развитию производительных сил китайского общества” и декларировал, что “без промышленности не может быть и речи... о том, чтобы сделать страну богатой и могучей” [3, с. 324, 326].

А в выступлении на заседании Политбюро ЦК КПК 25 апреля 1956 г., озаглавленном “О десяти важнейших взаимоотношениях”, Мао Цзэдун констатировал необходимость для Китая “с особым старанием учиться у зарубежных стран”. Тогда же он же предложил и методологию такой учебы: “решительно отвергать и критиковать... гнилые порядки, идеологию и образ жизни иностранной буржуазии”, но “изучать передовую науку и технику капиталистических стран” [4, с. 365].

Судя по всему, не вызвала у Мао Цзэдуна возражений и программа “четырёх модернизаций” (промышленности, сельского хозяйства, обороны, науки и техники), выдвинутая премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем в 1964 г. и продублированная в 1975 г. Она вполне соответствовала суждениям Мао образца 1956 г. о том, что Китай за 50–60 лет обязан перегнать США [4, с. 378].

На практике Китай в 1950-е годы решал задачи модернизации при значительной опоре на внешний фактор, в первую очередь на помощь Советского Союза кредитами, специалистами, крупномасштабными поставками техники, оборудования, представлением научно-технической документации, подготовкой кадров, включая военные. Явная “односторонность” китайской внешнеэкономической открытости 1950-х годов была прямо связана с враждебным отношением западных стран во главе с США к народному Китаю и введенным ими запретом на поставки в КНР современной техники.

Однако при Мао Цзэдуне же Китай приобрел и опыт прямого взаимодействия с мировым рынком. Ухудшение отношений с СССР из-за идеоло-

гических разногласий между КПК и КПСС, снижение спроса Пекина на машины и оборудование после провала “большого скачка”, невозможность удовлетворить за счет социалистических стран возросшие потребности Китая в импорте продовольствия, прежде всего зерна и сахара, предопределили переориентацию КНР в первой половине 1960-х годов на мировой рынок. Она была закреплена эпизодическими закупками у ряда капиталистических стран (Италии, Германии, Японии) комплектного оборудования, главным образом для нефтехимической промышленности (в частности, в 1964–1965 гг., 1972–1973 гг. и 1975 г.). Таким образом, минимально необходимый для существенного расширения масштабов и диверсификации структуры внешнеэкономических связей опыт взаимодействия с мировым рынком у КНР к началу политики реформ и открытости имелся.

Обращение же к внешним источникам техники, капиталов и знаний было на тот момент практически единственным возможным способом преодоления отсталости страны в относительно сжатые сроки. По американским оценкам, отставание “послемаоцзэдуновского” Китая от США составляло в развитии транспортных средств 40 лет, черной металлургии – 25 лет, оборудования для нефтедобычи – 15–20 лет [5, р. 173].

Возглавлявший страну после кончины Мао, в 1976–1981 гг., и совмещавший посты Председателя ЦК КПК и премьер-министра Госсовета КНР Хуа Гофэн всецело солидаризировался с маоцзэдуновским представлением о возможности осуществления модернизации страны методами “скачка”. В ноябре 1977 г. были сформулированы наметки долгосрочного плана развития народного хозяйства Китая, ориентированные на полное осуществление “четырёх модернизаций” в стране к концу XX в. В качестве первого шага в десятилетнем плане развития на 1976–1985 гг. (то есть фактически восьмилетнем) было намечено построить к концу этого периода 120 крупных промышленных баз, в том числе 30 электростанций, 10 баз черной и девять цветной металлургии [6, сс. 590–591]. Особая ставка делалась на наращивание добычи нефти и развитие нефтехимии. Центральную роль в реализации наметок на 1985 г. должен был сыграть крупномасштабный импорт оборудования для нефтехимии, металлургии и угледобычи. В связи с этим задуманный Хуа Гофэном “скачок” получил позднее название “заморского”. Планы Хуа Гофэна существенно превышали реальные возможности Китая, к тому же подорванные “культурной революцией”, и от них, как и от большинства заключенных в 1977–1978 гг. контрактов на импорт комплектного оборудования, вскоре отказались.

Как ни парадоксально, предпринятая Хуа Гофэном попытка форсированной модернизации

Китай оказалась в известном смысле полезной тем, что привлекла к КНР внимание зарубежных деловых кругов как к потенциально огромному рынку сбыта техники и технологий. А поворот Китая от полуизоляционистской политики к активизации внешнеэкономических связей создал условия для использования такого его уникального преимущества, как наличие в мире состоятельной китайской диаспоры. Благодаря ей страна получила не только надежный источник иностранных инвестиций, но и возможность быстрого развития трудоемких производств и налаживания выпуска потребительских товаров длительного пользования, а также создания очагов естественного освоения рыночных принципов хозяйствования в виде специальных экономических зон.

Однако в 1977–1978 гг. это была еще только возможность, и главным препятствием на пути ее превращения в жизнь было засилье левацких, догматических взглядов. Хотя наиболее одиозные лидеры леваков — группа выдвиженцев “культурной революции” во главе с женой Мао Цзэдуна Цзян Цин, известная как “банда четырех”, были устранены с политической арены в октябре 1976 г., тогдашний лидер партии и страны Хуа Гофэн выказал себя твердым приверженцем так называемых двух абсолютов, то есть считал необходимым делать все, что говорил председатель Мао, и не делать того, о чем он не говорил. Соответственно, он брал из арсенала Мао Цзэдуна и курс на модернизацию страны методами “скачка”, и наказ “браться за классовую борьбу как за решающее звено”: “Так учил нас Председатель Мао Цзэдун, так мы и должны решительно и непоколебимо поступать” [7, сс. 42-43].

Особо важную роль в борьбе с левачеством сыграл Дэн Сяопин, противопоставлявший “двум абсолютам” принципы “практика — единственный критерий истины” и “реалистический подход к делу”. Кампания “за реалистический подход к делу” развернулась по всей стране. Только во второй половине 1978 г. этой теме было посвящено свыше 650 статей в печати и более 70 теоретических конференций [8, сс. 167-170]. Дискуссия о практике как единственной критерии истины сформировала широкое движение “за раскрепощение сознания”, сопровождавшееся прорывом множества “запретных зон” в теории и идеологии. Оно непосредственно подготовило принятое 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) решение “перенести центр тяжести работы всей партии и переключить внимание всего народа страны на осуществление социалистической модернизации” в ее принципиально новой для Китая трактовке [9, с. 23]. Тем самым правящая компартия “коренным образом выправила ошибочные левацкие представления и постепенно определила... правильный путь социалистической модерниза-

ции, отвечающий требованиям конкретной обстановки в Китае” [10, с. 107].

Перенеся акцент тяжести своей работы на экономическое строительство, страна стала быстро диверсифицировать формы внешнеэкономических связей. В 1979–1980 гг. были одобрены такие способы взаимодействия с зарубежными партнерами, как создание совместных предприятий с участием иностранного капитала, привлечение займов от иностранных правительств и международных финансовых организаций, развитие переработки давальческого сырья и изготовление изделий по образцам заказчика, создание четырех специальных экономических зон “первой волны” (Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь). С 1979 г. по начало 1983 г. в КНР было утверждено создание 105 совместных предприятий, что позволило привлечь 200 млн долл. иностранных инвестиций [11, р. 88]. При всей скромности масштабов заимствований важен был сам прецедент запуска новой для страны инновационной практики во внешнеэкономической сфере. Эта работа сопровождалась интенсивным теоретическим обоснованием и разъяснением широким массам роли рынка как полезного дополнения плановой экономики, руководящей роли социалистической экономики в специальных экономических зонах и т. д. [12, с. 14].

Главным идеологом и “мотором” преобразований в пореформенном Китае стал Дэн Сяопин. Перед “культурной революцией” он занимал пост Генерального секретаря (в то время это был руководитель аппарата) ЦК КПК, в 1975–1980 гг. был заместителем премьера Госсовета, а в 1980-е годы — председателем Центрального военного совета КНР и Военного совета ЦК КПК. В Китае эти должности традиционно принадлежат первому лицу в партии и стране, которым Дэн Сяопин формально не являлся, будучи при этом признанным лидером второго поколения руководителей КПК и КНР, “архитектором” и “генеральным конструктором” реформ. В собственно экономической сфере Дэн Сяопину принадлежит не много ключевых идей и предложений, однако как минимум одно из них — довести валовой национальный продукт на душу населения к концу века до тысячи долларов, то есть увеличить его в четыре раза от уровня 1979 г., — было принято в КНР как руководство к действию и послужило отправной точкой для обсчета конкретных параметров и этапов осуществления модернизации [13, с. 251, 302].

Гораздо большую роль сыграли высказывания Дэна об общественно-политической направленности преобразований в стране и характере социализма в Китае, ставшие надежным ориентиром для практического проведения реформ и оценки их характера.

В выступлении по вопросам партийной работы 30 марта 1979 г. Дэн Сяопин сформулировал “четыре основных принципа”, выступающих “коренной предпосылкой” осуществления модернизации Китая: отстаивать социалистический путь, диктатуру пролетариата, руководство компартии, марксизм-ленинизм – идеи Мао Цзэдуна [13, с. 214].

В конкретной исторической обстановке конца 1970-х годов “четыре основных принципа” стали ответом как тем, кто с левацких позиций рассматривал взятый в КНР курс на приоритет экономического строительства как поворот страны к капитализму, так и тем, кто на деле желал такого поворота и понимал модернизацию страны как ее всестороннюю “вестернизацию”. На практике провозглашенные Дэном принципы стали далеко не лишним политическим ограничителем широких экономических реформ в Китае, помогли провести страну через различные потрясения и сохранить верность социалистическому выбору. Этому помог и правильный выбор Дэн Сяопином центрального звена “четырех пунктов”, каковым неоднократно провозглашалось руководство со стороны компартии. Именно КПК неизменно играла роль главной скрепы китайского общества в годину испытаний.

В упомянутом выступлении Дэн Сяопин декларировал также избирательный подход к заимствованиям из-за рубежа: “Нам следует... ввозить из капиталистических стран передовую технику и все полезное для нас. Но нам никак нельзя перенимать и заимствовать капиталистические порядки, все уродливое и западническое” [13, с. 218]. Такой подход Дэн не раз демонстрировал на практике, периодически развертывая кампании борьбы с “буржуазной либерализацией” (первая из них прошла в 1983 г.). С будто бы недостаточным противодействием “буржуазной либерализации” было увязано смещение Ху Яобана в начале 1987 г. и Чжао Цзяна в мае 1989 г. с поста Генерального секретаря ЦК КПК, высшей должности в партии после 1982 г.

Центральное место в “теории Дэн Сяопина” занял озвученный им во вступительной речи на XII съезде КПК 1 сентября 1982 г. ряд положений: “На одном лишь копировании зарубежного опыта... далеко не уедешь. Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной практикой нашей страны, идти собственным путем и строить социализм со спецификой Китая – таков основной вывод, сделанный нами на основе обобщения длительного исторического опыта... Независимость, самостоятельность и опора на собственные силы были и будут исходной позицией в нашей деятельности” [14, сс. 3–4].

Политические постулаты Дэна ставили окончательную точку по многим принципиальным вопросам, служившим предметом оживленных дискуссий в период 1979–1981 гг. Ответ был таков:

Китай окончательно выбирает социалистический путь развития (в ходе дискуссий звучали и иные предложения, например о государственном капитализме), но это будет собственная модель социализма, вопрос о переходе или возврате к какой-то иной модели (сталинской, советской, югославской и т. д.) навсегда снимался с повестки дня. В историческом контексте начала 1980-х годов важную функциональную роль сыграло упоминание Дэн Сяопином независимости и самостоятельности Китая. Оно ознаменовало окончание проводившегося Пекином в 1979–1982 гг. внешнеполитического курса, ориентированного на “создание широчайшего единого антигегемонистского фронта борьбы с советским социал-империализмом”. Теоретически возникла возможность расширения географии внешнеэкономической открытости Китая, ее распространения на социалистические страны. Кое-что здесь было сделано, например, налажен взаимный обмен стажерами с СССР и другими государствами “социалистического лагеря”, изучалась возможность реконструкции части предприятий, сооруженных в 1950-е годы при советском содействии. Однако каких-то прорывов достичь к началу 1990-х годов не удалось.

Еще раз ключевую роль в определении стратегии развития Китая Дэн Сяопин сыграл в начале 1990-х годов. После трагических событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине в июне 1989 г. (силового подавления выступления инакомыслящих с применением армии) резко ухудшились отношения КНР с западными странами. Крушение социализма в Восточной Европе и СССР порождало в Пекине ощущение осажденной крепости. В обновленном руководстве страны усилился пессимизм, сомнения в правомерности дальнейшего развития рыночной экономики и в конечном успехе внешнеэкономической открытости. На пятилетие 1991–1995 гг. был запланирован среднегодовой прирост экономики страны только в 6%, что абсолютно не соответствовало объективным возможностям Китая и необходимости ответить на вставший перед ним международно-политический вызов динамичным развитием народного хозяйства. Возникла реальная угроза свертывания реформ и политики открытости.

В этой ситуации Дэн Сяопин, можно сказать, бросил на весы весь свой авторитет, чтобы переломить положение и скорректировать принятые Генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэмином и премьером Госсовета Ли Пэном решения. Дэн поехал с инспекционной поездкой на юг КНР, где в ходе посещения Шэньчжэня, Чжухая, Уханя и Шанхая в период с 18 января по 21 февраля 1992 г. четко высказал свою позицию по актуальным для страны дискуссионным вопросам. Заявив, что без развития экономики страна зайдет в тупик,

он призвал “сделать пошире поступь политики реформ и открытости, не уподобляясь женщине с маленькими ступнями, и смелее экспериментировать” [15, с. 372]. Впервые после 1981 г. главной опасностью для Китая было названо левачество, проявлявшееся в отождествлении политики реформ и открытости с капитализмом. Дэн Сяопин констатировал, что “рыночная экономика не тождественна капитализму”, и поставил точку в вопросе о характере специальных экономических зон в стране: они, по его словам, носят фамилию “социализм”, а не “капитализм” [15, сс. 372-373].

Спустя некоторое время плановые темпы развития КНР были повышены, политика внешнеэкономической открытости распространена на все приграничные районы КНР. Логическим продолжением инициированного Дэном процесса корректировки экономического курса стал экономический поворот страны к рыночной экономике, ознаменованный принятым на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва 14 ноября 1993 г. “Решением о некоторых вопросах строительства системы социалистической рыночной экономики”. Оно, в частности, ориентировало страну на дальнейшее расширение политики открытости, полное использование обоих рынков – международного и внутреннего, развитие экономики открытого типа [16, с. 16].

Как отметили зарубежные эксперты, выбор Дэн Сяопином именно юга Китая для оглашения своих представлений по основополагающим вопросам развития страны был неслучаен. Здесь, в регионе, в наибольшей мере ощутившем позитивные плоды проведенных преобразований, Дэн Сяопин в большей мере, чем в других местах, мог рассчитывать на поддержку. “Юг с его специальными экономическими зонами и открытыми городами был на много шагов впереди Севера в плане проведения экономических реформ и поворота к международному капитализму... Люди на Юге были более готовы к дальнейшим реформам и к более полному восприятию рыночной системы” [17, р. 40].

Заданный поездкой Дэн Сяопина импульс действовал, как минимум, на протяжении всех 1990-х годов. КНР существенно нарастила объем внешней торговли – со 135.6 млрд долл. в 1991 г. до 360.6 млрд долл. в 1999 г. В перечень ведущих товаров китайского экспорта к текстилю и обуви добавилась широкая гамма бытовой потребительской техники, аудио- и видеоаппаратуры, фотоаппаратов и компьютеров. Ежегодное фактическое использование иностранных инвестиций с 10–20 млрд долл. в начале 1990-х годов выросло до уровня 50–60 млрд долл. во второй их половине [18, с. 94, 104]. Заработали полноценные биржи ценных бумаг в Шанхае и Шэньчжэне, динамично росли практически все негосударственные секторы эко-

номики, в том числе частный, индивидуальный и смешанный с участием иностранного капитала.

В период пребывания у власти третьего поколения руководителей КПК и КНР во главе с Цзян Цзэмином (1989–2003 гг.) важнейшими событиями в сфере внешнеэкономической открытости стали: курс на масштабное развитие отстающих западных территорий – “великое открытие Запада” (*сибу да кайфа*), ознаменовавший распространение ареала “открытости” с преимущественно восточных, прибрежных регионов Китая на всю территорию страны; связанный с освоением Запада, но носящий более универсальный характер курс на “выход вовне” (*цзоучуцзюй*) национальных предприятий, давший толчок вывозу за рубеж китайского капитала; и, наконец, завершение многолетних переговоров о вступлении страны во Всемирную торговую организацию с 12 декабря 2001 г. (заметную роль здесь сыграл премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи).

При занимавшем посты Генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР Ху Цзиньтао (2002–2012 гг.) КНР окончательно выросла в экономического гиганта, вторую экономику мира и превратилась в подлинную мировую фабрику. ВВП страны за десятилетие лидерства Ху Цзиньтао в сопоставимых ценах вырос в 2.72 раза, то есть увеличился на 10.5% ежегодно [18, с. 28]. Членство в ВТО стало настоящим катализатором ускоренного наращивания масштабов внешней торговли Китая. Ее объем за то же десятилетие вырос с 620.7 млрд до 3867 млрд долл., то есть в 6.23 раза, а объем китайского экспорта – с 325.6 млрд до 2048.7 млрд долл., в 6.29 раза (рассчитано по: [18, с. 94]).

Сохранив основные традиционные экспортные производства, КНР одновременно стала крупным экспортером продукции машиностроения, электротехники и электроники, в том числе широкого ассортимента высокотехнологичной продукции. Продолжая привлекать крупные зарубежные инвестиции (начиная с 2010 г. – свыше 100 млрд долл. ежегодно), Пекин заметно нарастил и вывоз своего капитала за границу. В 2012 г. он составил 87.8 млрд долл. – 6.4% общемирового показателя, третье место в мире [19, с. 4].

Роль внешней торговли в экономике Китая достигла апогея в 2006 г., когда соотношение объема внешнеторгового товарооборота и валового внутреннего продукта составило 64.2%, а экспорта и ВВП – 35.36% (рассчитано по: [18, с. 28, 94]).

ПОЛИТИКА ОТКРЫТОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Между тем мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. выявил существенные трудности для дальнейшего столь же динамичного, как и прежде, на-

ращивания экспорта страны. Все более отчетливо стало проявляться и ослабление конкурентоспособности на мировом рынке трудоемких товаров, составлявших основу китайского вывоза. Все чаще иностранный бизнес начал переносить производство обуви, одежды, бытовой электроники из КНР во Вьетнам, Индонезию, Бангладеш и т. п.

Эти явления не прошли мимо внимания нового лидера – Генерального секретаря ЦК КПК, Председателя КНР Си Цзиньпина, при котором начался пересмотр общей модели экономического роста в стране и места в ней внешнеэкономических связей. В самом общем виде речь шла о переносе центра тяжести с инвестиций и экспорта на внутреннее потребление и инновации. Неизбежное снижение годовых темпов прироста экономики было охарактеризовано Пекином как “новая нормальность”. По официальной китайской версии, впервые это выражение употребил Си Цзиньпин 10 декабря 2013 г. в выступлении на центральном совещании по экономической работе, а в ходе обследования провинции Хэнань в мае 2014 г. окончательно закрепил его в экономической повестке дня [20, с. 289]. Нарастание внутреннего потребления стимулировалось заметным увеличением личных доходов населения, в том числе за счет ранее сдерживавшегося роста заработной платы. Понадобилось и жесткое сдерживание внутренних инвестиций ввиду наличия серьезных избыточных мощностей во многих отраслях. Изначально именно с целью выноса за границу избыточных производственных мощностей в черной металлургии и промышленности строительных материалов Пекин вбросил в мировое сообщество идею создания современных “шелковых путей” – сухопутного и морского. На первых порах китайские ученые не уставали разъяснять собеседникам, что “Инициатива Пояса и Пути” – это стратегия экономического развития Китая, и ничто иное. Такое пояснение, например, дал директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук Китая Ли Юнцюань на первой совместной российско-китайской конференции под эгидой Российского совета по международным делам в мае 2015 г. в Москве. Затем стало понятно, что продвижение этой инициативы может стать незаменимым инструментом долгосрочного наращивания объемов и диверсификации форм внешнеэкономических связей КНР, резко расширяя ресурсную базу и рынки сбыта китайской продукции.

Как бы то ни было, оглашение в 2013 г. “Инициативы Пояса и Пути” послужило китайским экспертам главным основанием для вывода о начале второго этапа политики внешнеэкономической открытости страны [21]. Если на первом этапе главным было привлечение извне товаров, капиталов, технологий, услуг, то на новом этапе как минимум

равновеликой задачей становится вывоз Китаем всего этого за рубеж.

Важная роль в освоении “новых высот” мирового рынка отводится экспериментальным зонам свободной торговли (ЭЗСТ), призванным помочь Китаю освоить лучшие мировые практики проведения внешнеторговых, инвестиционных, расчетно-финансовых операций. Первая ЭЗСТ была создана в 2013 г. в Шанхае, а всего к началу 2021 г. в стране была учреждена 21 такая зона с охватом большинства регионов КНР. На их долю пришлось около 15% объема внешней торговли страны и свыше 17% использованных иностранных инвестиций. В ЭЗСТ Хайнань, в порту Янпу, отрабатывается китайский вариант “свободного порта”.

Китай стал де-факто главным бенефициаром процесса глобализации мировой экономики. С 2013 г. КНР является (за исключением 2016 г.) мировым лидером по объему внешней торговли товарами и их экспорту. В 2020 г. объем товарооборота КНР достиг 4646 млрд долл., а экспорта – 2590 млрд долл. [22, табл. 2]. КНР находится в числе мировых лидеров по привлечению иностранных инвестиций – 138 млрд долл. в 2019 г. [18, с. 103] и по вывозу собственных капиталов за рубеж – около 133 млрд долл.

Вполне закономерно, что в Пекине активно критикуют деглобализационные настроения в мире и поддерживают все форматы и переговорные процессы, способствующие экономической интеграции и углублению экономического сотрудничества. КНР приложила немало усилий для успешного завершения переговоров и подписанию 15 ноября 2020 г. соглашения о Региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве в составе 15 государств.

Пекин уже ратифицировал этот документ, дающий “добро” на создание самой крупной зоны свободной торговли в мире.

ОТКРЫТОСТЬ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ – ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ?

В пореформенном Китае изначально исходили из того, что модернизация страны не исчерпывается созданием современной экономики и что эта задача охватывает и другие сферы. Постепенно выкристаллизовалось понимание модернизации как “пятисоставной” задачи экономического, политического, культурного, социального и экономического строительства [23, с. 93]. Соответственно, в стране и в мире сформировалось представление об объективной неизбежности проведения в КНР политической реформы, которая рано или поздно последует за успехами в реформе экономической. Восстановление в конце 1970-х – начале 1980-х го-

дов нормальной деятельности таких традиционных для КНР политических институтов, как собрания народных представителей и Народный политический консультативный совет Китая, куда в числе прочих входят члены небольших так называемых демократических партий и беспартийные, принятие в 1982 г. новой конституции, казалось бы, свидетельствовало о вполне успешном старте реформ не только в экономике, но и в политике. Подобные настроения фактически поддерживал и Дэн Сяопин, в начале 1980-х годов заявлявший о развитии в стране “демократии и законности”, о необходимости “в полной мере развивать народную демократию, гарантировать всему народу право... управлять низовыми органами власти на местах” [13, с. 325, 403] и начавший практическую перестройку системы партийного и государственного руководства. При этом, правда, Дэн подчеркивал, что “стабильность общества, развитие демократии... — все это может быть обеспечено только под руководством партии” [13, с. 427].

Такое положение внешним наблюдателям долгое время казалось вполне допустимым, коль скоро, как отмечал российский китаевед А.С. Мугрузин, “чем значительнее груз социальных и экономических проблем, доставшихся современному обществу, тем больше объем исторически прогрессивной работы, которую может провести недемократический режим, нацеленный на модернизацию народного хозяйства и общества” [24, с. 225].

После окончательного развала к концу 1983 г. системы народных коммун начались попытки создания комитетов сельских жителей на выборной основе. Этот процесс шел не быстро, в том числе из-за психологических особенностей китайцев, воспринимавших проигрыш на выборах как “потерю лица”. Тем не менее “низовая сельская демократия” надолго стала предметом тщательного изучения на Западе.

Наивысшей точки идея скорейшего проведения в стране политической реформы достигла на XIII съезде КПК (25 октября — 1 ноября 1987 г.). В докладе Чжао Цзяна утверждалось, что “процессу развития социалистического товарного хозяйства должен сопутствовать процесс строительства социалистической демократии”. Конечная цель этого процесса виделась в том, чтобы “создать... жизнеспособную социалистическую политическую систему с высокоразвитой демократией, совершенным законопорядком и высокой эффективностью”. Преобразования в политической сфере (в том числе разграничение партийных и хозяйственных функций, повышение роли общественных организаций) предполагалось проводить постепенно, осматривательно. Подчеркивалась и “китайская специфика”, предопределявшая

отказ от заимствования западной системы разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, а также отказ от многопартийной системы поочередного правления [25, сс. 38–39].

Съезд допустил развитие в Китае частного сектора экономики и зафиксировал нахождение страны на “начальном этапе социализма”, что способствовало закреплению приоритета рыночных принципов развития страны. Хотя наступившие в КНР после 1989 г. “политические заморозки” ощущались до конца 1990-х годов, в экономике наблюдался беспрецедентный рост масштабов негосударственных секторов. Так, число занятых в частном секторе с 1.7 млн человек в 1990 г. выросло до 24 млн в 2000 г., а число занятых в индивидуальном секторе — с 21 млн до 50.7 млн человек [18, с. 40]. В изменившейся обстановке все более настоятельной становилась задача подтверждения легитимности КПК, ее способности выражать интересы народа. Требовавший от партии “идти в ногу со временем” Цзян Цзэминь озвучил в речи по случаю 80-летия КПК положение о “тройном представительстве компартии в китайском обществе — как представителя передовых производительных сил, передовой культуры и коренных интересов народа” [26, сс. 13–14]. Практическим следствием выдвижения формулы “тройного представительства” стало начало приема частных предпринимателей в КПК. В целом же фактическая трансформация КПК в “общенародную партию” стала де-факто одним из крупнейших событий в сфере политической реформы в КНР в последние десятилетия.

На сессии Всекитайского собрания народных представителей в марте 2003 г., когда Цзян Цзэминь “сдавал” пост главы государства (Председателя КНР) Ху Цзиньтао, был проведен эксперимент с выборами членов президиума парламента из числа претендентов, несколько превышавших имевшееся количество мест (примерно на 8%). Голосование, проходившее в присутствии иностранных дипломатов и журналистов, шло и по кандидатам на высшие государственные посты (Председателя КНР, заместитель Председателя, премьер Госсовета). В последующем подобные эксперименты с “гласностью” более не повторялись.

При Ху Цзиньтао формально были уравниены в избирательных правах жители города и деревни (до 2004 г. один делегат в деревне избирался от вчетверо большего числа жителей, чем в городах). Правда, автору не довелось найти анализ влияния изменившихся “правил игры” на структуру состава депутатов провинциальных и Всекитайского собраний народных представителей.

В 2000-е годы заметно оживилась деятельность народно-политических консультативных советов, членами которых по состоянию на 2002 г. были 240 тыс. представителей демократических пар-

тий при их общей численности в 580 тыс. человек. По мнению российского китаевода К.А. Кокарева, система НПКСК позволила консолидировать значительную часть китайской интеллигенции вокруг курса на построение социализма с национальной спецификой, способствовала лояльному отношению к власти влиятельных слоев общества, а следовательно, и обеспечению социальной стабильности [27, с. 250]. Немаловажно и то обстоятельство, что консультативный характер деятельности всей системы НПКСК прямо способствовал восприятию идеи консультативной демократии как важнейшей особенности демократии в Китае, отвечающей национальной специфике и в корне отличной от западной демократии, базирующейся на смене правящих партий по результатам выборов и на разделении властей. Тем не менее на протяжении всего периода правления Ху Цзиньтао за рубежом преобладало мнение, что в КНР “все большее число представителей среднего класса и даже элит постоянно стремятся ограничить авторитаризм, требуя большей свободы... и подлинных выборов, по крайней мере, на низовом уровне. И однажды эти требования неизбежно приведут к тому, чтобы поднять вопрос об однопартийной системе в целом” [28, сс. 220-221].

В общем присущий периоду пребывания Ху Цзиньтао у власти относительно мягкий, нацеленный на “гармонию” стиль правления привел к очевидному ослаблению партийной дисциплины, росту уровня коррумпированности партийно-государственного аппарата и масштабов коррупции в Китае, проникшей даже в ряды партийной и армейской верхушки.

Приход к власти к 2012 г. Си Цзиньпина дал старт началу кампании тотальной борьбы с коррупцией и радикальному ужесточению партийной дисциплины. Практически каждый новый шаг по углублению реформ в экономике стал сопровождаться специальным документом, предусматривающим усиление руководства со стороны КПК соответствующей сферой и контроля партии за проведением преобразований.

Тон здесь задает лично Генеральный секретарь ЦК КПК, Председатель КНР Си Цзиньпин, рассматривающий партийное руководство в качестве “сущностной особенности социализма с китайской спецификой” и считающий сохранение руководства со стороны партии “основой и жизненной артерией партии и государства”, “интересом и счастьем всех народов страны” [29, сс. 34-35].

Пришедшийся на период правления Си Цзиньпина подъем протестного движения в Гонконге, создание властями пунктов “профессиональной переподготовки” местного населения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, призванных пресечь крайние проявления уйгурского радикализма,

заметно повысили градус критики за рубежом политической системы КНР. На смену ожиданиям серьезных перемен в китайском обществе пришло практически тотальное разочарование, неверие в возможность существенной демократизации в Китае по привычным для Запада лекалам. Как констатировал германский политолог-китаевед Себастьян Хельманн, среди возможных сценариев политического развития Китая в обозримом будущем “отсутствует сценарий постепенной эволюции страны к западной модели конституционного демократического государства” [30, р. 93].

Что касается официального Пекина, то все претензии к его политической системе он отвергает ссылками на специфику страны и заявлениями о недопустимости вмешательства во внутренние дела Китая.

В отличие от времен правления Ху Цзиньтао, при Си Цзиньпине Китай полностью отошел от своего рода “извинительной” позиции при анализе проблем демократизации страны и перешел к жесткой наступательной тактике, отстаивая китайское понимание существа демократии и указывая на нередкое отступление на Западе от якобы канонических универсальных принципов демократии (беспрестанное нарушение прав человека, недостаточная прозрачность выборов и т. п.).

Китай ныне полностью отвергает обвинения в недемократичности его политической системы и методов политического руководства общественной жизнью. Даваемые руководством страны и экспертами многочисленные определения демократии и перечень критериев демократичности выстроены так, чтобы представить КНР вполне демократическим государством, разумеется, с учетом национальной специфики. Приведем несколько высказываний Си Цзиньпина по данной проблеме: “Слепое копирование политических систем других стран никогда не работало в Китае”; “лучший способ оценить, является ли политическая система страны демократической и эффективной, это понаблюдать... может ли весь народ участвовать в управлении делами государства в социальной, экономической и культурной сферах в соответствии с его законными правами”; “консультативная демократия является уникальной формой китайской социалистической демократии” [31, pp. 312-313, 321]. Такой подход позволил на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.) объявить модель модернизации Китая пригодной для использования в некоторых развивающихся государствах [32].

Это стало существенным фактором, повлиявшим на отношение Запада к политической системе КНР. До недавнего времени там преобладал взгляд о необходимости толерантного отношения к ней — как с учетом выгод, получаемых от экономического сотрудничества с Китаем, так и в на-

дежде на эволюцию режима “когда-нибудь” в будущем. Теперь же даже в Европейском союзе Китай воспринимается как конкурент в выборе модели развития, при этом китайский авторитаризм однозначно объявлен “неприемлемым и негодным в качестве модели для демократических обществ” [33, р. 424]. А США в лице госсекретаря в администрации Д. Трампа Майкла Помпео открыто примерили на себя миссию “борца с китайским коммунизмом” [34].

Так что действующая политическая система Китайской Народной Республики в ближайшие годы будет испытывать на себе возросшее давление со стороны западного мира, в том числе с использованием внешнеэкономических рычагов. Не случайно администрация Д. Байдена сохранила повышенные тарифы на товары китайского экспорта, а ЕС приостановил ратификацию инвестиционного соглашения с Китаем. Не приходится ожидать, что Пекин где-либо и когда-либо прямо пойдет на существенные уступки под этим давлением. Но внимательно изучать ситуацию и в конечном счете реагировать на нее оптимальным образом – такой подход всегда был сильной стороной современного Китая. Так что, скорее всего, через какое-то время острота трений спадет и торгово-экономические связи КНР с западным миром вернутся в близкое к традиционному русло. А на случай неблагоприятного для КНР укрепления антикитайского альянса на Западе у страны имеется пусть не вполне адекватный, но все же способный частично компенсировать потери вариант дальнейшего развития связей с большинством государств “Пояса и Пути”. Преодолеть же технологическую солидарность Запада в противостоянии с КНР во все большей степени будут помогать собственные разработки страны. Можно сказать, что Китай стал загодя готовиться к вероятным неприятностям подобного рода. Еще в марте 1986 г. была принята долгосрочная программа

развития высоких технологий (“863”). В 2006 г. ее дополнила программа развития науки и техники до 2020 г. Развернутая стратегия повышения научно-технического уровня отечественной продукции в важнейших отраслях изложена в 14-м пятилетнем плане на 2021–2025 гг. и в долгосрочной программе развития до 2035 г. [35, 36, 37].

Хотя примерно с середины 2020 г. в Китае стали говорить о “внутренней циркуляции” экономики как о ее главной функциональной составляющей, неизменно подчеркиваются и важность совершенствования “внешней циркуляции”, тесная взаимосвязь и взаимозависимость двух пространственных сфер функционирования народного хозяйства страны. В программе развития КНР в 14-й пятилетке и на период до 2035 г. поставлены задачи строительства высокоуровневой экономики открытого типа и повышения уровня внешнеэкономической открытости, продвижения сотрудничества, построенного на принципе всеобщего выигрыша [37].

Таким образом, КНР демонстрирует полную приверженность своей стратегии внешнеэкономической открытости, освоению ее новых форм и методов. Пекин, как и раньше, намерен выступать в авангарде курса на всестороннюю глобализацию экономики при одновременном твердом отстаивании собственной политической системы. Если жесткое давление извне все-таки потребует от Китая определенных корректировок, то каких-либо уступок скорее можно ожидать в сфере экономического взаимодействия с внешним миром, нежели в области внутренней политики. Например, за счет внедрения принципа “опоры на свои силы” в высоких технологиях может быть несколько ослаблено торгово-экономическое сотрудничество с Западом в ряде отраслей. Представляется, что КНР в обозримой перспективе способна справиться и с возможными осложнениями в сфере развития высоких технологий, и с политическим давлением Запада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Сунь Ятсен. *Избранные произведения*. Москва, Главная редакция восточной литературы издательства “Наука”, 1985. 759 с. [Sun Yat-sen. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Glavnaya redaksiya vostochnoy literatury izdatelstva “Nauka”, 1985. 759 p.]
2. Сухарчук Г.Д. *Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX века. Сравнительный анализ*. Москва, Главная редакция восточной литературы издательства “Наука”, 1983. 228 с. [Suharchuk G.D. *Sotsial'no-ekonomicheskie vzglyady politicheskikh liderov Kitaya pervoi poloviny XX veka. Sravnitel'nyi analiz* [Socio-economic views of the political leaders of China in the first half of the XXth century. Comparative analysis]. Moscow, Glavnaya redaksiya vostochnoy literatury izdatelstva “Nauka”, 1983. 228 p.]
3. Мао Цзэ-дун. *Избранные произведения*. Т. III. Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1969. 380 с. [Mao Zedong. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Vol. III. Beijing, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1969. 380 p.] Available at: <https://disk.yandex.ru/i/6e1kII9HXpqsu> (accessed 04.05.2021).
4. Мао Цзэ-дун. *Избранные произведения*. Т. V. Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1977. 640 с. [Mao Zedong. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Vol. V. Beijing, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1977. 640 p.] Available at: <https://disk.yandex.ru/i/9tCCQAijfmpw> (accessed 04.05.2021).
5. *Chinese Economy Post-Mao*. Vol. 1. Policy and Performance. Washington, US Government Printing Office, 1978. XXVI +880 p.

6. *中华人民共和国经济大事记 (1949–1980 年)*. 北京: 中国社会科学出版社, 1984. 681 页 [Major events in the economy of the People's Republic of China (1949–1980). Beijing, China Social Sciences Press, 1984. 681 p.]
7. Хуа Го-фэн. *Довести до конца дело продолжения революции при диктатуре пролетариата. К изучению пятого тома "Избранных произведений Мао Цзэдуна"*. Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1977. 44 с. [Hua Guofeng. *Dovesti do konca delo prodolzheniya revoliutsii pri diktature proletariata. K izucheniyu pyatogo toma "Izbrannykh proizvedeniy Mao Zeduna"*. Beijing, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1977. 44 p.]
8. *中华人民共和国政治史 (1949–2019)*. 北京: 当代中国出版社, 2019. 414 页 [The Political History of the People's Republic of China. (1949–2019). Beijing, Contemporary China Publishing House, 2019. 414 p.]
9. Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. *Информационный бюллетень Агентства Синьхуа*, Пекин, 24.12.1978, сс. 19–37. [Communique of the 3rd Plenary Session of the 11th Central Committee of the CPC. *Xinhua News Agency Bulletin*, Beijing, December 24, 1978, pp. 19–37. (In Russ.)]
10. *Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР*. Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1981. 136 с. [The decision on some issues of the history of the CCP since the formation of the People's Republic of China. Beijing, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1981. 136 p. (In Russ.)]
11. *A Concise History of the People's Republic of China (1949–2019)*. The Institute of Contemporary China Studies. Beijing, Contemporary China Publishing House, 2019. 233 p.
12. 千家驹, 卢祖法主编. *特区经济理论问题论文集*. 北京: 人民出版社, 1984. 178 页 [Qian Jiaju, Lu Zufa, editors-in-chief. *Compendium of Papers on the Economic Theory of the Special Economic Zones*. Beijing, People's Publishing House, 1984. 178 p.]
13. Дэн Сяопин. *Избранное*. Т. II (1975–1982). Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1995. 554 с. [Deng Xiaoping. *Izbrannoe*. T. II (1975–1982) [Selected works. Vol. II (1975–1982)]. Beijing, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1995. 554 с.]
14. *XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы)*. Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1982. 170 с. [XII Congress of the Communist Party of China (documents). Beijing, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1982. 170 p. (In Russ.)]
15. 邓小平. *文选*. 第三卷. 北京: 人民出版社, 2005. 418 页 [Deng Xiaoping. *Selected works*. Vol. 3. Beijing, People's Publishing House, 2005. 418 p. (In Chin.)]
16. 中共中央关于建立社会主义市场经济体制若干问题的决定 (1993年11月14日). *半月谈*, 北京, 1993年, 第 22期, 第4–20页 [Decision of the Central Committee of the Communist Party of China on a number of issues concerning the establishment of a socialist market economy system (November 14, 1993). *Banyuetan*, Beijing, 1993, no. 22, pp. 4–20. (In Chin.)]
17. *The Nanxun Legacy and China's Development in the Post-Deng Era*. John Wong, Zheng Yongnian, eds. Singapore University Press, Singapore, 2001. 312 p.
18. *中国统计摘要-2020*. 北京, 中国统计出版社, 2020. 216 页 [China Statistical Abstract – 2020. Beijing, China Statistics Press, 2020. 216 p. (In Chin.)]
19. *中国对外投资合作发展报告2020*. 中华人民共和国商务部, 2020. 228 页 [Report on Level of China's Outward Investment and Economic Cooperation 2020. Ministry of Commerce of the People's Republic of China, 2020. 228 p. (In Chin.)] Available at: <http://www.gov.cn/xinwen/2021-02/03/5584540/files/924b9a95d0a048daaa8465d56051aca4.pdf> (accessed 04.05.2021).
20. *中华人民共和国经济史 (1949–2019)*. 北京: 当代中国出版社, 2019. 394页. [The Economic History of the People's Republic of China (1949–2019). Beijing, Contemporary China Publishing House, 2019. 394 p. (In Chin.)]
21. 迟福林. *二次开放: 全球化十字路口的中国选择*. 北京: 中国工人出版社, 2017. 378 页 [Chi Fulin. *Second Openness: China's Choice at the Crossroads of Globalization*. Beijing, 2017. 378 p. (In Chin.)]
22. *中国海关统计*. 北京, 2020, 第12期 [China's Customs Statistics. Beijing, 2020, no. 12 (In Chin.)] Available at: <http://www.customs.gov.cn> (accessed 04.05.2021).
23. Ху Аньган. *Путь китайской модернизации (1949–2014). Проблемы Дальнего Востока*, 2015, № 4, сс. 90–109. [Hu Angang. *Put' kitaiskoi modernizatsii (1949–2014)* [The path of Chinese modernization (1949–2014)]. *Far Eastern Affairs*, 2015, no. 4, pp. 90–109.]
24. Мугрузин А.С. *Аграрно-крестьянская проблема Китая в первой половине XX века*. Москва, Наука, Издательская фирма "Восточная литература", 1994. 281 с. [Mugruzin A.S. *Agrarno-krest'yanskaya problema Kitaya v pervoi polovine XX veka* [The agrarian and peasant problem of China in the first half of the XXth century]. Moscow, Nauka, Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura", 1994. 281 p.]
25. *XIII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая*. Москва, Издательство политической литературы, 1988. 176 с. [XIII National Congress of the Communist Party of China. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1988. 176 p. (In Russ.)]
26. Портяков В.Я. *От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века: Очерки*. Москва, ИДВ РАН, 2006. 248 с. [Portyakov V.Ya. *От Jiang Zemin'ya k Hu Jintao: Kitaiskaya Narodnaya Respublika v nachale XXI veka: Ocherki* [From Jiang Zemin to Hu Jintao: The People's Republic of China at the Beginning of the XXIst Century: Essays]. Moscow, IDV RAN, 2006. 248 p.]

27. Кокарев К.А. *Политический режим и модернизация Китая*. Москва, ИДВ РАН, 2004. 320 с. [Kokarev K.A. *Politicheskii režim i modernizatsiya Kitaya* [China's political regime and modernization]. Moscow, IDV RAN, 2004. 320 p.]
28. Кабестан Ж.-П. Сессия ВСНП 10-го созыва и последствия XVI съезда партии в Китае: движение к новому авторитаризму – элитарному и консультативному. *Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М.Л. Титаренко*. Москва, Памятники исторической мысли, 2004, сс. 207-222. [Cabestan J.-P. Sessiya VSNP 10-go sozyuva i posledstviya XVI s'ezda partii v Kitae: dvizhenie k novomu avtoritarizmu – elitarnomu i konsul'tativnomu [The 10th session of the National People's Congress and the consequences of the XVI Party Congress in China: the movement towards a new authoritarianism-elitist and consultative]. *Kitai v dialoge tsivilizatsiy: k 70-letiyu akademika M.L. Titarenko* [China in the Dialogue of Civilizations: to the 70th anniversary of Academician M.L. Titarenko]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2004, pp. 207-222.]
29. Си Цзиньпин. *Всестороннее осуществление управления государством на основе закона*. Пекин, Издательство Бюро переводов ЦК КПК, 2017. 208 с. [Xi Jinping. *Vsestoronnee osushchestvlenie upravleniya gosudarstvom na osnove zakona* [Full implementation of the state governance on the basis of the law]. Beijing, Izdatel'stvo Biuro perevodov TSK KPK, 2017. 208 p.] Available at: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (accessed 04.05.2021).
30. China's core executive: Leadership styles, structures and processes under Xi Jinping. Heilmann S., Stepan M., eds. *MERICCS Papers on China*, Berlin, no. 1, June 2016. 98 p.
31. Xi Jinping. *The Governance of China*. Vol. II. Beijing, Foreign Languages Press, 2017. 620 p.
32. *权威发布：十九大报告全文* [Influential publication: full text of report to the CPC 19th congress.] Available at: https://www.spp.gov.cn/tt/201710/t20171018_202773.shtml (accessed 04.05.2021).
33. Heilmann S., ed. *China's Political System*. Mercator Institute for Chinese Studies, New York – London, Rowman & Littlefield, 2017. 542 p.
34. Pompeo M. *Communist China and the Free World Future*. Available at: <https://mn.usembassy.gov/speech-secretary-pompeo-07-23-2020/> (accessed 04.05.2021).
35. *国家高技术研究发展计划（863计划）* [State program of research and development of high technologies (863).] Available at: <https://baike.baidu.com/item/国家高技术研究发展计划（863计划）/9529335?fr=aladdin> (accessed 04.05.2021).
36. *国家长期科学与技术发展规划纲要（2006 - 2020）* [State long-term program of science and technology development (2006–2020).] Available at: <http://www.most.gov.cn/kjgh/kjghzqc/> (accessed 04.05.2021).
37. *中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要*. *人民日报*, 2021年 03月 13日 [The 14th Five-year Plan for the National Economic and Social Development of the People's Republic of China and the Outline of the 2035 Vision Goal. *Renmin Ribao*, 13.03.2021.] Available at: <http://www.whwips.com/upfile/202103/2021031444338569.pdf> (accessed 04.05.2021).

THE CHINESE COMMUNIST PARTY AND THE POLICY OF FOREIGN ECONOMIC OPENNESS

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 7, pp. 34-44)

Received 16.04.2021.

Vladimir Y. PORTYAKOV (portyakov47@yandex.ru),

Institute of the Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovskii Prosp., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article analyzes the process of growing understanding in China of the need to turn from the primacy of “self-reliance” to the gradual opening of the country, seeing as the development of large-scale diversified economic relations with the outside world. The role of China’s leaders of various periods in this process is shown. It is revealed that the main pillars and “engines” of the policy of foreign economic openness of the People’s Republic of China were the course of modernization of the country and the active struggle against the leftist ideology. Deng Xiaoping played a prominent role in both trials. The main achievements of the People’s Republic of China in the field of foreign economic openness at various stages of the implementation of this policy are briefly shown. In contrast to expectations in the West, the turn to the market and foreign economic openness was not accompanied by political reform and democratization of the country in accordance with the Western model. Beijing often states, that China realizes her own model of consultative democracy which meets national characteristics. Under Xi Jinping, the role of the ruling Communist Party in all spheres of the country’s social and political life has been significantly strengthened, and the promotion of the “Chinese way of development” as a possible model for some developing countries has intensified. In the context of increasing Western pressure on China, Beijing, according to the author, can make some indirect concessions in the foreign economic sphere, but not in the political system. At the same time, China is building up its own development potential for key high technologies.

Keywords: China, foreign economic openness, modernization, fight against leftism, Deng Xiaoping, Xi Jinping, political system reform, national model of democratization.

About author:

Vladimir Y. PORTYAKOV, Doctor of Economics, Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-34-44

ОТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ К ПОИСКУ КИТАЙСКОГО ПУТИ

© 2021 г. О. Борох, А. Ломанов

*БОРОХ Ольга Николаевна, кандидат экономических наук,
Институт Дальнего Востока РАН, РФ, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, 32 (borokh@hotmail.com).*

*ЛОМАНОВ Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (a_lomanov@hotmail.com).*

Статья поступила в редакцию 25.04.2021.

В статье исследована эволюция подходов руководства КПК к советской модели, выявлены доминировавшие в различные периоды акценты в ее понимании и нормативные выводы из критического осмысления опыта СССР. Сделан вывод, что в период реформ Китая благодаря развитию рыночного механизма удалось преодолеть недостатки советской модели централизованной плановой экономики, тогда как в политической сфере советские уроки сохраняют актуальность и служат обоснованием курса на укрепление сплоченности правящей партии.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая, советский опыт, Мао Цзэдун, экономические реформы, Дэн Сяопин, государственное управление, Си Цзиньпин.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-45-55

Долгосрочный устойчивый рост экономики современного Китая привлекает внимание исследователей к обсуждению истоков и особенностей китайского пути развития. Этот путь отличается как от старой советской модели, так и от западных стандартов либеральной экономики. Хотя достижения КНР были замечены внешним миром лишь в годы реформ, траектория нынешнего китайского пути восходит к середине XX в. Именно тогда начался процесс критического переосмысления заимствованной у СССР системы централизованной плановой экономики.

СОВЕТСКОЕ ЗЕРКАЛО

Исходная особенность китайского подхода к советской модели обусловлена тем, что стремление повторить достижения революционного соседа было самостоятельным осознанным выбором. Создатель Китайской республики Сунь Ятсен и лидер коммунистов Мао Цзэдун сходным образом считали советскую Россию “учителем” своей страны. После образования КНР в китайском обществе повсеместно распространился лозунг “СССР сегодня — это наше завтра”.

Первое целенаправленное усилие по критическому пересмотру советской модели китайское руководство предприняло весной 1956 г. под влиянием XX съезда КПСС. В марте Мао Цзэдун заявил соратникам, что доклад Хрущева “открыл крышку” и показал, что методы Сталина и СССР не свободны от ошибок. Поэтому компартии в разных странах обязаны действовать в соответствии

с собственной обстановкой, они не должны больше заблуждаться [1, p. 6].

Прозвучавшая в СССР критика Сталина дала повод задуматься о применимости в Китае советского опыта в целом. 24 марта 1956 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК Мао Цзэдун призвал строить социализм в соответствии с практикой Китая, а не по советской формуле. Он использовал образ из классического романа “Путешествие на Запад”, где монах Сюань-цзан с помощью заклятия сжимал железный обруч на голове царя обезьян Сунь Укуна, заставляя его повиноваться. Мао Цзэдун сказал, что Хрущев разбил “заклятие” и теперь Китай сможет разрабатывать политику самостоятельно, исходя из собственных потребностей [1, p. 15].

Китайское руководство захотело обозначить собственный путь развития и продемонстрировать его отличия от советской модели. 4 апреля 1956 г. Мао Цзэдун предложил подумать, нужно ли в экономическом развитии продолжать опираться на советский “костыль”, порекомендовав ограничить его использование в КНР во второй пятилетке (1958–1962) [2, p. 557]. Не отвергая возможности учебы у СССР, он посоветовал отказаться от полного заимствования советского опыта и увеличить в новой пятилетке вложения в легкую промышленность.

25 апреля 1956 г. Мао Цзэдун выступил на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК с речью “О десяти важнейших взаимоотношениях”, обозначившей кардинальный поворот в воспри-

ятии советской модели. Он подчеркнул, что Китай и прежде принимал во внимание уроки советского опыта, что позволило сократить движение по “окольному пути”. Теперь в опыте СССР следует видеть предостережение [3, р. 267]. Используемое Мао Цзэдуном сочетание “извлекать урок” 鑒于 содержит иероглиф 鑒, с древности обозначающий бронзовое зеркало. Из этой формулировки вырос политический лозунг “брать СССР в качестве зеркала”.

Китайский лидер указал, что в СССР и Восточной Европе поставили на первое место тяжелую промышленность, пренебрегая легкой промышленностью и сельским хозяйством. Это привело к дефициту товаров и нестабильности цен, тогда как в Китае товаров народного потребления много, цены устойчивые. Мао Цзэдун призвал способствовать развитию в Китае сельского хозяйства и легкой промышленности, способных удовлетворять потребности людей. В перспективе этот путь позволит развивать тяжелую индустрию лучше и быстрее, чем в рамках следования советской модели. Рассуждения о необходимости снизить китайские военные расходы также выглядели как косвенный упрек в адрес СССР.

Мао Цзэдун критиковал СССР за то, что у крестьян принудительно забирают слишком много продукции по очень низким ценам. “Их способ накопления чрезмерно подрывает производственную активность крестьян, — заявил он. — Они хотят, чтобы куры больше неслись, и не кормят их зерном, хотят, чтобы лошади хорошо бегали, и не дают им сена. В мире еще надо поискать такую логику!” [3, р. 274]. Он подчеркнул, что Китай сокращает “ножницы” цен, осуществляет эквивалентный или почти эквивалентный обмен, поэтому централизованные закупки сельскохозяйственной продукции не приносят крестьянам убытков, промышленные товары им продают исходя из принципа расширения сбыта с малой прибылью.

С учетом советского опыта Китаю необходимо дать больше самостоятельности промышленным предприятиям, устранить сковывающую местные органы управления чрезмерную централизацию. Мао Цзэдун отметил, что в СССР сложились “весьма ненормальные отношения” между русскими и нацменьшинствами [3, р. 278], из чего КНР также необходимо извлечь уроки. В качестве преимущества своей страны перед СССР он указал на сохранение демократических партий: в них состоят представители национальной буржуазии и интеллигенции, им позволено высказывать свое мнение. Китайский лидер призвал меньше арестовывать и казнить контрреволюционеров. К совершившим ошибки членам партии следует относиться доброжелательно, помогать исправиться и давать воз-

можность продолжать участвовать в революции. Прежнюю жесткость он объяснил тем, что “догматики” внутри КПК переняли эту отрицательную сторону у Сталина [3, р. 283].

Руководство СССР в 1956 г. стремилось исправить перекосы в экономике. Советское посольство в КНР ознакомилось с речью Мао Цзэдуна “О десяти важнейших взаимоотношениях” и сделало вывод, что основные направления изложенной политики, включая повышение благосостояния людей и развитие демократического стиля работы, тесно связаны с решениями XX съезда КПСС [4, р. 164]. Советские исследователи характеризовали период подготовки к VIII съезду КПК как время триумфа марксистской линии над “националистическим курсом” Мао Цзэдуна. Считалось, что китайский партсъезд прошел “под благотворным влиянием XX съезда КПСС”, что выразилось в подчеркивании принципа коллективного руководства и борьбе против культа личности Мао [5, с. 53].

Однако именно в речи “О десяти важнейших взаимоотношениях” Мао Цзэдун провозгласил, что Китай принципиально отличается от СССР. Разница в том, что в соседней стране был “империализм царской России”, а после него произошла Октябрьская революция. “Поэтому, — по его словам, — многие советские люди очень зазнались, высоко задрали хвост” [3, р. 287]. Китайцы, напротив, должны вести себя скромно и осмотрительно.

Полный текст выступления был опубликован в китайской печати лишь в декабре 1976 г. после смерти Мао Цзэдуна. Его содержание резко контрастировало с китайской политикой 1960–1970-х годов, в которой не было ни заботы о народном потреблении, ни снисходительности к “классовым врагам”. Однако в течение полугода с марта по сентябрь 1956 г., когда состоялся VIII съезд КПК, в Китае действительно доминировали идеи приоритета экономического развития и неприятия советской централизации.

Идею использования советского опыта в качестве предостережения китайский лидер поднимал в беседах с иностранцами. В июне 1956 г. он посоветовал послу Румынии не заблуждаться, полагая, что в социалистических странах все хорошо. Раньше считали, что в СССР нет ошибок. Но вот появился вызвавший большое удивление вопрос о Сталине, который, несмотря на все заслуги, совершил большую ошибку, связанную с репрессиями [2, р. 589].

В сентябре на встрече с британскими коммунистами Мао Цзэдун пояснил, что Сталин совершил ошибку потому, что “остался в эпохе старого общества”. Тем временем через семь лет после образования КНР контрреволюционеров уже немного, функций диктатуры осталось “не более 10 процен-

тов”. В интересах развития производительных сил нужно добиваться того, чтобы среди населения, внутри КПК и демократических партий не было паники [2, р. 633].

В ноябре 1956 г. Мао Цзэдун сообщил, что КПК говорит советским товарищам о поддержке их “девятью пальцами из десяти”, поскольку “в одном пальце у нас есть противоречие”. Оба государства социалистические, но это разные нации, их дела также не во всем совпадают. Это касается политики кооперирования сельского хозяйства, пропорции между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью, отношения к буржуазии [6, р. 33].

В начале декабря Мао Цзэдун пояснил, что свободный рынок в Китае остается в основном капиталистическим, хотя капиталистов в стране больше нет. Это новая экономическая политика, которая закончилась в СССР слишком рано. Материальных ресурсов в обществе мало, и, если госпредприятия не справляются, а сырье имеется, к производству можно привлекать частных. Таким образом “можно и уничтожить капитализм, и заниматься капитализмом” [6, р. 47].

Идеи включения механизма рынка в плановую систему, допущения экономики негосударственной собственности были востребованы в Китае лишь через два десятилетия. Содержание выступлений Мао Цзэдуна 1956 г. вызывает большой интерес у современных исследователей. В них обнаруживают ростки теории и практики социализма с китайской спецификой, признание многообразия моделей социализма. Ученые подчеркивают, что у первого поколения руководства КПК были собственные подходы к развитию страны, которые охватывали экономику, политику, идеологию и культуру [7, pp. 90-91].

Критика советской модели опиралась на опыт первой китайской пятилетки, в ходе которой дали о себе знать диспропорции между отраслями экономики, перекося в сторону военных расходов, проблемы в сельском хозяйстве, недостаточная активность на местах в результате ограничения экономической самостоятельности. Мао Цзэдун отнес эти трудности к воздействию советской модели, выступив с призывом к выявлению достоинств и недостатков опыта СССР. “На основе широких обследований и углубленного изучения КПК начала с экономической сферы, стала вести поиск пути социализма китайского типа” [7, р. 90].

Современные китайские авторы видят в этих идеях воплощение “второго соединения” марксизма с практикой и спецификой КНР, о чем Мао Цзэдун заявил в преддверии VIII съезда КПК. “Первое соединение” иностранной теории с китайской практикой было достигнуто во время революции. “Второе соединение” было нацелено на поиск соб-

ственного пути строительства социализма. Речь “О десяти важнейших взаимоотношениях” ныне называют “открывающей” работой “второго соединения”, которая ознаменовала начало поиска коммунистами Китая собственного пути [8, р. 18].

В начале 1957 г. Мао Цзэдун утверждал, что советской привычке “высушивать пруд, чтобы выловить рыбку” КПК противопоставила в экономике курс на повышение народного благосостояния при одновременном развитии тяжелой промышленности. В сфере культуры китайской альтернативой советскому командному стилю стала политика “ста цветов”. Противоречия внутри общества и внутри КПК следовало решать с помощью критики и самокритики, а не жесткими сталинскими методами [6, р. 65].

На деле эти благоприятные для Китая сопоставления относились к уходящему прошлому, а не к ближайшему будущему. В 1956 г. завершился начавшийся в 1949 г. с образованием КНР переходный период. Ему были присущи многообразие форм собственности, постепенность преобразований капиталистического предпринимательства, готовность корректировать цели ради минимизации издержек перехода. Власти стремились учесть интересы разных социальных групп, чтобы избежать нестабильности в обществе. По мнению китайских ученых, в тот период в Китае по сравнению с СССР была более сбалансированная экономическая структура, удавалось совмещать централизацию с делегированием полномочий, задействовать активность экономических субъектов на микроуровне [9, pp. 395-399].

В середине 1957 г. китайская политика повернулась от экономического строительства к классово-вой борьбе. На смену свободным дискуссиям в духе “ста цветов” пришла борьба против “правых элементов”. В сентябре 3-й пленум ЦК КПК 8-го созыва заявил, что главное противоречие китайского общества – это противоречие между пролетариатом и буржуазией, между путем социализма и путем капитализма.

Курс на избирательное изучение иностранных достижений, включая советский опыт, сохранился. Однако на первый план вместо повышения качества жизни людей вышла задача ускорения экономического развития, из которой выросла идея “большого скачка”. Мао Цзэдун уделял все больше внимания национальному достоинству и самоуважению. Начиная с работы “О десяти важнейших взаимоотношениях” он не раз отождествлял преклонение перед советским опытом с подобострастным духом Цзя Гуя – персонажа китайской оперы “Монастырь Фамэньсы”, отказавшегося присесть для беседы с важным чиновником со словами: “Раб привык стоять, не хочет садиться” [3, р. 287; 2, р. 563].

Китайские исследователи подчеркивают, что призыв Мао Цзэдуна извлечь уроки из недостатков СССР не вышел за рамки следования советской модели. Критика в адрес Сталина помогла руководству КПК задуматься об иных вариантах осуществления индустриализации, о более мягких методах решения противоречий внутри общества, о расширении пространства для дискуссий в русле политики “ста цветов”. Однако быстрый переход КПК к критике “хрущевского ревизионизма” привел к существенной смене акцентов в интерпретации советских ошибок: к ним были причислены отказ от классовой борьбы, стремление наладить мирные отношения с Западом. Вместе с тем в этой политике была внутренняя преемственность. “Независимо от того, было ли это предостережение со стороны сталинской модели или хрущевского ревизионизма, все было направлено на изъяны и недостатки, присущие советской модели социализма” [10, р. 18].

Поиск “второго соединения” марксизма с китайской спецификой продолжился, но его направление стало переменчивым и неопределенным. Позитивные идеи, полученные из осмысления советской модели сталинского образца, были позабыты. Разрушительные последствия “большого скачка” заставили китайское руководство в начале 1960-х годов на время вернуться к взвешенной политике и задуматься о важности объективных экономических законов. Но в 1966 г. разразилась “культурная революция”, нацеленная на предотвращение возникновения в Китае “ревизионизма” советского образца. Преодолеть недостатки советской модели внутри парадигмы классовой борьбы и плановой экономики оказалось невозможно.

ДОГНАТЬ ЭПОХУ

Политика Дэн Сяопина стала отрицанием завершившейся в 1976 г. “культурной революции”, однако современные китайские исследователи не склонны трактовать ее как полную противоположность курса Мао Цзэдуна. Акцент на исторической преемственности стал господствующим после указания Си Цзиньпина о “недопустимости двух отрицаний”. В январе 2013 г. он заявил, что нельзя использовать историю реформ для отрицания до-реформенного периода, также недопустимо с опорой на историю КНР до начала реформ отвергать период реформ [11].

Тема критического переосмысления советской модели и поисков китайского пути развития создает удобную возможность подчеркнуть преемственность двух лидеров. Предвестие реформ Дэн Сяопина обнаруживают в здравых рассуждениях Мао Цзэдуна, который в середине 1950-х поставил важные вопросы, но ответа на них не нашел. Задачу

сумел решить Дэн Сяопин, продолживший поиски основателя КНР. Современные авторы полагают, что Мао Цзэдун оставил для реформ 1970-х годов “гибкое институциональное пространство”, в котором механизм функционирования госпредприятий, модель хозяйствования в деревне, отраслевая структура экономики отличались от советского образца. “Бунт” Мао Цзэдуна против советской модели стал источником легитимности для реформаторского переосмысления старой экономической системы и выбора нового пути развития в соответствии с национальной спецификой. Мао Цзэдун настаивал, что Китай имеет право выбирать свою модель развития. Это позволило избежать разрушительного воздействия советской плановой системы. Дэн Сяопин отстаивал право выбора субъектов на микроуровне. В результате удалось поднять активность экономических субъектов и проложить путь для эффективных реформ [9, р. 399].

Подходы двух лидеров к проблемам управления и развития различались, но были совместимы. Мао Цзэдун впитал из китайской традиции стратегию постепенности и срединности, через Ленина он усвоил немецкую диалектику. Это направление является для Мао Цзэдуна определяющим, лишь с конца 1950-х годов его политика отклонилась от “правильного экономического пути” и принесла негативные последствия. Дэн Сяопин подвергся влиянию британского эмпиризма и французского либерализма, из китайской мысли он воспринял даосские идеи следования природе и переходе от “недеяния” к действию. Китайские исследователи призывают видеть “внутреннюю связь постепенных реформ Дэн Сяопина и постепенного перехода Мао Цзэдуна” [9, р. 401].

Общим знаменателем стал поиск собственного китайского пути развития. Мао Цзэдун не преклонялся перед советской моделью, а Дэн Сяопин — перед западной. Это позволило Китаю избежать “взрывных” преобразований, как в Советском Союзе, и полного отрицания старой системы, что позволило сократить издержки реформ. Дэн Сяопин унаследовал восприятие опыта СССР в качестве “предостережения”, поэтому исправление в годы реформ ошибок, совершенных Мао Цзэдуном в 1960–1970-е годы, не вернуло Китай в колею советской модели. Идея собственного пути развития вышла за рамки критики советского опыта и неприятия его переноса на китайскую почву, из нее выросла теоретическая концепция социализма с китайской спецификой.

Китайские авторы подчеркивают, что выдвижение Мао Цзэдуном лозунга “брать СССР как зеркало” стало “историческим и логическим исходным пунктом поиска пути социализма с ки-

тайской спецификой” [7, р. 93]. Дэн Сяопин полагал, что в конце жизни Мао Цзэдуна трудности в развитии Китая возникли не из-за отступления от советской модели, а по причине неспособности до конца избавиться от присущих ей недостатков. Проблемы советской модели в Китае заметили задолго до начала реформ, но справиться с ними не смогли и угодили в ее “оковы” [7, р. 92].

Постоянные призывы Дэн Сяопина четко разоблачили в том, что такое социализм в конкретных условиях Китая, были нацелены на установление приоритетов развития. Классовая борьба среди актуальных проблем больше не фигурировала. В период реформ на первый план вышли задачи экономического роста и развития производительных сил, что способствовало формированию новых концепций соединения плана и рынка, строительства “социалистической рыночной экономики”.

Контекст критики советской модели в конце 1970-х существенно изменился по сравнению с серединой 1950-х. Мао Цзэдун не ставил под сомнение могущество СССР на фоне отсталости Китая, он лишь указывал на несоответствие советской модели китайским условиям. Дэн Сяопин исходил из того, что советская модель полностью отстала от времени, что делало бессмысленными усилия по ее совершенствованию. В 1977 г. он говорил, что со времен Сталина советский метод мышления стал “метафизическим”: там считали, что все советское – самое лучшее, хотя на деле во многом это было не так. СССР “сам себя закрыл”, мысль окостенела, возникло препятствие для развития науки и техники, “они отстали” [12, р. 235]. В сентябре 1978 г. он отметил, что китайская государственная система в основном получена в результате учебы у СССР: “людей больше чем дел”, органы управления дублируются, царит бюрократизм, так было и до “культурной революции”. Такая система не соответствует запросам модернизации, надстройка не отвечает новым требованиям [12, р. 376].

Новым фоном для критики советской модели стал курс на расширение сотрудничества с Западом. В ноябре 1979 г. на встрече с Дэн Сяопином американский издатель Ф. Гибни признал, что США совершили ошибку, приняв китайский социализм за копию советского. Он поинтересовался, было ли подобное смешение в Китае и как соотносится заимствование советского пути с поиском китайского пути. Дэн Сяопин ответил, что два пути не совпадали с самого начала, особенности были со времени создания КНР. “Социалистическое преобразование капиталистов” с помощью выкупа вместо конфискации прошло в Китае гладко и не повлияло на экономику. Мао Цзэдун требовал обеспечить сочетание централизма с демократией, дисциплины со свободой, единой воли

со спокойствием индивидов, эта “бодрая и оживленная политическая обстановка также отличалась от советской”. Больше всего трудностей породило заимствование советской экономической модели. “У нас есть отдельные экономические институты, в особенности это касается управления и организации предприятий, где советское влияние сравнительно велико, – отмечал Дэн Сяопин. – В этих областях наш социализм должен перенимать у капиталистических стран передовые методы хозяйствования, управления, развития науки. В этих сферах реформирование встретит еще немало затруднений” [13, р. 235].

Экономика СССР вошла в период “застоя”, и это также снижало интерес китайских реформаторов к советской модели. В январе 1980 г. Дэн Сяопин заявил, что “социалистический строй нельзя отождествлять с конкретными методами строительства социализма”. “СССР, начиная с Октябрьской революции 1917 г., строит социализм уже 63 года, но в том, как строить социализм, ему тоже нечем похвастаться” [13, р. 250]. Он отметил, что главными подтверждениями преимуществ социализма в Китае должны стать темпы и эффективность экономического развития.

В 1982 г. на открытии XII съезда КПК Дэн Сяопин указал, что модернизация и строительство должны исходить из китайской практики. Изучать зарубежный опыт необходимо, однако копирование опыта и моделей развития других стран не принесет успеха. В этой области Китай извлек немало уроков, главным выводом стало решение следовать своим путем и строить социализм с китайской спецификой.

Вслед за Мао Цзэдуном Дэн Сяопин считал военные расходы СССР чрезмерной обузой и препятствием для экономического развития. Рассказывая в октябре 1984 г. о планах наращивания объема китайской экономики, он заметил: “Говорят, что СССР тратит на оборону 20% ВВП, вот почему они не могут подняться – потому что бремя слишком тяжелое” [14, р. 88]. Китайский лидер стремился использовать благоприятную международную обстановку, чтобы направить ограниченные ресурсы на поддержку науки и образования, повышение уровня благосостояния людей.

Успешное развитие реформ придало китайскому руководству уверенности в том, что правильный путь уже найден. В августе 1985 г. в беседе с премьер-министром Зимбабве Р. Мугабе Дэн Сяопин заметил: “В итоге, что такое социализм? Советский Союз занимался этим много лет, и также не разобрался до конца. Возможно, ход мысли Ленина был сравнительно хорош, он осуществлял новую экономическую политику. Но потом советская модель закостенела” [14, р. 139]. Примечательным

штрихом стал вопрос Дэн Сяопина к Мугабе о том, знаком ли тот с собранием его работ “Строительство социализма с китайской спецификой”, куда вошла речь на открытии XII съезда КПК. Он рекомендовал гостю изучать, но не копировать китайский опыт соединения марксизма с национальной практикой, обратив особое внимание на неудачи, обусловленные левацкими настроениями и поспешностью в строительстве социализма.

Китай адресовал свой новый успешный опыт не только Третьему миру, но и социалистическим странам Восточной Европы. В сентябре 1986 г. на встрече с польским партийно-государственным лидером В. Ярузельским Дэн Сяопин подчеркнул, что реформа политической системы КНР нацелена на развитие производительных сил общества. “Политические системы обеих наших стран пришли из советской модели. Представляется, что в СССР эта модель также оказалась не очень удачной. Но даже при стопроцентном успехе в СССР смогла бы она соответствовать реальной ситуации Китая? Смогла бы она соответствовать реальной ситуации Польши? В каждой стране реальная ситуация разная. Мы сейчас выдвинули реформу политической системы, приняв решение исходя из реальной ситуации нашей страны” [14, р. 178].

В мае 1988 г. в беседе с президентом Мозамбика Ж. Чиссано Дэн Сяопин призвал самостоятельно разобраться в том, что такое социализм, учитывая свои особенности. “Мы в прошлом копировали советскую модель строительства социализма, и это принесло много проблем. Мы их давно обнаружили, но решить не смогли. Мы должны решить этот вопрос сейчас, нам нужно строить социализм с собственной китайской спецификой” [14, р. 261].

Встреча с М. Горбачевым в мае 1989 г. позволила Дэн Сяопину поставить точку в давнем политическом споре. Китайский лидер заявил последнему генеральному секретарю ЦК КПСС, что в ходе продлившейся два десятилетия полемики между двумя партиями о понимании марксизма и социализма обе стороны “сказали много пустых слов”. Он поведал Горбачеву, что Ленин и Мао Цзэдун были великими деятелями, поскольку изучали ситуацию в своих странах не по книгам и находили собственные решения. “Маркс мог предвидеть, что в отсталой России произойдет Октябрьская революция? Ленин мог предвидеть, что Китай сможет победить, используя окружение города деревней? Это относится и к революции, и к строительству. После успеха революции все страны должны строить социализм на основе собственных условий. Установленной модели нет и быть не может. Приверженность старым шаблонам может привести лишь к отставанию и даже к провалу” [14, р. 292].

Дэн Сяопину удалось решить проблему “советского предостережения” в области экономической

системы. Китай отказался от высокой степени централизации и жесткого планирования. План и рынок превратились в не связанные с социализмом или капитализмом инструменты развития производительных сил.

При Цзян Цзэмине, занимавшем пост Генерального секретаря ЦК КПК с 1989 по 2002 г., XIV съезд КПК провозгласил в 1992 г. целью реформы создание “системы социалистической рыночной экономики”, окончательно закрепив разрыв с советской плановой моделью. Цзян Цзэминь подчеркивал, что путь к этому решению был трудным, признав историческую необходимость заимствования советской модели в 1950-е годы. “Нам надо было срочно организовать экономическое строительство и быстро восстановить разрушенную длительной войной экономику. Сначала мы полностью изучали советскую плановую экономическую систему. В условиях того времени мы использовали эту систему, чтобы быстро развить экономику нашей страны и комплексно создать промышленную базу” [15, р. 288].

В китайском осмыслении советских уроков все более заметное место занимала тема устойчивости партийной власти. В декабре 2000 г. Цзян Цзэминь со ссылкой на примеры из истории Китая напомнил, что многие династии прошли путь от “обретения сердца народа” и расцвета до “утраты сердца народа” и упадка. Среди прецедентов потери народной поддержки были упомянуты изменения в Восточной Европе, распад СССР, поражение партии Гоминьдан на материке с последующей утратой власти на Тайване. Причин у этих событий было много, одна из важнейших заключалась в том, что “людские сердца” отвернулись от власти. “К этим примерам из истории и реальности следует относиться как к ясному зеркалу!” [16, pp. 186-187].

Проблема отчуждения народа от власти, утрата идеологических ориентиров, неспособность политической партии отстоять свое существование в момент кризиса вышли на первый план в осмыслении недостатков советской модели. “Когда было объявлено о роспуске КПСС, большинство членов партии не поднялись против этого, в результате большая партия с более чем 80-летней историей развалилась в одно мгновение. Этот урок заставляет задуматься!” — отметил в январе 2002 г. на заседании Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины Цзян Цзэминь [16, р. 423].

Ху Цзиньгао, преемник Цзян Цзэмина, в выступлении по поводу 30-летия политики реформ в декабре 2008 г. предложил новую запоминающуюся формулировку. Заявив о необходимости высоко держать знамя китайского социализма, он подчеркнул, что “нельзя следовать по старому пути закрытости и окостенения, также нельзя следовать

по еретическому пути смены знамени” [17, р. 159]. Не называя соседнюю страну по имени, эти слова указывали как на недопустимость возвращения Китая к былой закрытости и сталинской модели, так и на неприемлемость отказа от социализма и партийного руководства по примеру позднего СССР.

В торжественной речи Ху Цзиньтао в честь 90-летия КПК в 2011 г. упоминаний о советском влиянии не было. Поскольку китайские революционеры и реформаторы конца XIX – начала XX в. раз за разом терпели поражение, появление КПК стало “неизбежным результатом исторического развития Китая в новое и новейшее время, неизбежным порождением упорных поисков китайского народа в борьбе за спасение страны от гибели” [17, р. 522]. Могло показаться, что проблемы воздействия на Китай русской революции 1917 г. и заимствования в середине XX в. советской модели утратили для КПК былую остроту.

ИДЕАЛЫ И УБЕЖДЕНИЯ

Советская тема вернулась в политику и идеологию вместе с приходом в ноябре 2012 г. Си Цзиньпина на пост генерального секретаря ЦК КПК. Западные СМИ сообщали, что он выступил с эмоциональными призывами не повторять судьбу КПСС во время инспекционной поездки в Гуанчжоу в декабре 2012 г. Цитаты из этого выступления без указания источника вскоре появились в научной периодике. По поводу августовского путча 1991 г. китайский лидер заметил: «Ельцин на танке выступил с речью, армия осталась равнодушной, сохранив так называемую “нейтральность”. В итоге Горбачев одним тихим словом объявил о роспуске КПСС, большой партии не стало. По доле членов партии КПСС нас превосходила, однако не нашлось ни одного настоящего мужчины, ни один человек не сопротивлялся» [цит. по: 18, р. 128].

В январе 2013 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что трактовка истории КПК и КНР является важным политическим вопросом. Враждебные силы стараются ее исказить, чтобы свергнуть руководство партии и социалистический строй: “СССР почему распался? КПСС почему рухнула? Важной причиной была острая борьба в сфере идеологии. Полностью отрицали историю СССР, историю КПСС, отрицали Ленина, отрицали Сталина, занимались историческим нигилизмом, в идеях наступил беспорядок, партийные организации всех уровней не играли почти никакой роли, армия не находилась под руководством партии. В конце концов большая партия КПСС рассеялась как стая птиц и зверей, большая социалистическая страна СССР распалась на части. Это урок из неудачи предшественника!” [11].

Сюжеты из 1956 г. вернулись в современный Китай. Формулировка “урок из неудачи предшественника” содержит иероглиф “цзянь” (зеркало), отсылающий к призыву Мао Цзэдуна брать Советский Союз в качестве “зеркала”. Слова об “отрицании Ленина и Сталина” напоминают о выступлении Мао Цзэдуна в ноябре 1956 г. на 2-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва. Тогда он заявил, что после XX съезда руководство КПСС полностью отвергло Сталина и “во многом” Ленина с его теорией революционного захвата власти. Будто обращаясь к Хрущеву, Мао Цзэдун сказал: “Сколько у тебя капитала? Только один Ленин и один Сталин. Ты отбросил Сталина и почти целиком отбросил Ленина, сделал его безногим, либо оставил только одну голову, либо отрубил Ленину одну руку” [3, р. 323].

В январе 2018 г. Си Цзиньпин вернулся к теме гибели КПСС, отметив, что КПК – это “большая партия”, управлять которой непросто. Марксистская партия собирается вместе не ради выгод, а из-за общих убеждений, поэтому ее строительство обязательно начинается с идеалов и убеждений. “Я часто говорю, если основа непрочная, то земля трясется и горы качаются. Когда убеждения непрочные, тоже будут трястись земля и качаться горы. В том, что СССР распался, КПСС рухнула, в Восточной Европе произошли изменения, разве не такая же логика? Когда в КПСС было 200 тысяч членов, она взяла политическую власть, когда в ней было 2 миллиона, она разбила Гитлера, когда в ней стало 20 миллионов, она потеряла политическую власть. Я говорил, что во время потрясений тогда не нашлось ни одного настоящего мужчины, ни один человек не сопротивлялся. Какова причина? Идеалы и убеждения исчезли без остатка” [19].

Си Цзиньпин утверждал, что под лозунгами демократизации и гласности КПСС отказалась от принципа демократического централизма, позволила членам партии открыто высказывать отличные от решений организации мнения. Некоторые члены партии отрицали историю КПСС и ее роль как авангарда социализма, стали рупором для пропаганды буржуазной идеологии. Внутри КПСС от хаоса в идеях перешли к хаосу в организации [цит. по: 8, р. 22].

В русле борьбы с “историческим нигилизмом” Си Цзиньпин смягчил оценку советской модели, признав ее былые заслуги. “Сформировавшаяся советская модель в особых исторических условиях сыграла важную роль в укреплении советской социалистической системы, способствовала быстрому развитию советской экономики и жизни общества в целом. Также она сыграла важную роль в одержанной советской армией и народом победе над фашизмом” [цит. по: 18, р. 127]. Это был недвусмысленный сигнал, что полное отрицание

советской модели и ее приравнивание к ошибочной “сталинской модели” более не приветствуются. Си Цзиньпин подчеркнул, что оценка практики советского социализма является для Китая не только научной проблемой, но вопросом судьбы коммунистической партии и социалистического государства.

Развивая требование не противопоставлять друг другу эпоху правления Мао Цзэдуна и период реформ, Си Цзиньпин заявил, что, если бы КПК не приступила к преобразованиям, Китай, скорее всего, столкнулся бы с серьезными трудностями, которые могли “привести к кризису гибели партии и гибели государства наподобие СССР и стран Восточной Европы”. С другой стороны, если бы Китай в ходе революции и социалистического строительства не накопил важные идеи, материальные ресурсы, институциональные предпосылки, позитивный и негативный опыт, “реформам и открытости было бы очень трудно успешно продвигаться вперед” [11]. Иными словами, несколько десятилетий развития Китая в рамках советской модели были конструктивным этапом, отрицать историческую важность которого недопустимо.

Китайские авторы полагают, что Си Цзиньпин окончательно решил вопрос “СССР как предостережения” с точки зрения системы государственного управления [20, р. 120]. В 2013 г. он отметил, что у Китая еще остаются сходные места с бывшим СССР. “Если будем действовать хорошо, то сможем выйти в яркий солнечный день, если нет – то вчерашний день СССР станет нашим завтрашним днем” [цит. по: 21, р. 16]. Оптимистичный лозунг 1950-х годов превратился ныне в грозное предупреждение о возможности повторить судьбу распавшегося государства. Китайский лидер неоднократно предостерегал, что расширение масштабов коррупции способно привести к гибели партии и государства в том случае, если власть “утратит сердца людей”.

При Си Цзиньпине переосмысление советской модели происходило в сферах контроля над полномочиями властей, институционализации прав, всеобъемлющей борьбы с коррупцией, которой должны бояться как мелкие “мухи”, так и высокопоставленные “тигры”, модернизации системы управления. Поиск ответов на эти вопросы, с точки зрения китайских ученых, стал подлинным переходом от восприятия “России как учителя” и “СССР как зеркала” к полномасштабному продвижению по собственному пути [20, р. 120]. Среди основных направлений переосмысления советской модели в годы правления Си Цзиньпина китайские авторы выделяют выявление неполноты понимания того, как нужно управлять социалистическим обществом, как обуздать коррупцию, как не допустить

отчуждения людей от власти, как сохранить идеалы и веру в коммунизм [22, р. 7, 8].

В ноябре 2013 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва Си Цзиньпин отметил, что прежде вопрос о том, как управлять новым социалистическим обществом, не нашел практического решения внутри мирового социализма. Принципы Маркса и Энгельса были прогностическими, Ленин быстро умер и не успел провести глубокие поиски в этом направлении. СССР накопил практический опыт, но допустил серьезные ошибки и не нашел решения проблемы [23, р. 91].

Суждения Си Цзиньпина о необходимости следовать китайской практике, избегая копирования чужих моделей, наследовали идеи Дэн Сяопина 1980-х годов. В декабре 2012 г. на коллективной учебе Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин сказал, что о реформе и открытости, развитии социалистической рыночной экономики “наши предки не говорили”, “другие социалистические страны этого не делали”, указывая тем самым, что советская модель не смогла приблизиться к проведению полномасштабных рыночных реформ [24, р. 34]. Китайский лидер подчеркнул, что социализм с китайской спецификой – это не “переиздание” практики других социалистических государств и не повторение зарубежных вариантов модернизации [25]. На праздновании юбилея Маркса он заявил, что у социализма нет неизменного пути. Превратить замысел в реальность можно, лишь соединив принципы научного социализма с конкретной практикой страны, историческими и культурными традициями, требованиями эпохи [26]. Если копировать чужие институты и модели, не учитывая ситуацию в своей стране, тогда, “рисуя тигра, получишь подобие собаки” [24, р. 21]. Ни один практический вопрос в этом случае не будет решен, а несоответствие национальным условиям способно породить серьезные последствия.

На период правления Си Цзиньпина выпал столетний юбилей русской революции 1917 г. Официальную точку зрения на это событие в сентябре 2017 г. представил Лю Цibaо, в то время – член Политбюро и глава отдела пропаганды ЦК КПК. Он рекомендовал обсудить “великий смысл и глубокое влияние” Октябрьской революции, “почерпнуть из истории мудрость и силу”. По его словам, русская революция “открыла небывалую в мировой истории новую модель модернизации”, благодаря которой СССР из “государства мелких крестьян” быстро превратился в мировую индустриальную державу. “Эпохальные исторические заслуги Октябрьской революции и достигнутые в прошлом огромные успехи советского социалистического строя вовсе не отменяются из-за распада СССР. Было много причин, почему советский социали-

стический строй не смог удержаться, включая консерватизм и окостенение, однако коренной причиной был поворот спиной к марксизму-ленинизму и социалистическому пути, открытому Октябрьской революцией” [27].

Лю Цибao напомнил, что именно благодаря русской революции в Китае узнали о марксизме-ленинизме и осознали, что единственной возможностью решить китайские проблемы является путь социализма. Он процитировал работу Мао Цзэдуна “О демократической диктатуре народа” 1949 г.: “Идти по пути русских – вывод был таков” [28, р. 1408].

Углубление исторического акцента в обобщении продвижения КПК от осмысления советской модели к разработке собственного пути заставило вспомнить об исходной точке этого процесса, в которой советская Россия играла роль “учителя”. Показательно, что после долгих поисков китайскими интеллектуалами обновленного прочтения марксизма в контексте современной западной мысли и социал-демократических идей подарком КПК к юбилею русской революции стала публикация второго дополненного китайского издания полного собрания сочинений Ленина. На фоне противодействия “историческому нигилизму” позитивная трактовка Октябрьской революции 1917 г. остается для КПК краеугольным камнем обоснования собственной политической легитимности. Тезис о безальтернативном характере выбора марксизма-ленинизма в качестве руководящей идеи развития Китая является ныне столь же бесспорным, как и в середине XX в.

* * *

Китайская трактовка современной актуальности призыва “брат Советский Союз в качестве зеркала” подчеркивает развитие собственной теории социализма с китайской спецификой. Невозможно судить о ее состоятельности лишь на основании степени отдаленности от советской модели. Осмысление недостатков этой модели китайскими руководителями XX в. было неизбежным, однако задача рассмотрения чужого опыта как “зеркала” намного шире. Главной была не критика СССР, а способность объективно оценивать иностранную практику модернизации и развития. С того

времени КПК самостоятельно анализирует происходящие в стране и мире изменения, делает из них практические и теоретические выводы [10, р. 20].

Опыт осмысления в Китае советской модели остается важным ресурсом при поиске пути движения в будущее. Рассуждения Дэн Сяопина о замкнутости СССР и его отставании от Запада в научно-технологическом развитии напоминают нынешнему руководству КНР о насущной необходимости идти в ногу со временем, создавать собственные инновации, продвигаться к лидерству в передовых разработках.

Настойчивые призывы Си Цзиньпина “не забывать об изначальных помыслах” и “крепко помнить о миссии” КПК формируют позитивную историческую оценку ранней советской модели, служившей для китайских коммунистов вдохновляющим примером с 1920-х годов. Советскую модель в КНР критикуют, но не отрицают русскую революцию 1917 г. и сделанный под ее влиянием выбор в пользу строительства социализма в Китае. Нормативная трактовка утверждает, что революции в России и Китае поставили правильную задачу, но СССР не сумел найти нужный ответ.

На Западе сделали неверный прогноз, решив, что прощание Китая с советской моделью означает неизбежный переход на рельсы либерального капитализма. КПК сохранила в своих руках мощные рычаги воздействия на экономику. Провозглашенная в 2020 г. политика “двойной циркуляции” ставит на первое место внутренний цикл производства, распределения и потребления, она нацелена на обретение научно-технологической самодостаточности Китая. Вместе с тем о возвращении к прежней изолированности от внешнего мира речь не идет. Уроки советской модели напоминают КПК о бесперспективности попыток отказаться от частного предпринимательства и рыночного механизма.

Позитивные оценки наследия Мао Цзэдуна помогают нынешнему руководству подчеркнуть свою приверженность сформулированному основателем КНР курсу самостоятельной разработки пути развития. Цепочка преемственности выстраивается вокруг тезисов о приоритете национальной специфики и избирательном отношении к иностранному опыту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. 吴冷西. 十年论战: 1956 - 1966中苏关系回忆录. 北京, 中央文献出版社, 1999. 946 页 [Wu Lengxi. *Ten-Year War of Words, 1956-1966, a Memoir of Sino-Soviet Relations*. Beijing, CC CPC Party Literature Publishing House, 1999. 946 p. (In Chin.)]
2. 毛泽东年谱 (1949 - 1976). 第二卷. 北京, 中央文献出版社, 2013. 643页 [Chronicle of Mao Zedong (1949-1976). Vol. 2. Beijing, CC CPC Party Literature Publishing House, 2013. 643 p. (In Chin.)]
3. 毛泽东选集. 第五卷. 北京, 人民出版社, 1977. 500 页 [Selected Works of Mao Zedong. Vol. 5. Beijing, People's Publishing House, 1977. 500 p. (In Chin.)]
4. Shen Zhihua. *A Short History of Sino-Soviet Relations, 1917-1991*. Ser. China Connections. Singapore, Palgrave Macmillan, 2020. XV, 418 p. DOI: 10.1007/978-981-13-8641-1

5. *KHP: Краткий исторический очерк (1949–1979 гг.)*. Москва, Политиздат, 1980. 206 с. [KNR: *Kratkii istoricheskii ocherk (1949–1979 gg.)*]. (PRC: Short History Outline (1949–1979)]. Moscow, Political Publishing House, 1980. 206 p. (In Russ.)]
6. *毛泽东年谱 (1949–1976)*. 第三卷. 北京, 中央文献出版社, 2013. 658页 [Chronicle of Mao Zedong (1949–1976). Vol. 3. Beijing, CC CPC Party Literature Publishing House, 2013. 658 p. (In Chin.)]
7. 彭波, 郑德荣. “以苏为鉴”: 探索中国特色社会主义道路的历史逻辑起点. *马克思主义研究*, 2016年第2期, 第89–93页 [Peng Bo, Zhen Derong. “Taking the Soviet Union as a Mirror”: Exploring the Historical Logical Starting Point of the Road to Socialism with Chinese Characteristics. *Studies on Marxism*, 2016, no. 2, pp. 89–93. (In Chin.)]
8. 王进芬. 新中国成立70年来马克思主义中国化进程中的苏联因素. *人文杂志*, 2019年第10期, 第16–22页 [Wang Jinfen. The Factor of Soviet Union in the Process of Sinicization of Marxism during 70 years since the Founding of New China. *The Journal of Humanities*, 2019, no. 10, pp. 16–22. (In Chin.)]
9. 王曙光, 王丹莉. *维新中国 – 中华人民共和国经济史论 (国家治理丛书)*. 北京, 商务印书馆, 2019. 427 页 [Wang Shuguang, Wang Danli. *China in Reform: The Economic History of the PRC (National Governance Book Series)*. Beijing, Commercial Press, 2019. 427 p. (In Chin.)]
10. 郑永丰. 以苏为鉴的历史动因、演进过程及现实启示. *辽宁师范大学学报(社会科学版)*, 2020年第二期, 第16–21页 [Zheng Yongfeng. The Historical Cause, Evolution Process and Realistic Enlightenment of Taking the Soviet Union as a Mirror. *Journal of Liaoning Normal University (Social Science Edition)*, 2020, vol. 43, no. 2, pp. 16–21. (In Chin.)]
11. 习近平. 关于坚持和发展中国特色社会主义的几个问题. *求是*, 2019年第7期 [Xi Jinping. Several Questions on Adhering to and Developing Socialism with Chinese Characteristics. *Qiushi*, 2019, no. 7. (In Chin.)] Available at: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2019-04/01/c_1124307480.htm (accessed 20.04.2021).
12. *邓小平年谱 1975–1997 (上)*. 北京, 中央文献出版社, 2004. 701页 [Chronicle of Deng Xiaoping (1975–1997). Part 1. Beijing, CC CPC Party Literature Publishing House, 2004. 701 p. (In Chin.)]
13. *邓小平文选*. 第二卷. 北京, 人民出版社, 1994. 446 页 [Selected Works of Deng Xiaoping. Vol. 2. Beijing, People’s Publishing House, 1994. 446 p. (In Chin.)]
14. *邓小平文选*. 第三卷. 北京, 人民出版社, 1993. 418 页 [Selected Works of Deng Xiaoping. Vol. 3. Beijing, People’s Publishing House, 1993. 418 p. (In Chin.)]
15. *江泽民文选*. 第二卷. 北京, 人民出版社, 2006. 591 页 [Selected Works of Jiang Zemin. Vol. 2. Beijing, People’s Publishing House, 2006. 591 p. (In Chin.)]
16. *江泽民文选*. 第三卷. 北京, 人民出版社, 2006. 608 页 [Selected Works of Jiang Zemin. Vol. 3. Beijing, People’s Publishing House, 2006. 608 p. (In Chin.)]
17. *胡锦涛文选*. 第三卷. 北京: 人民出版社, 2016. 660 页 [Selected Works of Hu Jintao. Vol. 3. Beijing, People’s Publishing House, 2016. 660 p. (In Chin.)]
18. 周新城. 不能对苏联社会主义模式采取历史虚无主义态度 – 与左凤荣教授商榷. *马克思主义研究*, 2013年第7期, 第120–129 页 [Zhou Xincheng. There Should Be No Historical Nihilistic Attitude towards the Soviet Model of Socialism – Discussion with Professor Zuo Fengrong. *Studies on Marxism*, 2013, no. 7, pp. 120–129. (In Chin.)]
19. 习近平. 推进党的建设新的伟大工程要一以贯之. *求是*, 2019年第19期 [Xi Jinping. Advancement of the New Great Project of Party Building Must Be Consistent. *Qiushi*, 2019, no. 19. (In Chin.)] Available at: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2019-10/02/c_1125068596.htm (accessed 20.04.2021).
20. 董瑛. 国家治理体系关系社会主义成败 – 从“以俄为师”到“以苏为鉴”. *中国延安干部学院学报*, 第7卷, 2014年第4期, 第115–121页 [Dong Ying. State Governing System Affects the Success of Socialism: from “Russia as a Teacher” to “Soviet Union as a Mirror”. *Journal of China Executive Leadership Academy Yan’an*, 2014, vol. 7, no. 4, pp. 115–121. (In Chin.)]
21. 转型的必要性、必然性与紧迫性. *人民论坛*, 2013年第16期, 第14–21页 [The Necessity, Inevitability and Urgency of Transformation. *People’s Tribune*, 2013, no. 16, pp. 14–21. (In Chin.)]
22. 徐元宫. 习近平总书记关于苏共亡党苏联解体原因的重要论述及其现实意义. *毛泽东邓小平理论研究*, 2019年第9期, 第7–14页 [Xu Yuangong. General Secretary Xi Jinping’s Important Exposition on the Causes of the Collapse of the Soviet Union and the Soviet Communist Party and Their Practical Significance. *Studies on Mao Zedong and Deng Xiaoping Theories*, 2019, no. 9, pp. 7–14. (In Chin.)]
23. *习近平谈治国理政*. 北京, 外文出版社, 2014. 469页 [Xi Jinping on the Governance of China. Beijing, Foreign Languages Press, 2014. 469 p. (In Chin.)]
24. *习近平关于全面深化改革论述摘编*. 北京, 中央文献出版社, 2014. 153 页 [Excerpts from Xi Jinping’s Expositions on Comprehensive Deepening of Reforms. Beijing, CC CPC Party Literature Publishing House, 2014. 153 p. (In Chin.)]
25. 习近平在哲学社会科学工作座谈会上的讲话 (2016年5月17日). *人民日报*, 2016年05月19日 [Xi Jinping’s Speech at the Symposium on the Work in Philosophy and Social Sciences (17 May 2016). *People’s Daily*, 19.05.2016. (In Chin.)]
26. 习近平在纪念马克思诞辰200周年大会上的讲话 (2018年5月4日). *人民日报*, 2018年5月5日 [Xi Jinping’s Speech at the Conference Commemorating the 200th Anniversary of Marx’s Birth (4 May 2018). *People’s Daily*, 05.05.2018. (In Chin.)]
27. 刘奇葆. 在“十月革命与中国特色社会主义”理论研讨会上的讲话 (2017年9月26日). *人民日报*, 2017年09月27日 [Liu Qibao. Speech at the Theoretical Seminar “October Revolution and Socialism with Chinese Characteristics” (26 September 2017). *People’s Daily*, 27.09.2017. (In Chin.)]
28. *毛泽东选集*. 第四卷. 北京, 人民出版社, 1967. 1454 页 [Selected Works of Mao Zedong. Vol. 4. Beijing, People’s Publishing House, 1967. 1454 p. (In Chin.)]

FROM RETHINKING THE SOVIET MODEL TO SEARCHING FOR CHINA'S PATH*(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 7, pp. 45-55)**Received 25.04.2021.**Olga N. BOROKH (borokh@hotmail.com),**Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IDV RAN), 32, Nakhimovskii Prosp., Moscow, 117997, Russian Federation.**Alexander V. LOMANOV (a_lomanov@hotmail.com),**Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.*

The article is focused on the evolution of the approaches of the Communist Party of China's leadership to the Soviet model; it analyzes changing accents in its understanding that dominated in different periods, and the normative conclusions made from critical understanding of the Soviet experience. In 1956, Mao Zedong called to "take the USSR as a mirror" and underscored the importance of national specifics in modernization process. Since the late 1970s, Deng Xiaoping considered the Soviet model completely outdated and ineligible to any improvement, his reforms policy excluded any possibility of China's return to the Soviet patterns. He solved the task of taking lesson from the "Soviet warning" in economy by abandoning high centralization and rigid planning. Since the 1990s, the themes of stability of party power, amassing public support, and ability of the ruling party to respond decisively to serious crises, occupied an increasingly prominent place in the Chinese debates on the Soviet lessons. Under Xi Jinping, the attention focused on the influences of the loss of political convictions by the party members and of the spread of "historical nihilism" on the collapse of the USSR and the downfall of the Communist Party of the Soviet Union. The focus in rethinking of the Soviet model shifted to the spheres of control over administrative power, institutionalization of rights, fight against corruption, modernization of the governance system. The chain of continuity of China's development course is built around the theses about the priority of national specifics and a critical attitude towards foreign experience. It is concluded that during the period of reforms, the development of market economy in China went far beyond the original framework of Soviet centralized planned economy. In the political sphere, Soviet lessons keep their relevance and serve as a justification for the course of strengthening the ideological cohesion of the ruling party.

Keywords: Communist Party of China, Soviet experience, Mao Zedong, economic reforms, Deng Xiaoping, state governance, Xi Jinping.

*About authors:**Olga N. BOROKH, Candidate of Economics, Leading Researcher.**Alexander V. LOMANOV, Doctor of History, Deputy Director for Scientific Work.***DOI:** 10.20542/0131-2227-2021-65-7-45-55

ЭЛЕМЕНТЫ И КАНАЛЫ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КНР

© 2021 г. А. Карнеев

*КАРНЕЕВ Андрей Ниязович, кандидат исторических наук, профессор,
НИУ ВШЭ, РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20 (akarneeв@hse.ru);
Институт Дальнего Востока РАН, РФ, 117997 Москва, Нахимовский пр-т., 32 (andrei_karneev@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 20.04.2021.

На фоне осложнившихся еще с началом торговой войны в 2018 г. отношений с США и другими странами Запада в КНР произошла заметная консолидация позиций элиты и рядовых китайских граждан, в том числе пользователей Интернета и соцсетей, на основе антизападной и патриотической риторики отстаивания национально-государственных интересов страны и поддержки линии нынешнего руководства. Современная ситуация в сфере взаимодействия государства и общества, в том числе в информационной среде Китая в эпоху Си Цзиньпина, часто воспринимается как беспрецедентное сужение пространства для плюрализма мнений, возможности донести разные точки зрения до вышестоящих уровней, как откат на несколько лет и даже десятилетий назад, к временам начала эпохи реформ и даже до реформ. В статье, на основе анализа того, насколько каналы обратной связи и учета мнения граждан существуют и действуют, делается попытка посмотреть, как эта картина отражает реалии современного китайского общества. Показано, что ситуация в политической системе КНР гораздо сложнее этих недостаточно глубоких представлений и образов.

Ключевые слова: 100-летие КПК, эпоха Си Цзиньпина, политика в информационном пространстве, общественное мнение, “линия масс”, жалобы и предложения граждан, учет мнений жителей, роль Интернета, “демократия полного процесса”.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-56-63

В 2021 г. исполняется 100 лет со дня основания КПК. Важнейшая дата для правящей партии Китая, обозначившей на своем последнем съезде (осень 2017 г.) вступление страны в “новый этап” социализма с китайской спецификой. Столетний юбилей правящей партии – это в каком-то смысле неизбежный рубеж, когда есть соответствующий повод и формат продемонстрировать своей и зарубежной аудитории целый ряд исторических достижений в сфере “великого возрождения китайской нации” – роста мощи страны, оборонного потенциала, развития экономики, науки и техники, культуры, достижений социальной политики и т. д. Но юбилей совпал с беспрецедентным усилением накала международной полемики вокруг многих аспектов развития современного Китая, его внутренней и внешней политики. Подлила масла в огонь и пандемия коронавируса. Опросы общественного мнения в США, к примеру, показывают самые высокие за последние 40 лет цифры негативного отношения к Китаю со стороны американского населения [1]. Справедливости ради, отметим, что в то же самое время фиксируется сильное снижение на глобальном уровне позитивного отношения к США как к лидеру текущего миропорядка [2]. Тенденция к ухудшению имиджа КНР, хотя и в меньшей мере, заметна в ряде других развитых странах [3]. Подтверждают эту тенденцию и неприятные кадры нападения

на граждан с азиатской внешностью в различных городах США, которые периодически демонстрируют в последнее время американские телеканалы, причем понятно, что подоплекой этого являются антикитайские настроения, подпитываемые пропагандой против “коммунистического режима” Коммунистической партии Китая. В свою очередь в Китае в последнее время также проявляются на бытовом уровне антиамериканские эмоции. Например, на дверях некоторых ресторанов стали появляться надписи о запрете американским гражданам входить в заведения, пользователи Интернета преследуют как предателей нации (*ханьцзянь*) американских или австралийских журналистов китайского происхождения, критикующих политику Пекина, и т. д.

На фоне серьезного ухудшения отношений КНР с США, да и с многими другими странами “коллективного Запада”, китайско-американской торговой войны, острого соперничества в сфере высоких технологий, а также обострения войны слов вокруг Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), Гонконга, Тайваня и Южно-Китайского моря (ЮКМ) произошла, что было естественным, заметная консолидация элит и широких слоев китайского населения на основе антизападной и патриотической, и даже отчасти националистической риторики. Либеральные и прозападные

голоса среди китайских так называемых публичных интеллектуалов, довольно отчетливо слышимые в эпоху Ху Цзиньгао (2002–2012), сейчас или почти не слышны, или эти люди предпочитают хранить молчание, дожидаясь лучших времен, либо они тем или иным способом выведены из публичного пространства. Китайские СМИ и социальные сети в этом смысле встречают юбилей правящей партии если не в атмосфере “осажденной крепости” (в конце концов у страны довольно много партнеров и в западном мире [4], изолировать Китай просто невозможно), то все-таки в непростой обстановке. В целом они проецируют образ, с одной стороны, “великих достижений” и “беспрецедентных перемен” [5], но и, с другой стороны, “великой борьбы” и серьезных вызовов на пути дальнейшего развития. В свою очередь многие зарубежные СМИ создают свой образ Китая эпохи нынешнего генсека Си Цзиньпина, где несмотря на всемирно признанные достижения в плане темпов роста экономики и высоких технологий, в сфере свободы слова, возможностей самовыражения, информационной политики, содержания образования, идеологии и гражданских свобод происходят по всему фронту закручивание гаек, ужесточение цензуры, механизмов контроля, откат назад чуть ли не ко временам Председателя Мао. Еще во времена президентства Б. Обамы в США начали раздаваться голоса о том, что наступление китайских властей на соответствующие права и свободы не ограничивается границами Китая, власти которого пытаются, мол, через разного рода каналы навязывать свои ограничения и другим странам, прежде всего в сфере того, как репрезентируется их страна в СМИ и произведениях массовой культуры [6]. Дополняет этот образ критика нового стиля китайской дипломатии, с легкой руки кого-то из экспертов получившая хлесткое название “дипломатия боевого волка” по одноименному фильму “Боевой волк-2” в популярном жанре патриотического экшена. Некоторые китайские авторы, правда, считают, что концепция “дипломатии боевого волка” является одной из уловок Запада, чтобы скомпрометировать политику КНР [7].

Одна из тем, которая обсуждается рядом экспертов в этой связи, – это насколько “новый авторитаризм” Си Цзиньпина во внутренней политике и жесткая напористая линия во внешней обусловлены возросшей ролью китайского общественного мнения, которое в условиях выхода страны на лидирующие рубежи в мировой экономике и политике и увеличения внешнего давления естественным образом трансформируется в сторону усиления патриотических и националистических настроений. Рассуждающие в этой логике наблюдатели считают, что власти КНР не хотят, да и не могут, не рискуя потерять легитимность, позволить себе

более мягкую политику ни в вопросах внешнеполитических отношений, ни в сфере идеологического контроля. Некоторые авторы даже полагают, что в случае гипотетической либерализации существующего в стране режима и появления институтов соревновательной демократии (как, к примеру, произошло на Тайване) политика КНР по многим аспектам может стать гораздо более жесткой и напористой.

По этому поводу ряд экспертов считает такую постановку вопроса спекулятивной [8], указывая, что еще неизвестно, что первично: общественное мнение в Китае оказывает такое влияние на политику или политика государства, в том числе меры властей в информационной среде, формируют такое общественное мнение [9]. Другие эксперты вообще ставят вопрос о том, насколько в условиях ужесточившихся ограничений в информационной среде может существовать независимое общественное мнение.

Все это выводит на более актуальный, с нашей точки зрения, вопрос: как можно оценить степень наличия обратной связи в китайской политической системе и характер ее влияния на процесс принятия решений?

Периодически проводимые в КНР опросы общественного мнения по тем или иным позициям внутренней и внешней политики часто критикуются как недостаточно достоверные в силу того (как настаивают критики), что опрашиваемые не всегда могут высказать свое реальное мнение, или по причине информационной асимметрии (монополии властей на формирование информационной картины), или же из опасений тех или иных репрессалий. Однако представляется, что создаваемая многими западными информационными источниками картина все-таки серьезно упрощает китайские реалии, создавая образ пирамидальной системы, где возможно движение информации только по принципу “сверху вниз”.

Любопытен завершившийся летом прошлого (2020) года масштабный проект изучения оценки китайскими гражданами деятельности своего правительства на уровне центральной власти, провинциальных и местных правительств. Этот проект, инициированный еще в 2003 г. Центром демократического управления и инноваций (*Ash Center*) Школы управления им. Джона Ф. Кеннеди Гарвардского университета, дает читателю некий более или менее объективный срез мнений китайских граждан [10]. Как отмечает директор *Ash Center* профессор Тони Сэйч (*Tony Saich*), проект начался в свое время с попытки выяснить, как относятся китайские граждане к качеству различных услуг, которые им предоставляют местные правительства. Опрос, организованный американцами

при помощи (неназванной) китайской частной компании по изучению общественного мнения, был совершен в 8 этапов с 2003 по 2016 г. и охватил 32 тыс. респондентов.

Среди основных положений исследования — вывод о том, что по сравнению с опросами общественного мнения в США, где традиционно велика доля тех, кто негативно оценивает политику федеральных властей, в Китае неизменно высока доля тех, кто одобряет политику центрального правительства. В 2016 г. 95.5% респондентов были “относительно довольны” или “в высокой степени довольны” политикой Пекина [10]. В 2012 г. Центр Пью (*Pew Research*) заключил, что 86% граждан КНР были довольны политикой правительства страны [11]. В 2018 г. организация *Edelman Trust Barometer* проводила в 27 странах опрос доверия граждан к базовым политическим институтам своих стран. Опрос показал, что 74% граждан КНР доверяют институтам своей страны, что было гораздо выше среднего уровня в 48% по обследованным странам [12]. По сравнению с высокими уровнями удовлетворенности китайских граждан политикой центрального правительства, отмечается в выводах исследования *Ash Center* Гарвардского университета, мнения респондентов по отношению к более низким уровням правительства гораздо менее положительные. На уровне волости (*township*) “в высокой степени довольны” оказались лишь 11.3% респондентов [10]. То есть чем ближе к тому уровню, где население реально сталкивается с предоставляемыми властями услугами, тем более разборчивыми и требовательными становятся жители китайских регионов.

При этом, по словам руководителей исследования, ожидаемыми были и региональные различия: жители относительно зажиточных приморских регионов, больше всех выигравшие от глобализации, более лояльно относились к политике правительства. Удивило сотрудников исследовательского центра то обстоятельство, что жители аграрных и бедных районов в целом сохраняли относительно оптимистическое отношение к проблеме материального неравенства в китайском обществе, нежели жители городов, обеспеченные лучше. По мнению исследователей, на позицию опрошенных оказали влияние такие факторы, как вложения китайского правительства в инфраструктуру, медицину, образование, социальное обеспечение. “Хотя раздражение коррупцией и качеством правительственных услуг на низовом уровне безусловно существует, — заключают авторы исследования, — нынешняя политическая система Китая представляется удивительно устойчивой” [10].

Публикация исследования гарвардских специалистов не прошла незамеченной в Китае. Выво-

ды исследования, по всей видимости, пришлось по душе соответствующим руководителям, и в итоге их цитировали некоторые государственные СМИ, такие как “Чайна дэйли” и телевизионный канал *CGTN*. Спикер китайского МИД г-жа Хуа Чуньин поместила в *Twitter* ссылку на данное исследование с саркастической ремаркой: “А что же Вашингтон?” [13]. С другой стороны, эти выводы критиковались международными СМИ как приукрашивающие реалии современного Китая. В частности, сомнения аналитиков вызвала логическая взаимосвязь между данными об уровне удовлетворенности политикой правительства и действительно хорошей и дальновидной политикой. Приводятся также уже упомянутые нами выше аргументы о недостаточной высокой достоверности проводимых в КНР, даже с участием западных агентств, опросов, то есть такие факторы, как цензура, систематическая фабрикация “позитивных мнений”, ультрапатриотическое воспитание молодежи, система социального рейтинга [14], которая может служить основанием для тех или иных наказаний или ограничений в правах, и т. д. Отмечается также, что высокие показатели удовлетворенности деятельностью правительства могут свидетельствовать о растущей апатии китайских граждан [13].

Как ни оценивать значимость дискуссии о степени удовлетворенности граждан политикой своего правительства в Китае и в Америке, надо вспомнить о том, что вообще-то современная китайская политическая система не приемлет многих механизмов и институтов западных обществ и не собирается перенимать их и в будущем, особенно сейчас, когда в Китае значительная часть политической элиты воспринимает политическую систему Запада как находящуюся в процессе постепенного упадка [15]. Но это не означает, что там не идет свой постоянный поиск механизмов эффективного сопряжения государства и общества, каналов обратной связи и получения информации по принципу “снизу—вверх”. Даже термин “демократия” не отвергается как цель, говорится о демократии “с китайской спецификой”, подразумевающей, по всей видимости, продолжение поисков того, как можно соединить выборные процедуры на низовом уровне и “совещательную демократию” на вышестоящих уровнях. В ноябре 2019 г. генеральный секретарь Си Цзиньпин упомянул термин “демократия полного процесса” (*цюань гочэн миньчжу*), который некоторые специалисты трактуют как попытку противопоставить западной либеральной концепции демократии уходящую корнями в конфуцианскую традицию концепцию патерналистского государства с его идеологией “гуманного правления” (*жэнь чжэнь*) и заботой о благополучии всех подданных, особенно обездоленных и социально незащищен-

ных групп [16]. Продолжение обсуждений “демократии полного процесса”, насколько нам известно, активно продолжается под эгидой ВСНП.

В этом контексте необходимо вспомнить, что политическую деятельность КПК пронизывает идея “линии масс” (*цзюньчжун лусянь*), во многом имеющая истоком риторику времен Мао Цзэдуна, но на самом деле имеющая более глубокие корни. С приходом во власть Си Цзиньпина почти сразу эта тематика была поставлена в качестве важнейшего приоритета. Среди многочисленных высказываний нынешнего генсека и Председателя КНР Си Цзиньпина по вопросам осуществления “линии масс” можно найти более или менее четкое указание на то, как партия и правительство должны осуществлять эту “близость к народу”, “отношения кровного родства с массами” (*同人民群众血肉联系*): “Мы должны придерживаться линии масс нашей партии, придерживаться положения о том, что главным является народ, постоянно думать о том, как живет простым людям, точно знать, о чем они думают, на что возлагают надежды, чего опасаются, сделать работу с массами реалистичной, глубокой, детальной и полноценной” [17, р. 130]. “Чтобы осуществлять линию масс надо (самому быть выходцем. — А.К.) из масс и (не бояться. — А.К.) возвращаться в массы, глубоко проводить исследования на низовых уровнях, сблизиться с простыми людьми, быть постоянно на связи с простыми людьми, служить народным массам...” [17, р. 134]. “Руководители — это не какие-то корифеи, которые все знают. Чтобы стать лидером масс, нужно сначала стать учеником у масс. Руководящие кадры должны отложить в сторону свои амбиции и быть готовыми стать учениками, друзьями простых людей, не стесняться постоянно спрашивать и узнавать что-то от простых людей...” [17, р. 139]. «Если хочешь реально решать вопросы, я искренне считаю, что нужно посещать самые бедные и захолустные районы, районы с самой сложной ситуацией. Надо ездить в удаленные районы, поговорить с простыми людьми, повстречаться с народом, поговорить о том, о сем, что в этом плохого? В отдаленных районах на местах надо провести, если нужно, и целый день, чтобы точно разобраться в ситуации, иметь свое четкое представление. Это по-любому лучше, чем посетить несколько мест по принципу “наблюдать за цветами, не слезая с седла лошади...”» [17, р. 140].

Эти и подобные им высказывания довольно четко показывают, что партийная традиция в отношении поиска эффективной обратной связи с населением во многом основана на конструируемом образе образцового партийного руководителя, не только обладающего деловыми качествами, правильными идеологическими принципами, но и вооруженного моральными принципами, чувством “гуманности”, сострадания социально незащищен-

ным группам населения. Это, впрочем, не означает, что партия не видит других механизмов, связанных как с международным опытом, так и с расширением, скажем, информационных технологий.

Одним из таких каналов стало распространение Интернета и социальных сетей. Китай — один из мировых лидеров по проникновению Интернета, не говоря уже об абсолютных цифрах количества пользователей. По данным на конец 2020 г. количество граждан, имеющих доступ к Интернету в Китае, достигло 989 млн человек [18]. В среднем китайский пользователь проводит в Сети 25.6 часа в неделю (данные 2016 г.) [19]. Как и в других странах, Интернет и социальные сети служат важным каналом политического участия. Китайские пользователи Интернета имеют возможность по сравнению с досетевой эпохой получать гораздо больше политической информации, обсуждать важные темы в соцсетях, блогах и на форумах. Одновременно китайское правительство использует соцсети для коммуникации с гражданами, распространяя нужную информацию или нужную интерпретацию тех или иных событий и явлений, одновременно получая срез общественного мнения по разным проблемам, предложения и инициативы по конкретным вопросам, жалобы на коррупцию и служебные злоупотребления и т. д. [20].

Известный китайский политолог, бывший заместитель директора Бюро переводов ЦК КПК¹, автор небезызвестной работы “Демократия — хорошая вещь” Юй Кэпин полагает, что “политика учета общественного мнения” сейчас переживает в Китае бурное развитие. Он предпринял попытку концептуализировать то, как реализуется политическое участие граждан через механизмы учета общественного мнения в Китае [21]. Здесь, по мнению ученого, задействованы самые разные механизмы и каналы: ежегодные сессии китайского парламента, система закрытых докладов вышестоящим уровням о настроениях граждан (*нэйцань*), кампании массового политического образования, институт жалоб в специализированные органы (*синьфан*), слушания по тем или иным проектам законодательных органов разных уровней, “заседания откровенных разговоров” (*кэньтаньхуй*), интернет-запросы по конкретным проблемам администрирования (*ванло вэньчжэн*) и пр.

Если говорить о роли китайского парламента, то здесь речь идет о ежегодных “двойных сессиях” — ежегодных заседаниях ВСНП и НПКСК², которые, помимо общекитайского уровня, имеют

¹ В 2018 г. Бюро переводов ЦК КПК слили с двумя другими учреждениями, преобразовав в Институт исследований по истории партии и партийной документации.

² ВСНП — Всекитайское собрание народных представителей; НПКСК — Народный политический консультативный совет Китая.

свои аналогичные структуры в провинциях, городах, уездах, районах и волостях (органы НПКСК формируются от уровня уезда и выше). Перед каждой сессией депутаты стараются заручиться пожеланиями и мнениями населения в районах своей ответственности, что фактически уже сформировало один из важных каналов, по которым мнения жителей передаются депутатам законодательных органов. В последние годы многие пользователи Интернета передают свои пожелания депутатам разных уровней посредством китайской социальной сети Вэйбо [21].

Система докладов “для служебного пользования” – созданная в КНР система информирования о настроениях населения и существующих острых проблемах. Прежде организациями-составителями были официальные новостные издания, такие как Агентство Синьхуа, газета “Жэньминь жибао”, журнал “Цюши” и др. Сейчас такие сводки готовят также различные мозговые тресты и аналитические центры, как, например, Кабинет политических исследований ЦК КПК, Центральная партийная школа, Бюро переводов ЦК КПК, Государственный институт проблем управления, Центр изучения проблем развития Госсовета КНР, подразделения Академии общественных наук КНР, некоторые структуры местных правительств [21].

Что касается массовых кампаний политического образования, то их истоки уходят в широко известные политические кампании времен Мао Цзэдуна. Однако в период реформ и открытости они изменили свою сущность и перестали быть инструментом классового борьбы и борьбы за власть. Мероприятия по политическому образованию предусматривают не только внедрение тех или иных политических установок (например, “тройного представительства” Цзян Цзэмина, “гармоничного общества” и научно обоснованного развития Ху Цзиньтао, “китайскую мечту” Си Цзиньпина и пр.), но и критику и самокритику членов партии, особенно руководителей разных уровней, и широкое заслушивание мнений рядовых членов партии и беспартийных. На основе этих обсуждений подготавливаются проекты соответствующих мер по устранению недостатков и недоработок. В этом тоже один из механизмов учета мнения широких масс простых людей, полагает вышеупомянутый политолог [21].

Следующим механизмом учета мнений граждан является система приема и рассмотрения жалоб населения (*синьфан*, *信访*). Это действительно целая система органов от центра до каждого уезда, созданных еще в 50-х годах прошлого века, начале периода КНР, во главе которых стоит Государственная администрация рассмотрения жалоб и предложений (*гоцзя синьфанцзюй*) [22]. В прошлом основным предметом деятельности этих

органов было получение и рассмотрение писем с жалобами на разного рода нарушения. В 90-е годы XX в. произошла определенная трансформация функций данной системы. Теперь работа подразумевает рассмотрение обращений граждан и юридических лиц посредством писем, сообщений по электронной почте, факсу, телефону, путем личной встречи, где правительствам разных уровней сообщается о тех или иных ситуациях, выдвигаются предложения, жалобы и протесты, которые рассматриваются в установленном законом порядке. Только в 2011 г. было зафиксировано 3.37 млн таких обращений. Любопытно, что Юй Кэпин, описывая систему рассмотрения жалоб населения (которую считает важнейшим каналом реализации политики учета общественного мнения), отмечает, что жалобы и претензии граждан иногда превращаются в массовые протестные акции (*цюньти син шицзянь*), а это является проявлением недовольства граждан конкретными решениями властей или конкретными чиновниками и выливается в незаконные протестные акции. По мнению ряда специалистов, в Китае насчитывается 15 видов таких акций: коллективные петиции, сидячие безмолвные протесты, митинги, демонстрации, забастовки, перекрытия дорог, перекрытия подъезда к правительственным учреждениям, нападения на правительственные органы, дезорганизация транспорта, беспорядки, столкновения на международной почве, сборища в Интернете и коллективные акции, вызванные интернет-рассылками [21]. Задача властей в этом контексте – грамотной систематической работой с жалобами и претензиями граждан не допускать перехода их в незаконные формы, которые могут представлять угрозу общественной безопасности. (Как отмечается в ряде зарубежных изданий, в Пекине существуют даже специализированные места заключения для граждан, прибывающих в столицу с целью пикетирования тех или иных правительственных учреждений.)

Слушания в законодательных органах разных уровней по предполагаемым к принятию экономическим или социальным проектам (*тинчжэньхуй*) – это новый механизм учета общественного мнения при принятии правительствами разных уровней решений по вопросам, затрагивающим благосостояние или права граждан. Это механизм, который в наиболее полной форме отражает категорию нововведений, пришедших из практики стран Запада. Первоначально (с первых лет XXI в.) внедрялся в экспериментальном порядке, но довольно быстро был признан существенно необходимым, чтобы при принятии важных социально-экономических решений максимально учитывалось бы мнение населения, а также профильных специалистов, учитывались бы риски и прорабатывалась юридическая основа принимаемых решений.

“Заседания откровенных разговоров” (можно перевести как “прямые разговоры” (*кэнтаньхуй*)) — это еще одна, относительно новая форма диалога и совещательных контактов правительств с населением. В разных провинциях эту форму называют по-разному: “диалогом по поводу принимаемых решений”, “демократическими консультациями” и др. Основное содержание этих процедур в том, чтобы при принятии тех или иных решений на низовых уровнях получить мнения тех групп, интересы которых могут быть затронуты осуществляемыми мерами. “Заседания откровенных разговоров”, как правило, проводятся на уровне деревень и волостей. Это консультации и диалог местных властей с жителями, элемент прямой демократии, как это видится китайским специалистам [21].

Имеется в арсенале китайского правительства и ряд других инструментов получения обратной связи с населением. В этом списке называют и изучение мнения пользователей различных онлайн-сервисов, и направление в подведомственные структуры и учреждения инспекционных групп (*сюньшицзу*), и получение сообщений от анонимных разоблачителей всяческих злоупотреблений и нарушений (*цзюйбао*), и многое другое.

В подробном исследовании политологов Дианы Фу и Грега Дистельхорста прослеживаются изменения в системе мер по стимулированию политического участия на низовом уровне от эпохи Ху Цзиньтао к эре Си Цзиньпина. В эпоху Ху Цзиньтао появилось немало новых институтов, расширявших возможности гражданского активизма и участия граждан в делах управления (среди них — меры по расширению открытости в работе государственных учреждений, правила, требующие предоставлять по запросу граждан информацию о работе государственных структур, разрешение гражданам подавать в суд на госорганы, требование открытости информации в области экологии и т. д.). Несмотря на расхожий образ эпохи Си Цзиньпина как времени свертывания многих либеральных свобод и борьбы против так называемых универсальных ценностей, авторы приходят к выводу, что основные, официально узаконненные каналы участия рядовых граждан, развивавшиеся при Ху Цзиньтао, продолжают работать и при нынешней администрации [23].

В целом в условиях беспрецедентного распространения информационных технологий ландшафт взаимодействия правительства и пользователей действительно радикально изменился. Один китайский автор так описывает современную ситуацию в стране: «...в условиях активного проникновения “новых СМИ” руководители и кадровые работники находятся словно внутри стеклянного павильона, открытые для всех и каждого. По мере

стремительного развития новых СМИ возникла во многом уникальная ситуация: проявления коррупции и казнокрадства стало невозможно скрыть (их не спрятать от чужих глаз), теперь каждый в любое время и в любом месте может превратиться в репортера, в поставщика информации и верхам и низам, от надзора со стороны населения укрыться стало негде, а обладающие толпами фолловеров знаменитые блогеры — *давэй*³ приобрели немислимое влияние. Любой небольшой инцидент может в мгновение ока стать основанием для масштабного инцидента, а управлять направлением общественного мнения стало действительно непросто» [19]. «С момента прихода к власти генерального секретаря Си Цзиньпина, от выдвижения им “8-ми правил поведения” (сотрудников государственных органов. — А.К.) и кампании по перевоспитанию в духе “линии масс” до выдвижения лозунга “трех строгих и трех реальных”⁴ стиль работы членов партии и чиновников подвергается беспрецедентному вниманию. Новые СМИ стали важнейшим фактором того, что кадровые работники стали серьезно относиться к борьбе с коррупцией и стилю бережливости и отказа от расточительства. На самом деле это — выход для партии и правительства. Теперь не надо избегать острых вопросов, а надо откровенно их обсуждать и решать искренне, откровенно откликаться на требования и предложения населения, вовремя и эффективно решать вопросы» [19].

Китай — страна, политическая система которой не предусматривает многих компонентов западной модели политической организации. В Китае нет и не планируется на обозримую перспективу переходить к открытой конкуренции различных политических партий, внедрять разделение властей, либерализовать информационное пространство и т. д. Более того, в настоящих условиях преобладания в китайской элите концепции “подъема Китая и упадка Запада” эти перспективы выглядят еще более призрачными. Но это не означает, что в Китае не идет свой поиск подходящих к специфике страны инструментов и каналов активизации обратной связи с населением и политического участия граждан. Насколько успешно сумеют китайские руководители пройти между рисками разбалансировки политической системы и опасностью консервации, заострения политических механизмов и подавления инициативности граждан — покажет время.

³ *Давэй* (大V) — блогер с числом подписчиков больше 500 тыс. человек.

⁴ “Три строгих и три реальных” (三严三实) — выдвинутый впервые в 2014 г. лозунг Си Цзиньпина, означающий строгое отношение к идеалам и нравственным принципам, к использованию служебных полномочий, к дисциплине; необходимость исходить из реальности в работе и любом деле, в создании нового, быть честным и реалистичным в отношениях с людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Bowman K. China, Coronavirus, and Public Opinion. *Forbes*, 21.05.2020. Available at: <https://www.forbes.com/sites/bowmanmarsico/2020/05/21/china-coronavirus-and-public-opinion/?sh=72e88c753068> (accessed 05.02.2021).
2. Sharp Drop in World Views of US, UK: Global Poll. *Globescan*, 04.07.2017. Available at: <https://globescan.com/sharp-drop-in-world-views-of-us-uk-global-poll/> (accessed 18.04.2021).
3. Silver L, Devlin K., Huang Ch. Unfavorable Views of China Reach Historical Highs in Many Countries. *Pew Research Center*, October 6, 2020. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highs-in-many-countries/> (accessed 01.02.2021).
4. Kim Yi, Dionne. Here's what Africans think about China's influence in their countries. *Afrobarometer*, 28 October, 2016. Available at: <https://afrobarometer.org/blogs/heres-what-africans-think-about-chinas-influence-their-countries> (accessed 01.02.2021).
5. Карнеев А. Н. Значение и смысл формулы российско-китайского стратегического сотрудничества “в новую эпоху”. *PCMД*, 11.02.2021. [Karneev A. N. Znachenie i smysl formuly rossiysko-kitayskogo strategicheskogo sotrudnichestva “v novuyu epokhu”] [Significance and Meaning of the Russia-China Strategic Cooperation “In the New Era”]. *RIAC*, 11.02.2021.] Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/znachenie-i-smysl-formuly-rossiysko-kitayskogo-strategicheskogo-sotrudnichestva-v-novuyu-epokhu/> (accessed 09.04.2021).
6. Gonzalez M. China's Public Opinion Warfare: How Our Culture Industry Learned to Stop Worrying and Love the PRC. *The Heritage Foundation*, February 5, 2015. Available at: <https://www.heritage.org/asia/report/chinas-public-opinion-warfare-how-our-culture-industry-learned-stop-worrying-and-love> (accessed 21.12.2020).
7. 宋鲁郑. 战狼外交是西方遏制中国的手段之一, 我们切不可掉入话语陷阱, 11.04.2021. [Song Luzheng. “Diplomacy of the Warrior-Wolf” is one of the West's instruments in containing China, we should not enter into this linguistic trap. *Guanchazhe*, 11.04.2021 (In Chin.)] Available at: https://www.guancha.cn/SongLuZheng/2021_04_11_586965.shtml (accessed 15.04.2021).
8. Sun Yun. Chinese Public Opinion: Shaping China's Foreign Policy, or Shaped by It? *Brookings*, December 13, 2011. Available at: <https://www.brookings.edu/opinions/chinese-public-opinion-shaping-chinas-foreign-policy-or-shaped-by-it/> (accessed 19.02.2021).
9. Shetty N. Does Chinese Public Opinion on North Korea Affect China's Foreign Policy? *ICS Delhi Blog*, 26.05.2017. Available at: <https://icsdelhiblogs.wordpress.com/2017/05/26/does-chinese-public-opinion-on-north-korea-affect-chinas-foreign-policy/> (accessed 19.11.2020).
10. Harsha Dan. Taking China's Pulse. Ash Center research team unveils finding from long-term public opinion survey. *The Harvard Gazette*, 09.07.2020. Available at: <https://news.harvard.edu/gazette/story/2020/07/long-term-survey-reveals-chinese-government-satisfaction/> (accessed 24.02.2021).
11. Public Opinion in China Does Not Reflect the Public. *The Peking Duck*, 01.06.2012. Available at: <https://www.pekingduck.org/2012/06/public-opinion-in-china-does-not-reflect-the-public/> (accessed 02.03.2021).
12. Chinese people trust their government, media the most, global survey finds. Believe it or not? *Shanghaiist.com*, January 29, 2018. Available at: <https://medium.com/shanghaiist/chinese-people-trust-their-government-media-the-most-global-survey-finds-7050ab437527> (accessed 07.02.2021).
13. Chang Che. Do Chinese People support their government? Here's why it's hard to tell. A recent Harvard Ash Center study found that Chinese people are generally happier with their government now than ever. But there are at least three reasons why China's public satisfaction numbers may not reflect performance. *SupChina*, 25.08.2020. Available at: <https://supchina.com/2020/08/25/do-chinese-people-support-their-government-hard-to-tell/> (accessed 21.02.2021).
14. Mitchell A., Diamond L. China's Surveillance State Should Scare Everyone. *The Atlantic*, 02.02.2018. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/02/china-surveillance/552203/> (accessed 08.12.2020).
15. 胡锡进. 僵化而没落, 西方政治体制形成了现实的“七宗罪”, 17.04.2021. [Hu Xijin. Ossified and Decayed: Western Political System and its “Seven Fatal Deficiencies”. *Guanchazhe*, 17.04.2021 (In Chin.)] Available at: <https://news.sina.com.cn/c/2021-04-17/doc-ikmxzfmk7286356.shtml> (accessed 19.04.2021).
16. Kim Jo. Exploring China's New Narrative on Democracy. Amid growing concerns about its governance, China's leadership is attempting to emphasize its own brand of democracy with “Chinese characteristics”. *The Diplomat*, 06.12.2019. Available at: <https://thediplomat.com/2019/12/exploring-chinas-new-narrative-on-democracy/> (accessed 11.12.2020).
17. 论群众路线. 重要论述摘要. 中共中央文献研究室. 中央文献出版社, 党建读物出版社. 2013. 150 p. [On the Mass Line. A Collection of the Most Important Pronouncements Institute of Documentation of CCP Central Committee. Zhongyang wenxian chubanshe, Dangjian duwu chubanshe, 2013. 150 p. (In Chin.)]
18. Number of Internet users in China from December 2008 to December 2020. *Statista.com*, February 9, 2021. Available at: <https://www.statista.com/statistics/265140/number-of-internet-users-in-china/> (accessed 19.04.2021).
19. 康涛. 新形势下利用新媒体开展群众工作的思考. - 文秘帮, 17.05.2019. [Kang Tao. Several thoughts on how to organize work with masses in the new situation of proliferation of new media. 17.05.2019. (In Chin.)] Available at: <https://www.wenmi.com/article/prmhbd042cxe.html> (accessed 16.12.2020).
20. Liu Bingyang. *Social Media Use and Political Participation in China: The Mediating Role of Political Efficacy*. University of South Florida. Graduate Theses and Dissertations. November 2017. Available at: <http://scholarcommons.usf.edu/etd/7050> (accessed 16.03.2021).

21. 俞可平。民主还是民粹 — 中国的民意政治 [Keping Yu. Democracy or Populism: China's Politics of Listening to Public Opinion. *Zhongguo zhiku wang*, 06.01.2015. (In Chin.)] Available at: <http://www.aisixiang.com/data/74256.html> (accessed 22.11.2020).
22. 国家信访局 [State Administration of Complaints and Suggestions (In Chin.)]. Available at: https://www.gjxfj.gov.cn/2021-01/18/c_1210984293.htm (accessed 16.03.2021).
23. Fu, Diana and Distelhorst Greg. Grassroots Participation and Repression under Hu Jintao and Xi Jinping. *The China Journal*, 2018, January, vol. 79, pp. 100-122. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/pdfplus/10.1086/694299> (accessed 16.12.2020).

**ELEMENTS AND CHANNELS OF BOTTOM-UP FEEDBACK
IN CONTEMPORARY CHINA'S POLITICAL SYSTEM**

(World Economy and International Relations, vol. 65, no. 7, pp. 56-63)

Received 20.04.2021

Andrei N. KARNEEV (andrei_karneev@mail.ru),

National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitckaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IDV RAN), 32, Nakhimovskii Prosp., Moscow, 117997, Russian Federation.

The Year 2021 is significant because of the 100th anniversary of the Communist Party of China (CCP). This is a plausible opportunity to review the accomplishments of the ruling party in the last decades, especially in the period of the current leadership headed by Xi Jinping. As China under Xi is edging closer to its ultimate aim of "the Great Renaissance of the Chinese Nation", its relations with the US, the current hegemon of the world order have experienced a severe downturn. Seen against the backdrop of China's deteriorating relations with the US and the West in general in recent years, the public opinion in the country has generally shifted towards anti-western and patriotic sentiments. There is in the international media, as well as in academia, a widely accepted image of China under Xi Jinping as a country where there is significantly less space for pluralistic discussions, different opinions and independent voices. Critical opinions arguably have been effectively muted, and the realm of liberal freedoms has shrunk probably to the levels of the start of the reforms' era or even earlier times. An ongoing debate on the issue of interaction between the government policies and public opinion is important to a better understanding of the evolution of the Chinese polity. Does the system block all the critical voices from below and allow the information flow only top-down? Or should we probably pay more attention to the concrete efforts by the governments at different levels to stimulate and legitimize the grass-roots reactions to government policies? In this article we take a look at whether there are still vibrant channels through which common people can voice their opinions, and whether the state keeps those channels of feedback working. The overall impression is that the above-mentioned image of the resurgent totalitarianism in China's political system seriously underestimates the complexities of contemporary PRC, the country that is searching for its own China-centered methods and channels of activating citizens' political participation.

Keywords: CCP's 100th anniversary, the era of Xi Jinping, information space politics, public opinion, "the mass line", citizens' complaints and suggestions, citizen feedback, the role of the Internet, "whole-process democracy".

About author:

Andrei N. KARNEEV, Candidate of Historical Science, Professor, Head of the School of Asian Studies, the Faculty of World Economics and World Politics, HSE University; Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, RAS.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-56-63

ОБ ИДЕЙНОМ ВЛИЯНИИ КОМПАРТИИ КИТАЯ НА КОМПАРТИЮ ВЬЕТНАМА

© 2021 г. М. Терских

*ТЕРСКИХ Михаил Андреевич, кандидат политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (mikhail.terskikh@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 19.04.2021.

В статье рассматриваются особенности нахождения Вьетнама в орбите идейно-теоретического влияния Китая. Проанализированы партийные документы двух стран, выявлены их сходства и различия. Сделан вывод о том, что Ханой скрупулезно изучает, критически осмысливает и активно использует опыт китайских экономических и политических реформ. Несмотря на это, идеологическая близость не ведет к изменению внешнеполитической линии, определяемой практическими соображениями.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Вьетнама, Коммунистическая партия Китая, КПВ, КПК, XIII съезд КПВ.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-64-70

Вьетнамо-китайские связи сами по себе представляют бесспорный интерес для исследователей. Два несопоставимых по потенциалу соседа, чья непростая история взаимоотношений насчитывает несколько тысяч лет, а современность по-прежнему обременена серьезными разногласиями, объединены идеологическими узами и продолжают успешно наращивать объемы торгово-экономического сотрудничества.

Вместе с тем подавляющее большинство научных изысканий по двусторонней тематике, как отечественных, так и зарубежных, сконцентрировано на экономических контактах, проблематике территориальных споров или в целом обороны и безопасности [1]. Закрытый характер внутрипартийных дискуссий, а также взаимодействия между коммунистическими партиями двух стран ведет к выпадению темы идеологического влияния и межпартийных связей из поля зрения исследователей. Китайское и вьетнамское научные сообщества, как правило, тактично обходят ее стороной, западное – в силу чужеродности государственного устройства КНР и СРВ – нередко грешит откровенными искажениями [2], российское – порой уходит в сторону не всегда корректных упрощений.

В мире де-факто победившего политического реализма и прагматизма, где господствуют экономические и военно-политические инструменты воздействия, такая ситуация, казалось бы, и не является критичной. Тем более что в целом вьетнамская политическая система воспринимается многими в качестве брата-близнеца китайской. Однако звучащие в адрес Пекина (и не только) обвинения в подрыве западных демократий [3] не позволяют списать идеологическое измерение со счетов. И хотя качественно идеологическая составляющая

отношений в современной мировой политике заметно отличается от таковой в период холодной войны, ее значение по-прежнему велико. И если уж Китай, как нередко заявляется, влияет на западные политические системы, то возникает закономерный вопрос о степени его влияния на схожую политическую систему своего южного соседа.

Настоящая статья – попытка ответить на этот вопрос и восполнить обозначенный выше пробел в научном знании.

СОЧЕТАНИЕ НЕСОЧЕТАЕМОГО И АСИММЕТРИЯ

Изучение влияния КПК на КПВ невозможно без краткого обзора двустороннего взаимодействия.

Вьетнам и Китай связывают тесные торгово-экономические отношения. По итогам кризисного 2020 г. двусторонний товарооборот вырос на 14% и достиг 116.9 млрд долл. США (вьетнамский экспорт – 41.4 млрд долл., импорт 75.5 млрд долл.) [4]. Пекин является важнейшим торговым партнером Ханоя, на его долю приходится почти четверть всего вьетнамского товарооборота. При этом почти треть ввозимой в СРВ продукции поступает именно из КНР. Существенная ее часть в той или иной степени обрабатывается и отправляется на экспорт в другие страны, благодаря чему в целом внешняя торговля Вьетнама выглядит сбалансированной. Однако подобная ситуация дает Китаю существенный рычаг давления на своего соседа.

Примечательно, что при наличии альтернативных источников финансирования СРВ не спешит привлекать инвестиции из КНР. По их объему Китай стоит на 7-м месте (18.5 млрд долл. США в рам-

ках 3123 проектов), уступая, к примеру, Гонконгу (25.7 млрд долл. — 5-е место) и Тайваню (33.7 млрд долл. — 4-е место) [5].

В культурном плане народы двух стран также весьма тесно связаны, что обусловлено их тысячелетним сосуществованием (в том числе порой в рамках одного государства).

Однако идеологическая и культурная близость, а также экономическая взаимосвязанность не означают отсутствия серьезных разногласий. В целом в иерархии приоритетов и КНР, и СРВ ставят на первое место национальные интересы, а уж затем — идеологию. Не углубляясь в историю двусторонних противоречий, в качестве примера достаточно упомянуть так называемую первую социалистическую войну — вооруженный конфликт между Пекином и Ханоем в 1979 г. Двусторонние отношения были нормализованы лишь в начале 1990-х, а в 1999 г. генеральные секретари КПК и КПВ приняли так называемую директиву из 16 золотых иероглифов. В ней было зафиксировано стремление развивать отношения на основе четырех принципов — “хорошие соседи, хорошие друзья, хорошие товарищи, хорошие партнеры” [6].

Наиболее серьезным раздражителем в двусторонних связях на сегодняшний день являются споры вокруг принадлежности островов и акватории Южно-Китайского моря, время от времени ставящие государства на грань нового конфликта. С учетом того, что перспективы их урегулирования остаются довольно призрачными, лидеры двух стран придерживаются линии на отделение проблематики территориальных споров от всего комплекса успешного развивающихся двусторонних отношений [7].

Для стороннего наблюдателя подобное сочетание несочетаемого может показаться невозможным. По мнению Г.М. Локшина, указанный парадокс в отношениях можно объяснить особенностями конфуцианской этики, в рамках которой объединение противоположностей является обычным делом [8]. Взаимодействие между Пекином и Ханоем развивается по формуле “сильный ждет уважения и почтительности к себе, а слабый не жалеет для этого слов, но ждет, что и его автономность будет соблюдаться” [8]. Подробно модель контактов двух государств с несопоставимыми потенциалами описал Б. Уомак, опиравшийся в своих работах как раз на пример вьетнамо-китайских отношений [9]. По его мнению, такие отношения являются на удивление устойчивыми и не ведут к поглощению слабого сильным.

АНАЛИЗ ПАРТИЙНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Вьетнам и Китай наряду с Лаосом, КНДР и Кубой по-прежнему декларируют цель строитель-

ства социализма. Руководящие роли в СРВ и КНР играют местные коммунистические партии — КПВ и КПК соответственно. Высшими органами являются партийные съезды, а между ними — центральные комитеты партии.

Важно, что структуры партийно-государственного управления были сформированы Ханоем и Пекином на основе советской модели. Эта на первый взгляд непримечательная деталь уже свидетельствует о том, что вьетнамскую политическую систему нельзя назвать производной от китайской. Более того, если смотреть на вопрос с хронологической точки зрения, то вьетнамское государство с руководящей ролью компартии (ДРВ) было создано в 1945 г., а китайское — на 4 года позднее. Справедливым будет считать их системы параллельными ветвями одного дерева. Вполне очевидно при таком подходе, что эти ветви обладают набором весьма схожих черт, однако и не лишены различий.

В первую очередь это прослеживается в уставах партий, которые не только определяют партийную организацию, но и в целом описывают долгосрочные ориентиры развития двух стран [10, 11]. Так, преамбулы уставов едины в оценке роли партий — они названы авангардом рабочего класса, народа и нации (КПК добавляет также роль “руководящего ядра строительства социализма с китайской спецификой”). Обе партии руководствуются идеями марксизма-ленинизма. КПК — также “идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, идеями тройного представительства, научной концепцией развития, идеями Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи”. КПВ — “идеологией Хо Ши Мина”. С учетом того, что идеи “тройного представительства” и “научной концепции развития” прочно ассоциируются с двумя другими лидерами КНР — Цзян Цзэмином и Ху Цзиньтао, напрашивается вывод о большей персонифицированности китайской партийной идеологии.

Хотя идеи Мао Цзэдуна и Хо Ши Мина были во многом близкими — оба руководителя адаптировали марксизм-ленинизм к реалиям Китая и Вьетнама середины прошлого века, в частности делали ставку на крестьянство, а не на пролетариат, — между ними нельзя ставить знак равенства. “Идеология Хо Ши Мина” была сформулирована и вошла в основные партийные документы только в начале 1990-х годов, под ней скрываются не столько мысли самого архитектора современного Вьетнама, сколько официальная идеология КПВ, основанная кроме всего прочего на традиционной вьетнамской и конфуцианской системах ценностей. К ней же относится и признание достижений политики “обновления”, многократно упоминаемой в уставе, — реформ по либерализации экономической системы, запущенных в 1986 г.

В заслугу партиям ставятся создание независимых социалистических государств, успешная борьба с иностранными захватчиками и колониализмом. КПК и КПВ заявляют о конечной цели строительства коммунизма, не конкретизируя его сроки. При этом идеологи КПК признают, что страна находится на начальной стадии социализма, путь до которого займет не меньше 100 лет. Схожи и заявляемые в уставах задачи – модернизация, повышение качества жизни, проведение реформ в сторону большей открытости, борьба с коррупцией. Декларируются одинаковые внешнеполитические цели – мир, развитие и процветание, а также ключевые принципы внешней политики – уважение суверенитета, территориальной целостности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода. Интересно, что в уставе КПК среди министерств отдельно прописана партийная организация только министерства обороны, в уставе КПВ – еще и министерства общественной безопасности.

Более нюансированные взгляды партийно-государственного руководства прослеживаются в документах съездов и пленумов партий [12, 13]. Последний XIX Съезд Компартии Китая состоялся в октябре 2017 г., а в октябре 2020 г. состоялся 5-й Пленум ЦК КПК 19-го созыва, который, нарушая традиции предыдущих пятых пленумов, затрагивал широкий круг вопросов, не ограничиваясь экономическим развитием. Основные мысли этих двух важнейших для партийно-государственной жизни страны событий можно резюмировать следующим образом.

Зафиксированы ключевые задачи на перспективу. Так, к стратегическим задачам отнесены строительство среднезажиточного общества к 100-летию юбилею Компартии (2021 г.) и превращение в модернизированную социалистическую державу к 100-летию юбилею КНР (2049 г.) (осуществление в основном социалистической модернизации к 2035 г. и реализация формулы “богатая и могущественная, демократическая и цивилизованная, гармоничная и прекрасная модернизированная социалистическая держава”). Примечательно, что в отличие от предыдущих “экономических” пленумов на последнем не были обозначены целевые показатели по темпам роста.

Кроме того, повторены и глобальные (отчасти философские) цели – осуществление китайской мечты о великом возрождении китайской нации и создание Сообщества единой судьбы человечества.

К проблемам отнесены неравномерность развития, его низкое качество, незадействованный инновационный потенциал, негативные последствия для экологии. В этой связи подчеркнута необходимость повышения качества экономического

роста, отмечена тесная взаимосвязь между вопросами развития, безопасности и экологии. В качестве нового драйвера роста, необходимого для повышения уровня жизни граждан, обозначено расширение внутреннего потребления. Отдельно прописана задача экоцивилизационного строительства, подразумевающего бережное отношение к окружающей среде. По-прежнему актуальны для Китая такие темы, как развитие потенциала деревни и наращивание человеческого капитала.

Как можно судить по документам, продолжился процесс централизации власти Председателя КНР Си Цзиньпина [14]. В частности, стало понятно, что он останется руководить государством и после XX Съезда, а в формулировках партийных идеологов к нему примеряют те же эпитеты, что ранее использовались только с именем Мао Цзэдуна.

Определенные параллели можно провести и с итогами XIII Съезда Компартии Вьетнама, который завершился в феврале 2021 г. Самое очевидное сходство – продление сроков полномочий действующих руководителей, причем даже вопреки партийным правилам. Так, для Нгуен Фу Чонга и Нгуен Суан Фука были сделаны исключения, касающиеся предельного возраста нахождения на высших государственных постах, одновременно принято решение о выдвижении кандидатуры Нгуен Фу Чонга на должность руководителя партии на третий срок (уставом введено ограничение в виде двух сроков).

До недавних пор в научно-экспертном сообществе также рассуждали еще об одном сходстве с китайской системой – совмещении постов Генерального секретаря ЦК КПВ и Президента Вьетнама, которые ранее, в отличие от китайской схемы, традиционно оставались отдельными. В 2018 г. после кончины действующего президента Чан Дай Куанга Генсек ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг совместил эти должности до следующего съезда. Теперь же президентом избран упомянутый Нгуен Суан Фук, трудившийся до этого главой правительства. Как пишет А. Ффорде, Вьетнам, учитывая негативный опыт КПСС, опасается чрезмерной концентрации власти [15]. По мнению австралийского исследователя К. Тайера, принятые кадровые решения свидетельствуют о курсе партии на преемственность и стабильность [16]. Не стремятся в Ханое и увековечивать вклад тех или иных лидеров в партийных документах – такой чести, как уже было сказано выше, удостоился только Хо Ши Мин.

При этом, вопреки сложившемуся на Западе стереотипу [16], пост президента СРВ вряд ли можно назвать церемониальным. Достаточно упомянуть, что в случае объявления войны, согласно Конституции СРВ, именно он является верховным главнокомандующим, а в партийно-государствен-

ной иерархии президент занимает второе место — после лидера партии и перед премьер-министром. В мирное время в его ведении находится широкий круг вопросов внешней политики, а также вопросов обороны и безопасности.

Если посмотреть на материалы XIII Съезда КПВ [17], то найдется немало параллелей с “северным соседом”. Цели развития весьма близкие — как по своей сути и срокам, так и с точки зрения самой логики целеполагания. К 50-летию юбилею освобождения Юга и объединения страны (2025 г.) Вьетнам, будучи развивающейся страной с модернизирующейся промышленностью, должен войти в среднюю группу государств со средним уровнем ВВП на душу населения. К 100-летию юбилею Компартии Вьетнама (2030 г.) — стать развивающейся страной с современной промышленностью, войти в верхнюю группу государств со средним уровнем ВВП на душу населения. К 100-летию юбилею Августовской революции (1945 г.) — стать развитой страной с высоким уровнем ВВП на душу населения. В целом же провозглашены строительство рыночной экономики социалистической ориентации и реализация формулы “богатый народ, сильная страна, справедливое и демократическое общество”. По мнению В.Н. Колотова, съезд Компартии Вьетнама принял решение сохранить предыдущий курс, доказавший свою эффективность [18]. В его основе — прагматичный выбор инструментов исходя из складывающихся обстоятельств.

Обозначены и конкретные целевые показатели по темпам роста на пятилетний период. ВВП должен увеличиваться в среднем на 6.5–7% ежегодно, ВВП на душу населения достиг к 2025 г. 4700–5000 долл. США, безработица — оставаться на уровне меньше 4%. При этом на цифровую экономику должно приходиться 20% ВВП, в сельском хозяйстве должно быть занято не больше четверти населения. Эти показатели выглядят вполне реальными с учетом того, что средний рост ВВП в 2016–2020 гг. составил 6%, а в 2020 г., несмотря на пандемию коронавируса нового типа, — 2.9%. По прогнозам Всемирного банка, экономика СРВ в 2021 г. вырастет на 6.8%, по оценкам *HSBC* — на 7.6% [19].

Весьма близки и проблемные узлы, с которыми столкнулись государства. Приоритетными названы реформирование системы управления и обеспечение качественного роста экономики, ее модернизация. Будет продолжено формирование деревни нового типа и наращивание человеческого потенциала, в том числе за счет “укрепления духа и морали”. Подчеркнута первостепенная важность защиты окружающей среды и противодействия изменению климата.

В международном блоке вопросов отмечены сложная и трудно предсказуемая внешняя обста-

новка, усиление конкуренции великих держав, появление новых угроз, связанных с так называемой четвертой промышленной революцией. Примечателен акцент на эффективное включение национальной экономики в глобальные производственно-логистические цепочки (а не на развитие внутреннего рынка) и в целом активное участие в процессах международной интеграции. В отличие от “северного соседа” Ханой ожидаемо не претендует на выдвижение глобальных инициатив.

Особое внимание уделено проблематике борьбы с коррупцией. Выступая на съезде, министр общественной безопасности То Лам отнес коррупцию к трем наиболее серьезным угрозам национальной безопасности, подчеркнув, что она ведет к снижению доверия граждан [20]. Важно отметить, что в последние годы во Вьетнаме была запущена мощная антикоррупционная кампания, сопоставимая по размаху с проводящейся в Китае. Ярким примером можно назвать ситуацию с бежавшим в Германию партийным функционером Чинь Суан Тханем, который был похищен спецслужбами СРВ в центре Берлина и в итоге осужден в Ханое.

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Анализ партийных документов Вьетнама и Китая показывает их близость, но отнюдь не идентичность. Страны зачастую сталкиваются с похожими проблемами и с учетом родственности социально-экономических систем выбирают похожие инструменты их решения.

Определенным образом способствует движению двух систем в одном направлении небольшой временной лаг проведения реформ. Так, китайские экономические преобразования были запущены в 1978 г., а вьетнамские — только спустя 8 лет. Несмотря на то что в тот период двусторонние отношения были осложнены камбоджийской проблемой и официальные контакты не поддерживались, Ханой при разработке политики “обновления” ориентировался в том числе и на опыт Пекина. Другим ориентиром были новые индустриальные страны Азии [21]. На вооружение была взята идея о либерализации экономической сферы в целях создания экспортно ориентированной модели.

Разумеется, происходящие в соседней стране процессы были серьезным подспорьем — можно было на практике смотреть, к чему приводят те или иные решения в рамках близкой социально-экономической модели. Неудивительно, что часть внутренних преобразований и событий в последние десятилетия происходит сначала в Китае, а потом с теми или иными местными особенностями повторяется во Вьетнаме. Ярким примером являются запущенные с разницей в несколько лет антикоррупционные кампании.

Аналогичная картина складывается и в других сферах. Так, обе страны столкнулись с попытками иностранного влияния на внутривнутриполитические процессы. В итоге в политическую терминологию – сначала КНР, потом СРВ – вошло понятие “мирной эволюции”, под которым фактически подразумевается понятная для русскоязычных читателей “цветная революция”.

Вместе с тем о прямом заимствовании китайских схем говорить не приходится. Во-первых, простое копирование опыта КНР/КПК в принципе невозможно в силу различающихся масштабов, национальных особенностей и внешнего окружения. Во-вторых, даже если бы оно и было возможным, у Ханоя нет ресурсов для комплексного воспроизведения принимаемых Пекином мер. В этой связи критическое осмысление проводимых Компартией Китая преобразований является для Компартии Вьетнама жизненной необходимостью. Неслучайно в СРВ действует разветвленная сеть исследовательских центров по КНР, изучающих в том числе китайский опыт партийного строительства и реформ [22]. Кроме того, даже если некоторые заимствования и происходят, то в публичной сфере об этом говорить не принято в силу чувствительности вопроса о независимости внутри- и внешнеполитического курса Вьетнама.

Примечательно, что во вьетнамской научной литературе сравнительный анализ политических систем двух стран практически отсутствует. Не принято и критиковать проводимые соседом реформы, заявлять о преимуществе собственной системы. Происходит скорее наоборот. Бывший директор Института исследований Китая профессор До Тиен Сам в своей статье, посвященной XIX Съезду КПК, отмечает, что Компартии Китая в течение четырех десятилетий реформ удается находить наиболее подходящие способы строительства социализма в меняющихся исторических условиях [23]. При этом, по его мнению, Вьетнам, “будучи соседом и обладая многими схожими особенностями”, уважает выбор КПК в пользу строительства социализма с китайской спецификой. Как подчеркивается, Вьетнам и Китай изучают опыт друг друга – как теоретический, так и практический, обмениваются наилучшими практиками реформ. Все это, по словам ученого, вносит существенный вклад в мировое коммунистическое движение.

Авторитетный вьетнамский научный журнал “Политическая теория”, издаваемый Государственной политической академией им. Хо Ши Мина, на постоянной основе исследует среди прочего вопросы адаптации идей марксизма-ленинизма к современным условиям и проблематику межгосударственных отношений. Показательно, что и он избегает обсуждений партийно-государственного

устройства Китая. “Теоретические” публикации преимущественно посвящены идеологии Хо Ши Мина и ее трансформации в реалиях сегодняшнего дня [24]. Рассуждая на эти темы, некоторые авторы исходят из того, что политика “обновления” является исключительно вьетнамским изобретением, в принципе не рассматривая возможное влияние соседних стран [25]. Утверждается, что в 1980-е годы в СССР и странах Восточной Европы идеи марксизма-ленинизма находились в кризисе, а предпринятые Компартией Вьетнама меры помогли не только этот кризис преодолеть, но и преуспеть в деле строительства социализма [26].

Логично, что предметное обсуждение тех или иных вопросов идеологии имеет место в ходе регулярных межпартийных вьетнамо-китайских контактов. Так, налажены прямые связи между ведущими отделами центральных комитетов компартий двух стран, региональными органами власти, научно-исследовательскими центрами. Действуют пятилетние программы сотрудничества между КПВ и КПК. Однако в силу сложившейся в обеих странах политической культуры содержание таких встреч не придается огласке.

Как уже было отмечено, Вьетнам в своей политике руководствуется в первую очередь идеями прагматизма. Исходя из этого, политическая система может испытывать некоторое влияние не только Китая, но и других крупных зарубежных партнеров, развитие отношений с которыми представляется Ханую перспективным. В этом контексте обращают на себя внимание более мягкие, по сравнению с китайскими, формулировки официальных вьетнамских документов по вопросам, носящим для западных стран, в первую очередь США, принципиальный характер. К примеру, если в партийных докладах КНР прямо говорится о противодействии “буржуазной либерализации”, то вьетнамские лидеры используют более аккуратные безадресные фразы о борьбе с попытками “мирной эволюции”.

* * *

Китай обладает впечатляющим набором инструментов влияния на своего южного соседа. Однако схожесть политических систем двух государств в этом плане вряд ли может считаться наиболее весомым из них.

Безусловно, Ханой скрупулезно изучает, критически осмысливает и активно использует опыт китайских экономических и политических реформ. В частности, справедливо будет утверждать, что партийно-государственное руководство Вьетнама при проведении крупнейших преобразований последних десятилетий напрямую ориентировалось на успешный опыт своих китайских коллег. Одна-

ко, во-первых, это не было слепым копированием, во-вторых, воспроизводились только те реформы, которые показали свою эффективность и в проведении которых был заинтересован сам Ханой.

В этом контексте Компартия Вьетнама, конечно, находится в орбите идейно-теоретического влияния Компартии Китая, перенимая опыт китайских товарищей в деле адаптации марксизма-ленинизма к текущим реалиям. Другой вопрос,

в какой степени политика современного Вьетнама определяется идеологией. Как представляется, роль идеологии пусть и остается заметной, но значительно уступает роли национальных интересов и прагматичных взглядов. При этом развитая сеть межпартийных контактов используется сторонами в качестве дополнительного и взаимовыгодного канала коммуникации по широкому кругу вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Vietnam-China Relations. *The Diplomat*, 13.03.2021. Available at: <https://thediplomat.com/tag/vietnam-china-relations/> (accessed 05.05.2021).
2. Thayer C. Sino-Vietnamese Relations: The Interplay of Ideology and National Interest. *Asian Survey*, 1994, vol. 34, no. 6, pp. 513-528. DOI: <https://doi.org/10.2307/2645338>
3. China Is Gnawing at Democracy's Roots Worldwide. *Foreign Policy*, December 18, 2020. Available at: <https://foreignpolicy.com/2020/12/18/china-democracy-ideology-communist-party/> (accessed 05.05.2021).
4. *Thống kê hải quan 2020*. Tổng cục Hải quan, Bộ Tài chính Việt Nam. [*Customs Statistics 2020*. General Department of Customs, Ministry of Finance of Vietnam (In Viet.)] Available at: <https://www.customs.gov.vn/Lists/ThongKeHaiQuan/Default.aspx> (accessed 19.04.2021).
5. *Báo cáo tình hình đầu tư trực tiếp nước ngoài năm 2020*. Bộ kế hoạch và đầu tư. [*Report on Foreign Direct Investment Situation in 2020*. Ministry of Planning and Investment of Vietnam (In Viet.)] Available at: <http://www.mpi.gov.vn/Pages/tinbai.aspx?idTin=48566&idcm=208> (accessed 19.04.2021).
6. Новакова О.В. Вьетнам и Китай: притяжение и отталкивание. Морская дипломатия в Тонкинском заливе. 1991–2019. *Азия и Африка сегодня*, 2017, № 10, сс. 41-45. [Novakova O.V. V'etnam i Kitai: prityazhenie i ottalkivanie. Morskaya diplomatiya v Tonkinskom zalive. 1991–2019 [Vietnam and China: Attraction and Repulsion. Maritime Diplomacy in the Gulf of Tonkin. 1991–2019]. *Asia and Africa Today*, 2017, no. 10, pp. 41-45.] DOI: <https://doi.org/10.31857/S032150750011110-3>
7. Нархова Е.И. О современных подходах Вьетнама к урегулированию споров в Южно-Китайском море. *Проблемы Дальнего Востока*, 2018, № 6, сс. 57-64. [Narkhova E.I. O sovremennykh podkhodakh V'etnama k uregulirovaniyu sporov v Yuzhno-Kitaiskom more [Modern Approaches of Vietnam to Dispute Resolution in the South China Sea]. *Far Eastern Affairs*, 2018, no. 6, pp. 57-64.] DOI: <https://doi.org/10.31857/S013128120002688-7>
8. Локшин Г.М. Вьетнамо-китайские отношения: тирания географии и здравый смысл. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2013, № 21, сс. 77-100. [Lokshin G.M. V'etnamo-kitaiskie otnosheniya: tiraniya geografii i zdravyy smysl [Vietnam-China Relations: Tyranny of Geography and Common Sense]. *Southeast Asia: Actual problems of Development*, 2013, no. 21, pp. 77-100.]
9. Womack B. *Asymmetry and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 244 p.
10. Điều lệ Đảng (do Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XI của Đảng thông qua). *Báo điện tử Đảng Cộng sản Việt Nam* [Party Charter (passed by the XI National Party Congress). *Online newspaper of the Communist Party of Vietnam* (In Viet.)] Available at: <https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/van-kien-tu-lieu-ve-dang/dieu-le-dang/dieu-le-dang-do-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xi-cua-dang-thong-qua-3431> (accessed 19.04.2021).
11. Constitution of the Communist Party of China Revised and Adopted at the 19th National Congress of the Communist Party of China. *Xinhua*, October 24, 2017. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/download/Constitution_of_the_Communist_Party_of_China.pdf (accessed 19.04.2021).
12. Full Text of Xi Jinping's Report at 19th CPC National Congress. *Xinhua*, November 3, 2017. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/special/2017-11/03/c_136725942.htm (accessed 19.04.2021).
13. Communique of 5th Plenary Session of 19th CPC Central Committee Released. *Xinhua*, October 29, 2020. Available at: http://xinhuanet.com/english/2020-10/29/c_139476194.htm (accessed 19.04.2021).
14. Денисов Е.И. *Горизонты развития Китая. Пятый пленум ЦК КПК* [Denison E.I. *Gorizonty razvitiya Kitaya. Pyatyi plenium TsK KPK* [China's Development Horizons. Fifth Plenum of the CPC Central Committee]] Youtube, December 2, 2020. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=s5AYnMZBnq8> (accessed 19.04.2021).
15. Fforde A. The VCP Internal Policy and Possible Legacies of the VCP–CPSU Relationship: Some Hypotheses. *The Russian Journal of Vietnamese Studies. Series 2*, 2020, no. 2, pp. 18-27. DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10012
16. Thayer C. *Vietnam's 13th National Party Congress: Exceptional and Unprecedented*. Australian Institute of International Affairs, February 4, 2021. Available at: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/vietnams-thirteenth-national-party-congress-exceptional-and-unprecedented/> (accessed 19.04.2021).
17. Báo cáo chính trị của Ban Chấp hành Trung ương Đảng khoá XII tại Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII của Đảng. *Báo điện tử Đảng Cộng sản Việt Nam*. [Political Report of the Party Central Committee term XII at the XIII National Congress of the Party. *Online newspaper of the Communist Party of Vietnam* (In Viet.)] Available at: <https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/van-kien-tu-lieu-ve-dang/bao-cao-chinh-tri-cua-ban-chap-hanh-trung-uong-dang-khoa-xii-tai-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xiii-cua-dang>

- dangcongsan.vn/ban-chap-hanh-trung-uong-dang/dai-hoi-dang/lan-thu-xiii/bao-cao-chinh-tri-cua-ban-chap-hanh-trung-uong-dang-khoa-xii-tai-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xiii-cua-3669 (accessed 19.04.2021).
18. Колотов В.Н. Стратегия развития Вьетнама в документах XIII Съезда КПВ. *Вьетнамские исследования. Серия 2*, 2021, № 1, сс. 30-52. [Kolotov V.N. Strategiya razvitiya V'etnama v dokumentakh xiii s'ezda KPВ [The Development Strategy of Vietnam in the Documents of the 13th Congress of the CPV]. *The Russian Journal of Vietnamese Studies. Series 2*, 2021, no. 1, pp. 30-52.] DOI: 10.24411/2618-9453-2021-10002
 19. Построение счастья в отдельно взятой стране. *Коммерсант*, 26.01.2021. [Building Happiness in a Single Country. *Kommersant*, 26.01.2021 (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4662052> (accessed 19.04.2021).
 20. Tham luận của Đoàn đại biểu Đảng bộ Công an Trung ương. *Nhan dan*, 27.01.2021. [Speech of the Central Public Security Party Delegation. *Nhan dan*, 27.01.2021 (In Viet.)] Available at: <https://nhandan.com.vn/tin-tuc-su-kien/tham-luan-cua-doan-dai-bieu-dang-bo-cong-an-trung-uong-633141/> (accessed 19.04.2021).
 21. Мазырин В.М. *Вьетнамская экономика сегодня*. Москва, Форум, 2013. 384 с. [Mazyrin V.M. *V'etnamskaya ehkonomika segodnya* [Vietnamese Economy Today]. Moscow, Forum, 2013. 384 p.]
 22. 杜进森. 越南中国当代史研究的现状与展望. *当代中国史研究*, 2013第5期, 第 111 - 114页. [Du Jinsen. The Status Quo and Prospects of the Study of Contemporary Chinese History in Vietnam. *Contemporary China History Studies*, 2013, no. 5, pp. 111-114 (In Chin.)]
 23. *Những sáng tạo mới về lý luận Chủ nghĩa xã hội đặc sắc Trung Quốc trong Đại hội XIX*. Viện Nghiên cứu Trung Quốc [New Inventions of Chinese Socialism Theory in the XIX Party Congress. Chinese Research Institute (In Viet.)] Available at: <http://vnics.org.vn/Default.aspx?ctl=Article&aID=660> (accessed 19.04.2021).
 24. Eighty-seven Years of the Vietnamese Communist Party's Historical Landmarks. *Political Theory*, May 17, 2017. Available at: <http://lyluanchinhtri.vn/home/en/index.php/theory-research/item/444-eighty-seven-years-of-the-vietnamese-communist-party%E2%80%99s-historical-landmarks.html> (accessed 19.04.2021).
 25. Awareness of Democracy and Democratization Process in Vietnam in the Renovation Period: Actual Situation and Solution. *Political Theory*, June 25, 2020. Available at: <http://lyluanchinhtri.vn/home/en/index.php/theory-research/item/707-awareness-of-democracy-and-democratization-process-in-vietnam-in-the-renovation-period-actual-situation-and-solution.html> (accessed 19.04.2021).
 26. Contributions of the Communist Party of Vietnam to the International Communist and Workers' Movement. *Political Theory*, September 25, 2020. Available at: <http://lyluanchinhtri.vn/home/en/index.php/news-home/item/727-contributions-of-the-communist-party-of-vietnam-to-the-international-communist-and-workers%E2%80%99-movement.html> (accessed 19.04.2021).

**THE IDEOLOGICAL INFLUENCE OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA
ON THE COMMUNIST PARTY OF VIETNAM**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 7, pp. 64-70)

Received 19.04.2020.

Mikhail A. TERSKIKH (mikhail.terskikh@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article focuses on the peculiarities of Vietnam's position in the orbit of the ideological and theoretical influence of China. The author examines the most important party documents of both states, reveals their main similarities and differences. The author concludes that Hanoi scrupulously studies, critically assesses, and actively uses the experience of Chinese economic and political reforms. The party and state leadership of Vietnam, when carrying out major transformations of recent decades, was directly guided by the successful experience of their Chinese colleagues. This led to the situation where today's political systems of Vietnam and China are quite similar, but still are not (and will never be) twin brothers. At the same time, the countries developed a wide network of inter-party contacts which is used not only as an instrument of exchanging views on adapting Marxism-Leninism to current realities, but also as an additional and mutually beneficial channel of communication on a wide range of issues. Despite this, the similarity of the political systems does not necessarily lead to a change in foreign policy. China has an impressive array of tools to influence its southern neighbor, but their ideological closeness is definitely not the most important of them. It is concluded that the role of ideology in Vietnam's policy, although it remains noticeable, is significantly inferior to the role of national interests and pragmatic views.

Keywords: Communist Party of Vietnam, Communist Party of China, CPV, CPC, XIII Congress of the CPV.

About author:

Mikhail A. TERSKIKH, PhD (Politics), Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-64-70

РЕГУЛЯТОРНАЯ АВТОНОМИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2021 г. А. Большаков

*БОЛЬШАКОВ Александр Вячеславович, кандидат экономических наук,
независимый исследователь (alvbolshakov@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 05.11.2020.

Великобритания, добившись суверенитета, рассчитывает обрести регуляторную автономию. Европейский союз стремится ограничить возможности Великобритании устанавливать собственные нормы во всех сферах социально-экономической политики. Британское благополучие зависит от успешности партнерства с ЕС, поэтому Лондону придется согласовывать регуляторную политику с Брюсселем. Площадкой для обсуждения соответствия британских мер нормам Евросоюза станет механизм разрешения споров. В статье исследованы возможности оптимизации устройства этого механизма и проанализированы актуальные проблемы британской регуляторной политики.

Ключевые слова: Великобритания, ЕС, государственное регулирование, автономия, суверенитет, субсидии.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-71-79

В центре внимания исследователей регуляторной политики находятся проблемы согласования норм поведения внутри сложных систем транснациональных коммуникаций. Так, британский ученый Дж. Блэк [1] провела анализ трудностей, которые возникают при интерпретации регуляторных норм, выработанных международными организациями. Споры между их участниками, порождая конфликтующие трактовки одних и тех же норм, с одной стороны, создают препятствия для взаимопонимания, а с другой – стимулируют плодотворную эволюцию иерархий управления организациями. Дж. Блэк констатирует, что полномочия устанавливать нормы зависят не от правовой, а от функциональной легитимности иерархий, от их способности эффективно решать организационные задачи. Т. Бюте и У. Маттли [2] полагают, что условием устойчивости норм, на которые ориентируются при принятии решений субъекты рынка, является совместимость национального режима регулирования и режимов, вырабатываемых глобальными институтами. Причем национальные и глобальные регуляторы дополняют друг друга: чем более четко регламентирована работа национального регулятора, тем успешнее он адаптирует глобальные нормы к институциональной специфике конкретного государства.

Положение, в котором оказалась Британия после выхода из Европейского союза, делает некоторые исследования особенно актуальными. Э. Голберг [3] указывает, что сотрудничество с ЕС по вопросам регулирования, как правило, требует от его партнеров признания главенства европейских стандартов. Это связано с тем, что регулятор-

ная политика Союза изначально сложилась как один из инструментов конвергенции, а затем интеграции суверенных юрисдикций. К. Армстронг [4], исследуя правовой аспект размежевания с Евросоюзом, скептически оценивает шансы Лондона добиться регуляторной автономии от Брюсселя.

В российской научной литературе последствия обретения Британией суверенитета рассмотрены с разных точек зрения. Экономические последствия проанализированы в статьях А.В. Кузнецова [5] и Е.С. Хесина [6], институциональные вопросы рассматривают Л.О. Бабынина [7] и Н.Ю. Кавешников [8]. Политический аспект этого процесса изучен в работах Е.В. Ананьевой [9], К.А. Годованюк [10], О.В. Охошина [11]. Дипломатический потенциал Британии исследован Е.М. Харитоновой [12]. Регуляторной политике ЕС посвящена монография Н.Б. Кондратьевой [13].

В настоящей статье акцент делается на анализе устройства механизма разрешения споров Евросоюза и Великобритании как внешнеэкономических партнеров, каждый из которых претендует на полную регуляторную автономию.

РЕГУЛЯТОРНАЯ АВТОНОМИЯ: РАСХОЖДЕНИЕ ТРАКТОВОК

Рынок Евросоюза является сферой действия общих для всех участвующих в нем государств норм регулирования. Единство правил и стандартов гарантирует однородность конкурентной среды. С точки зрения Британии выход из ЕС должен означать обретение регуляторной автономии, сво-

боды устанавливать собственные нормы во всех областях социально-экономической политики.

Однако в ходе переговоров о будущем партнерстве выяснилось, что Брюссель и Лондон по-разному понимают смысл автономии. В документе, где изложены переговорные позиции Европейского союза относительно формата будущего партнерства [14], подчеркивается первостепенная важность принципа “равенства условий игры” (*level playing field*). Во-первых, стороны должны дать твердые обязательства соблюдать этот принцип и создать механизм разрешения споров, решения которого подлежат исполнению. Во-вторых, ориентирами при выработке норм в сфере государственного субсидирования, конкурентной политики, социальных и трудовых стандартов, экологии и налогообложения должны быть соответствующие стандарты ЕС.

В документе, излагающем переговорные позиции Британии [15], речь идет о приверженности международным стандартам и о готовности ориентироваться на те практики, которые предусмотрены соглашениями о свободной торговле ЕС с Канадой, Японией и Южной Кореей. При этом Лондон не желает ни следовать в фарватере европейских правил, ни использовать формально организованный механизм разрешения споров в сфере субсидирования, конкурентной и налоговой политики.

В целом европейцы трактуют автономию государства-партнера предельно узко — как свободу маневра в рамках, заданных ЕС. Выход Британии за эти пределы будет расцениваться покушением на автономию ЕС. Брюссель исходит из того, что свободное нормотворчество позволит британцам, ослабляя трудовые и экологические стандарты, снижая налоги и субсидируя экспортные компании, повысить конкурентоспособность своих компаний на мировом рынке и привлечь иностранные инвестиции на внутренний рынок. Отклонение от норм Евросоюза сделает британский рынок более притягательным, чем европейский, и позиции последнего в системе международной конкуренции ухудшатся.

Британцы, наоборот, трактуют регуляторную автономию предельно широко — как способность государства самостоятельно упорядочивать экономическую активность, а следовательно, как право отклоняться от норм других юрисдикций. Борис Джонсон подробно разъяснял эту позицию. С одной стороны, он заявлял, что Британия покидает ЕС не для того, чтобы подорвать эффективность европейской системы правил, и что его правительство сохранит приверженность наивысшим стандартам в коммерческой, социальной и экологической сферах [16]. С другой стороны, по словам Джонсона, законы и правила, вводящие те или иные стан-

дарты, вполне могут расходиться с аналогичными европейскими нормами [17]. Джонсон не отрицал важность сотрудничества с ЕС по вопросам регулирования (*regulatory cooperation*), но исключал возможность согласования с ним британских регуляторных норм (*regulatory alignment*) [18].

На практике Лондону, как представляется, не удастся произвольно изменять свою регуляторную политику. Во-первых, условная, нестрогая приверженность Британии принципу “равенства условий игры” лишает Евросоюз мотивации строить отношения с британской стороной на устойчивых основаниях. Во-вторых, как указывает Р. Брайант, выход из ЕС, хотя и означает обретение Великобританией формального суверенитета, не обеспечивает фактической автономии, ибо решение многих проблем не может быть локализовано, а требует координации с Союзом [19].

Поэтому в перспективе борьба Лондона с Брюсселем будет идти не за полную автономию, а за то, чтобы процесс обсуждения соответствия тех или иных британских мер европейским нормам был максимально деполитизирован.

ПОЛИТИЧЕСКИ НЕЙТРАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ

Партнеры, заинтересованные в стабильных отношениях, по возможности исключают ситуации хаотичного политического торга; для разрешения конфликтов они используют рутинные процедуры. Хотя полностью избежать политизации дискуссий невозможно, в некоторых вопросах трудно разобратся иначе, нежели в политически нейтральном, технократическом формате. Проблемы регулирования относятся к числу подобных вопросов.

Инструментом выяснения позиций сторон и упорядочения взаимных обязательств является механизм разрешения споров (*dispute settlement mechanism*). Есть три варианта его построения, изложенные в трех документах: Соглашении о выходе Соединенного Королевства из ЕС [20], проекте текста партнерского соглашения, предложенном ЕС [21], и проекте текста партнерского соглашения, предложенном Британией [22].

Соглашение о выходе Соединенного Королевства из ЕС ввело в действие систему разрешения споров, которая устроена следующим образом. Сначала проблема обсуждается в режиме двухсторонних консультаций в рамках объединенного комитета (*joint committee*), состоящего из представителей сторон под руководством двух сопредседателей, функций которых в настоящее время выполняют британский министр Майкл Гоув и Марош Шефчович, зампредела Еврокомиссии [23].

Затем, если компромисс не достигнут, обсуждение продолжается в арбитражной комиссии (*arbitration panel*). Если стороны в течение трех месяцев не смогут согласовать кандидатуры арбитров, тогда по запросу одной из сторон и после консультаций с обеими сторонами состав арбитражной комиссии определяет Постоянная палата третейского суда в Гааге. Когда спорный вопрос требует для своего разрешения интерпретации тех или иных положений права ЕС, арбитражная комиссия отправляет запрос в Суд ЕС, после чего последний выносит решение, обязательное к исполнению. Если спор не требует участия Суда ЕС, арбитражная комиссия принимает решение самостоятельно. По результатам вердикта арбитража либо происходит примирение сторон, либо одна из сторон соглашается выплатить компенсацию, соразмерную нанесенному ею ущербу, либо, в случае неуплаты компенсации, сторона-истец может временно приостановить выполнение части соглашения.

Проект текста партнерского соглашения, предложенный Евросоюзом [21], предполагает создание Совета партнерства (*partnership council*) под двойным председательством члена Еврокомиссии и представителя британского правительства уровня министра. Разрешение спора начинается с консультаций, причем Совет партнерства в ходе этого процесса пользуется аналитической поддержкой, во-первых, Парламентской ассамблеи партнерства (*parliamentary partnership assembly*) – форума членов Европарламента и Парламента Соединенного Королевства, а во-вторых, британской и европейской консультативных групп (*domestic advisory groups*), куда должны войти представители гражданского общества – неправительственных организаций, бизнес-ассоциаций, профсоюзов. Затем, если консультации ни к чему не привели, создается арбитражная комиссия (*arbitration tribunal*), которая действует так же, как аналогичный орган, созданный Соглашением о выходе. Арбитраж подчиняется решениям Суда ЕС в сфере его юрисдикции и может назначать штрафы, в случае неуплаты которых пострадавшая сторона вправе приостановить выполнение части своих обязательств в рамках соглашения.

В документе, предложенном Британией [22], описана похожая согласительная процедура. Однако есть существенная разница. Во-первых, для Суда ЕС вообще не предусмотрено роли. Во-вторых, единственная мера воздействия на сторону, не выполняющую решение арбитража, – это приостановка выполнения части обязательств по соглашению (например, отмена беспошлинного ввоза товаров); выплата компенсации не предусмотрена. В-третьих, британцы не хотят, чтобы все без исключения аспекты отношений с партнерами попадали под действие механизма разрешения

споров, – они полностью отвергают использование этого механизма при обсуждении проблем дивергенции норм регулирования в таких областях, как конкурентная политика, налоговая политика, средства торговой защиты, сотрудничество в сфере защиты интеллектуальной собственности, а также государственное субсидирование.

Видно, что взгляды британцев и европейцев на то, как должен быть устроен согласительный механизм, сильно различаются. Хотя им и удалось достичь консенсуса в рамках Соглашения о выходе, предусмотренный в нем механизм охватывает лишь ограниченный круг тем. А та конфигурация механизма, которая возникнет по итогам всеобъемлющего партнерского соглашения ЕС и Британии, скорее всего, не будет оптимальной ни для одной из сторон: слишком несхожи заявленные ими переговорные позиции.

Однако можно в виде теоретической схемы (рис.) представить механизм, который в наибольшей степени соответствовал бы по своему дизайну интересам обоих партнеров. В основе этой идеализации лежит допущение, что обе стороны выиграют, если каждая из них получит возможность предложить свою процедуру для разрешения определенного круга проблем. Тогда в рамках единого механизма возникнет не одна общая, а две альтернативные процедуры разрешения споров.

При таком подходе позиция ЕС [21], будучи более политизированной, должна возобладать при создании процедуры для разрешения политически сложных вопросов. Во-первых, тех, которые возникли и обросли правовыми трудностями в бытность Британии частью европейского сообщества, то есть составляющих предмет Соглашения о выходе: проблем потенциально кризисных территорий – Северной Ирландии, Гибралтара, Кипра; прав британских и европейских граждан, живущих в Европе и в Британии соответственно; сложностей урегулирования британских обязательств перед бюджетом ЕС. Во-вторых, тех, которые станут источниками политического несогласия в будущем, таких как дележ рыболовных ресурсов, координация сотрудничества по вопросам безопасности, а также в правоохранительной, социальной, миграционной, транспортной и энергетической сферах. Эта процедура предусматривает участие представителей парламента, гражданского общества и, главное, Суда ЕС.

Позиция Британии [22], более коммерчески ориентированная, должна возобладать при решении экономических проблем – торговых, инвестиционных и тех, что связаны с конкурентной политикой и практикой субсидирования. Эта политически нейтральная процедура не предусматривает участия ни парламентариев, ни представителей

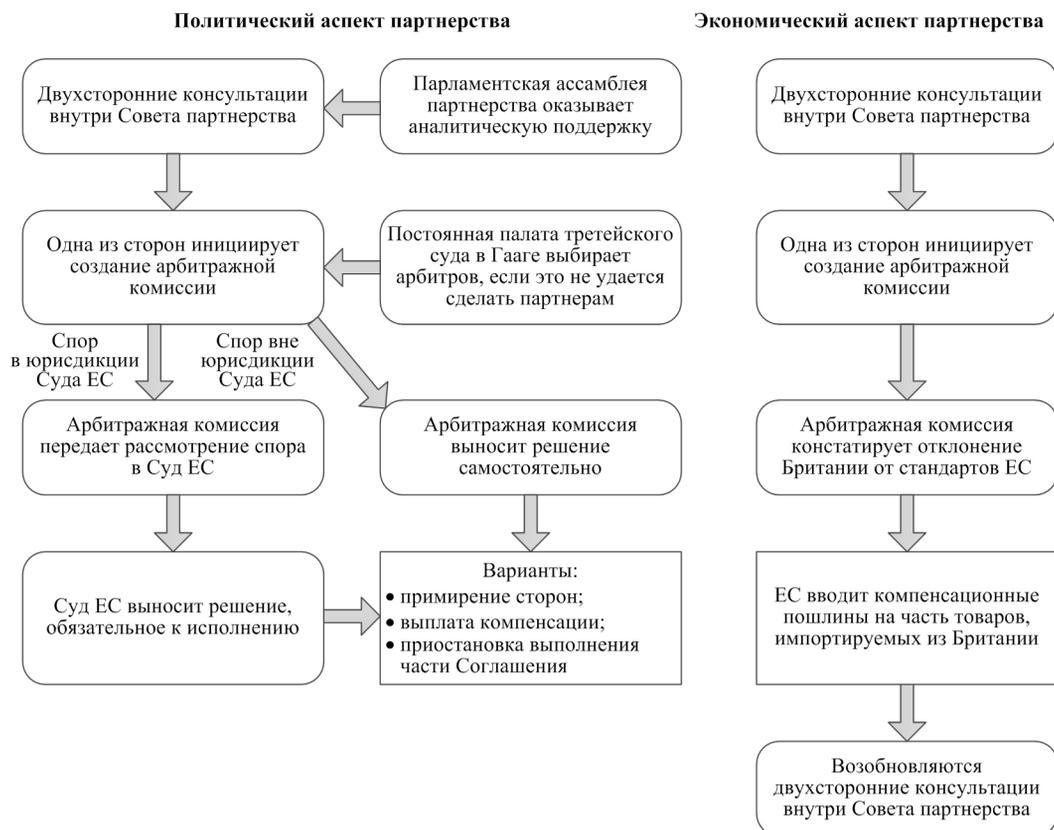

Рис. Механизм разрешения споров между ЕС и Великобританией: теоретическая схема

Составлено автором.

гражданского общества, ни Суда ЕС. Принцип ее работы таков: если арбитражная комиссия решит, что отклонение британской экономической политики в какой-либо области от стандартов Евросоюза вредит европейской конкурентоспособности, тогда ЕС вправе возместить ущерб, введя компенсационные пошлины на часть товаров, импортируемых из Британии. Конечно, в этом случае Лондону придется согласиться с правом Брюсселя периодически оказывать на него экономическое давление, но такова цена регуляторной свободы.

РЕГУЛЯТОРНАЯ ЭКСПАНСИЯ ЕС

Вышеописанная теоретическая схема наделяет Британию специально огороженной нишей, где ее регуляторные инициативы, хотя и не избавлены от риска европейских штрафных мер, по крайней мере, защищены от надзора Суда ЕС. Но в реальности у Евросоюза, по мнению некоторых аналитиков, есть возможность распространить свою юрисдикцию на все без исключения аспекты партнерских отношений.

К. Армстронг [4] предполагает, что Брюссель, проецируя свой регуляторный режим вовне, сконструирует партнерское соглашение с Британией

таким образом, что у нее не будет возможности отстоять автономию. Это может быть достигнуто благодаря обильному включению в соглашение наиболее прогрессивных норм международных организаций. Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение между ЕС и Канадой (*Comprehensive Economic and Trade Agreement, CETA*) насыщено подобного рода положениями. Например, оно содержит обязательство сторон внедрять новые нормы об охране окружающей среды по мере их выработки в рамках международных соглашений. Вероятно, европейско-британский договор, как и *CETA*, инкорпорирует международные стандарты ВТО, ОЭСР, Международной организации труда и других структур. Опора обеих сторон сделки на внешние нормы должна способствовать сближению регуляторных режимов, и против этого у Британии нет оснований возражать. Особенность ситуации в том, что нужна инстанция, которая оценивала бы соответствие европейских и британских норм регулирования международным нормам. По мнению К. Армстронга [24], ЕС захочет присвоить себе роль арбитра в данном вопросе и сумеет настоять на том, чтобы именно европейское право было ориентиром для определения того, какие меры являются нарушениями международных

стандартов, торговыми барьерами и препятствиями для свободной конкуренции, а какие – нет.

Рассуждения К. Армстронга убедительны. Действительно, Британия долго была частью Евросоюза, следовательно, она имеет тот же опыт правовой экспертизы, что и континентальные государства. Поэтому в момент заключения партнерского соглашения Лондон не может опираться на иную систему правовых понятий, нежели европейская.

С точки зрения Л. Гонсалеса-Гарсии [25], если британцы согласятся включить в итоговое соглашение принцип “равенства условий игры” в европейской трактовке, то это будет означать косвенное признание Лондоном юрисдикции Суда ЕС по всем спорным делам.

ГОСПОДДЕРЖКА: ПОЗИЦИЯ ЕС И АМБИЦИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Из всех сюжетов, связанных с проблемами регулирования, наибольшее беспокойство ЕС вызывает стремление Британии оговорить для себя самостоятельность в области государственной поддержки экономической активности [26]. Согласно определению, используемому британским Министерством бизнеса, энергетики и промышленной стратегии, господдержка – это практика предоставления избранному кругу организаций субсидий, ссуд, налоговых льгот и прав пользования государственным имуществом на выгодных условиях. Получатели такой помощи имеют преимущества, которых лишены их конкуренты [27]. Использование денег налогоплательщиков для компенсации провалов рынка – суверенное право государства. Поэтому свобода действий в этой сфере имеет для Лондона первостепенное значение.

Соединенное Королевство, по данным 2018 г., потратило на господдержку 8.2 млрд евро, то есть 0.34% ВВП, это более чем в 2 раза меньше средне-европейского показателя (0.76%) [28]. При этом траты Франции чуть выше среднего уровня – 0.79% (18.4 млрд евро), а траты Германии значительно его превысили, достигнув 1.45% ВВП (48.75 млрд евро). Общее число поддержанных проектов в Британии равнялось 142, во Франции – 162, а в Германии – 644. Примечательно, что за последние два десятилетия Еврокомиссия принудительно корректировала британскую политику субсидирования лишь в четырех случаях, против Франции такие меры применялись 29 раз, а против Германии – 67 [29].

Сдержанность Британии в вопросах субсидирования в прошлом свидетельствует в пользу предположения, что и в будущем риск серьезных нарушений невелик. Как пишет С. Ашервуд, британское правительство отстаивает право отклоняться от европейских норм не для того, чтобы

активно им пользоваться, а из стремления быть свободным от сковывающих обязательств [30].

Однако автономия Соединенного Королевства в этом аспекте уже ограничена Соглашением о выходе из ЕС, а именно тем его разделом, который посвящен проблеме североирландской границы. Статья 10 североирландского протокола постулирует [20], что в отношении всех британских мер господдержки, которые влияют на торговлю между Северной Ирландией и Союзом, должны применяться нормы, перечисленные в приложении 5 к протоколу. В указанном приложении перечислены нормы права ЕС, регулирующие сферу господдержки. Согласно п. 4 ст. 12, надзор за исполнением положений североирландского протокола, касающихся господдержки, должны осуществлять институты Евросоюза, в том числе Суд ЕС. По мнению Дж. Перетца и А. Артли, это означает, что решение любого британского ведомства по выделению помощи организации, работающей в любой точке страны, будет поднадзорно Еврокомиссии, если такая помощь потенциально может повлиять на североирландскую торговлю [31]. Например, английские или шотландские предприятия получают налоговые льготы и в результате смогут поставлять свою продукцию на североирландский рынок по более низкой цене, чем их европейские конкуренты; тогда эти льготы подлежат предварительной проверке на предмет соответствия европейскому регламенту господдержки. Следовательно, британское правительство обязано уведомлять Еврокомиссию о своих планах предоставить предприятиям помощь подобного рода.

Таким образом, особый статус Северной Ирландии – фактор, гарантирующий зависимость Лондона от брюссельских инстанций. Впрочем, в рамках нового партнерского соглашения стороны, возможно, найдут другой способ решения североирландской проблемы. А пока этого не произошло, по мнению Дж. Веббера, Лондон может нейтрализовать негативные правовые последствия действия североирландского протокола, приняв закон, запрещающий британскому регулятору уведомлять Еврокомиссию о фактах субсидирования организаций, находящихся за пределами Северной Ирландии [32].

Согласно Закону о выходе из ЕС [33], после окончания транзитного периода европейская нормативно-правовая база, регулирующая господдержку, будет инкорпорирована в британское законодательство. Но за каким органом будет закреплена функция мониторинга и контроля – вопрос, который правительство Джонсона долгое время оставляло без ответа.

Правительство Терезы Мэй подготовило проект Регламента мер господдержки [34]. В случае при-

нения этого подзаконного акта британским регулятором, вместо Еврокомиссии, должно было стать Управление по защите конкуренции и рынкам (*Competition and Markets Authority*). Предполагалось, что его задачей, помимо контроля соблюдения правил на внутреннем рынке, будет согласование изменений (*dynamic alignment*) британских правил субсидирования в посттранзитный период с европейскими правилами, тоже эволюционирующими. Однако этот регламент не был одобрен парламентом.

Весной 2020 г. Министерство бизнеса, энергетики и промышленной стратегии, реагируя на запрос одного из подкомитетов Палаты лордов, дало понять, что Британия может обойтись вообще без регулятора в области субсидирования [35]. Доминик Каммингс, главный советник премьер-министра, посчитал [36], что у правительства всегда есть возможность вмешаться, если то или иное решение о субсидировании будет идти вразрез с экономическим курсом; для этого не обязательно вести сплошной мониторинг мер. Наличие же независимого регулятора, чьи полномочия четко определены законом и который обязан соблюдать прозрачность процедуры надзора, ограничит свободу властей оперативно предоставлять нужную бизнесу помощь.

Отказ от создания независимого от Даунинг-стрит регулятора и резервирование полномочий в сфере господдержки непосредственно за правительством — шаги в том направлении, которое наметил в ходе предвыборной кампании 2019 г. Борис Джонсон. Он обещал, что Британия будет проводить собственную политику господдержки, без оглядки на Брюссель [37]. При выработке этой политики за основу решено взять не европейский режим регулирования, а правила ВТО [38]. Согласно переговорной позиции Британии [15], Лондон готов уведомлять Брюссель о случаях выделения субсидий, но только постфактум, раз в два года. Если одна из сторон видит в тех или иных мерах угрозу конкуренции, она вправе начать процесс консультаций. Этот процесс, однако, должен происходить неформально, вне механизма разрешения споров.

Данная позиция далека от видения ЕС [14], который ожидает от Британии заимствования и адаптации на своей почве европейских правил. Возможности отклонения от них не предусмотрено. Это, в частности, значит, что любые субсидии, отсутствующие в перечне ранее разрешенных Еврокомиссией схем поддержки, должны будут сначала

получать одобрение у регулятора. Причем британский регулятор, независимый от правительства, должен работать в тесном контакте с ЕК, а любые разногласия между сторонами должны преодолеваться через механизм разрешения споров.

Оптимальным способом примирения радикально различных позиций мог бы стать вариант, намеченный в вышеописанной теоретической схеме (рис.): Британия берет за основу своего режима субсидирования правила ЕС, но имеет право отклоняться от них. Если она пользуется правом на отклонение, то ЕС может по своему усмотрению вводить компенсационные пошлины на британские товары или временно приостанавливать соблюдение той или иной части партнерского соглашения. Можно прогнозировать, что чем дальше от оптимального варианта будет фактический формат регулирования господдержки в рамках партнерской сделки между ЕС и Британией, тем менее надежными и долговечными окажутся договоренности в сфере субсидирования.

В целом можно сделать вывод, что позиция правительства Джонсона по вопросам государственной поддержки бизнеса вообще не предполагает создания полноценного режима регулирования. Это чревато для Лондона рядом осложнений. Во-первых, отказ от создания независимого британского регулятора порождает вакуум контроля в сфере выдачи субсидий, что делает невозможным поддержание стабильных регуляторных норм. Правила, введенные законодательно, но не подкрепленные процедурой постоянного мониторинга и информента, не будут работать. Во-вторых, эта ситуация ставит Британию в уязвимое, неустойчивое положение в отношениях с ЕС. Брюссель получает возможность постоянно давить на Лондон, указывая на невозможность гарантировать британскому бизнесу свободный доступ на европейский рынок из-за неупорядоченности британских практик субсидирования, потенциально разрушительных для конкурентной среды.

Вопросы регуляторной политики, актуальные сейчас для Великобритании, не могут быть прояснены до конца в ходе переговоров с Евросоюзом. Партнерское соглашение, каким бы всеохватным оно ни было, не снимет всех проблем. Эффективность улаживания споров всякий раз будет зависеть от текущей динамики британско-европейских отношений. В перспективе максимум, чего может добиться Лондон, — это ограниченная регуляторная автономия в рамках, устанавливаемых Брюсселем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Black J. “Says Who?” Liquid Authority and Interpretive Control in Transnational Regulatory Regimes. *International Theory*, 2017, vol. 9 (2), pp. 286–310. Available at: <https://doi.org/10.1017/S1752971916000294> (accessed 04.11.2020).
2. Büthe T., Mattli W. *The New Global Rulers: The Privatization of Regulation in the World Economy*. Princeton, Princeton University Press, 2013. 320 p.
3. Golberg E. *Regulatory Cooperation – a Reality Check*. HARVARD Kennedy School, April 2019. Available at: https://www.hks.harvard.edu/sites/default/files/centers/mrcbg/img/115_final.pdf (accessed 04.11.2020).
4. Armstrong K. Regulatory Autonomy after EU Membership – Alignment, Divergence and the Discipline of Law. *European Law Review*, 2020, no. 45 (2), pp. 207–221. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3593482> (accessed 04.11.2020).
5. Кузнецов А.В. Брекзит: исторический ракурс. *Экономические аспекты Брекзита*. Москва, Институт Европы РАН, 2017, сс. 51–71. [Kuznetsov A.V. Brekzit: istoricheskii rakurs [Brexit: a historical perspective]. *Ekonomicheskie aspekty Brekzita* [Brexit economic aspects]. Moscow, Institut Evropy RAN, 2017, pp. 51–71.]
6. Хесин Е. Великобритания: изменение экономического ландшафта. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 11, сс. 5–14. [Khesin E. Velikobritaniya: izmenenie ekonomicheskogo landshafta [UK: economic landscape change]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 11, pp. 5–14.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-5-14>
7. Бабынина Л.О. Деевропеизация или демонтаж: как будут строиться отношения ЕС и Великобритании. *Современная Европа*, 2020, № 3, сс. 5–15. [Babynina L.O. Deevropeizatsiya ili demontazh: kak budut stroit'sya otnosheniya ES i Velikobritanii [De-Europeanization or Dismantling: Prospects of the EU-UK Relations]. *Contemporary Europe*, 2020, no. 3, pp. 5–15.] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320200515>
8. Кавешников Н.Ю. Некоторые последствия Врехит для развития Европейского союза. *Вестник МГИМО-Университета*, 2016, № 6 (51), сс. 24–30. [Kaveshnikov N.Yu. Nekotorye posledstviya Brexit dlya razvitiya Evropeiskogo soyuza [Some Implications of Brexit for EU Development]. *MGIMO Review of International Relations*, 2016, no. 6 (51), pp. 24–30.]
9. Ананьева Е.В. Брекзит: причины, политический фон, последствия. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2017, № 10 (6), сс. 98–119. [Ananieva E.V. Brexit: prichiny, politicheskii fon, posledstviya [Brexit: Reasons, Political Background, Consequences]. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 2017, no. 10 (6), pp. 98–119.] DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-6-98-119>
10. Годованюк К.А. “Глобальная Британия” в преддверии брекзита. Москва, Институт Европы РАН, 2020. 160 с. [Godovanyuk K.A. “Global'naya Britaniya” v preddverii brekzita [“Global Britain” in the run-up to Brexit]. Moscow, Institut Evropy RAN, 2020. 160 p.] DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report62020_373 Available at: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/373.pdf> (accessed 04.11.2020).
11. Охошин О.В. Проблема североирландской границы: “ящик Пандоры” для Великобритании и ЕС. *Пути к миру и безопасности*, 2019, № 1 (56), сс. 34–46. [Okhoshin O.V. Problema severoirlandskoi granitsy: “yashchik Pandory” dlya Velikobritanii i ES [The problem of Northern Ireland border: Pandora’s box for Great Britain and the EU]. *Pathways to Peace and Security*, 2019, no. 1 (56), pp. 34–46.] Available at: <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-1-34-46>
12. Харитоновна Е.М. “Мягкая сила” Великобритании. Москва, ИМЭМО, 2018. 139 с. [Kharitonova E.M. “Myagkaya sila” Velikobritanii [The soft power of the United Kingdom]. Moscow, IMEMO, 2018. 139 p.] Available at: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2018/2018_23.pdf (accessed 04.11.2020). DOI:10.20542/978-5-9535-0542-0
13. Кондратьева Н.Б. *Европейский союз: становление единого рынка*. Институт Европы РАН, Москва, 2017. 142 с. [Kondratyeva N.B. *Evropeiskii soyuz: stanovlenie edinogo rynka* [European Union: Formation of a Single Market]. Institut Evropy RAN, Moscow, 2017. 142 p.] Available at: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/346.pdf> (accessed 04.11.2020).
14. *Directives for the Negotiation of a New Partnership with the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland*. Council of the European Union. 25.02.2020. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/42736/st05870-ad01re03-en20.pdf> (accessed 04.11.2020).
15. *The Future Relationship with the EU: The UK’s Approach to Negotiations*. HM Government, February 2020. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/868874/The_Future_Relationship_with_the_EU.pdf (accessed 04.11.2020).
16. *Prime Minister Boris Johnson’s speech in Greenwich*. Prime Minister’s Office. 03.02.2020. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-in-greenwich-3-february-2020> (accessed 04.11.2020).
17. *Prime Minister’s letter to President Donald Tusk*. Prime Minister’s Office, 19.08.2019. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/826166/20190819_PM_letter_to_His_Excelency_Mr_Donald_Tusk.pdf (accessed 04.11.2020).
18. *UK/EU relations: Boris Johnson’s written statement*. UK Parliament. 03.02.2020. Available at: <https://www.parliament.uk/business/publications/written-questions-answers-statements/written-statement/Commons/2020-02-03/HCWS86/> (accessed 04.11.2020).
19. Bryant R. Brexit: Make Hard Choices but don’t Confuse Sovereignty with Autonomy. *Brookings*, 21.12.2018. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2018/12/21/brexit-make-hard-choices-but-dont-confuse-sovereignty-with-autonomy/> (accessed 04.11.2020).

20. *Agreement on the Withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community*. 24.01.2020 (signed). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1580206007232&uri=CELEX%3A12019W/TXT%2802%29> (accessed 04.11.2020).
21. *Draft text of the Agreement on the New Partnership with the United Kingdom*. European Commission. 18.03.2020. Available at: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/200318-draft-agreement-gen.pdf> (accessed 04.11.2020).
22. *Draft UK-EU Comprehensive Free Trade Agreement*. HM Government. 27.02.2020. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/886010/DRAFT_UK-EU_Comprehensive_Free_Trade_Agreement.pdf (accessed 04.11.2020).
23. *Meetings of the EU–UK Joint and Specialised Committees under the Withdrawal Agreement*. European Commission. Available at: https://ec.europa.eu/info/european-union-and-united-kingdom-forging-new-partnership/eu-uk-withdrawal-agreement/meetings-eu-uk-joint-and-specialised-committees-under-withdrawal-agreement_en#meetingsofthejointcommittee (accessed 04.11.2020).
24. Armstrong K. Can the EU and UK agree the Rules of a Future Relationship? *LSE Brexit blog*, 10.02.2020. Available at: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2020/02/10/long-read-its-the-autonomy-stupid-can-the-eu-and-uk-agree-the-rules-of-a-future-relationship/> (accessed 04.11.2020).
25. González-García L. UK-EU Trade Negotiations: The Level Playing Field. *UCL Europe Blog*, 12.02.2020. Available at: <https://ucluropeblog.com/2020/02/12/uk-eu-trade-negotiations-the-level-playing-field/> (accessed 04.11.2020).
26. Brunnsden J., Foster P., Pickard J. UK must reveal state-aid plan to unblock Brexit talks, EU warns. *Financial Times*, 28.06.2020. Available at: <https://www.ft.com/content/cc23c73e-88e2-4c60-b2bf-36b241b5a101> (accessed 04.11.2020).
27. *State aid: guidance*. UK Department for Business, Energy & Industrial Strategy, 10.07.2015. Available at: <https://www.gov.uk/guidance/state-aid> (accessed 04.11.2020).
28. *State aid Scoreboard 2019*. European Commission, 2019. Available at: https://ec.europa.eu/competition/state_aid/scoreboard/state_aid_scoreboard_2019.pdf (accessed 04.11.2020).
29. UK–EU future relationship: level playing field. *The Institute for Government*, 17.02.2020. Available at: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/explainers/future-relationship-level-playing-field> (accessed 04.11.2020).
30. Usherwood S. The EU’s mandate for the Future Partnership. *The UK in a Changing Europe*, 26.02.2020. Available at: <https://ukandeu.ac.uk/the-eus-mandate-for-the-future-partnership/> (accessed 04.11.2020).
31. Peretz G., Artley A. State aid under the Northern Ireland Protocol. *Tax Journal*, 11.05.2020. Available at: https://www.monckton.com/wp-content/uploads/2020/05/GP-AAR-TJ_2020_Issue1487_May_Peretz.pdf (accessed 04.11.2020).
32. Webber J. All Change? UK State Aid after Brexit. *Politeia*, 2020. Available at: <https://www.politeia.co.uk/wp-content/uploads/2020/12/02%20James%20Webber%20All%20Change%20State%20Aid%20All%20Change%20UK%20State%20Aid%20after%20Brexit%20-%20What%20Law%20What%20Courts%20%20James%20Webber.pdf> (accessed 04.11.2020).
33. *European Union (Withdrawal) Act 2018*. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/16/contents> (accessed 04.11.2020).
34. *The State Aid (EU Exit) Regulations 2019 (draft)*. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukdsi/2019/9780111178768> (accessed 04.11.2020).
35. Letter to the House of Lords Internal Market Sub-Committee. *Department for Business, Energy & Industrial Strategy*, 15.05.2020. Available at: <https://committees.parliament.uk/publications/1381/documents/12714/default/> (accessed 04.11.2020).
36. Foster P., Pickard J. Cummings Leads Push for light-touch UK state-aid regime after Brexit. *Financial Times*, 27.07.2020. Available at: <https://www.ft.com/content/e29430c7-9dae-440e-8093-74f705ce62c3> (accessed 04.11.2020).
37. Boris Johnson backs looser state aid rules after Brexit. *Financial Times*, 29.11.2019. Available at: <https://www.ft.com/content/e46f977e-12b5-11ea-a7e6-62bf4f9e548a> (accessed 04.11.2020).
38. Conservative Plans to Replace the UK State aid regime. *UKSALA*, 18.12.2019. Available at: <https://uksala.org/conservative-plans-to-replace-the-uk-state-aid-regime/> (accessed 04.11.2020).

REGULATORY AUTONOMY OF GREAT BRITAIN: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 7, pp. 71-79)

Received 05.11.2020.

Alexander V. BOLSHAKOV (alvbolshakov@gmail.com),

Sovereignty does not imply regulatory autonomy. After Brexit, the UK should align its regulatory policy with European norms, if it is interested in close partnership with the EU. Compromises must be made by both sides in order to ensure stability of the partnership. The EU will have to acknowledge the UK's right to diverge from European rules. Britain will have to partly accept the jurisdiction of the European Court of Justice. The structure of dispute settlement mechanism which will be created under the partnership agreement should be a product of a compromise. The present study shows that optimal structure of dispute settlement mechanism must include two different procedures: one for political issues and the other for commercial issues. The central role for the European Court of Justice must be envisaged as a part of politically oriented procedure. There must be no role for the European Court of Justice or any

other EU institutions under the commercially oriented procedure. The former procedure reflects desire of the European Union to set the pace of political communication. The latter reflects the interest of Great Britain to simplify economic relations, which means that, firstly, disputes are resolved by independent arbiters; secondly, the EU acknowledges the UK's right to diverge from European regulations; and thirdly, the UK accepts the EU's right to impose countervailing duties to compensate for adverse effects of divergence on competition. This article also examines the main problems of future British regulatory policy, especially in the field of state aid. Boris Johnson's government has decided not to form a full-fledged regulatory regime in the area of state aid. Its stance is politically appropriate since Conservative party manifesto for the 2019 general election promised to support local industries without limitations. But that decision created a great deal of economic risk. Firstly, the absence of a domestic subsidy control regulator can cause chaos within regulation system because workable norms and rules can only be sustained by a tight enforcement mechanism. Secondly, the EU can cite lack of subsidy control as an obstacle for British business to have unrestricted access to the European market.

Keywords: Great Britain, European Union, government regulation, autonomy, sovereignty, subsidies.

About author:

Alexander V. BOLSHAKOV, Candidate of Economics, Independent Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-71-79

БЕЛЬГИЯ НА ПУТИ К КОНФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2021 г. Т. Зверева

*ЗВЕРЕВА Татьяна Вадимовна, доктор политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, РФ, 119021 Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1;
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20
(tatyana.zvereva@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 15.01.2021.

В статье проанализированы причины и основные направления трансформации бельгийской федерации и политической системы Бельгии. Выявлены факторы как способствующие, так и препятствующие постепенному "дрейфу" страны в направлении конфедеративного устройства. Развивающаяся децентрализация позволяет минимизировать издержки поэтапного разделения двух основных общностей, населяющих Бельгию, вместе с тем создавая условия для дальнейшего углубления раскола. Пандемия *COVID-19* способствовала кристаллизации указанных противоречивых тенденций, не препятствуя их дальнейшему развитию.

Ключевые слова: Бельгия, федерация, конфедерация, Фландрия, Валлония, децентрализация, европейская интеграция.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-80-88

Среди многонациональных европейских стран Бельгийское королевство занимает особое место. Королевство Бельгии в 1994 г. из унитарного в федеративное государство стало, безусловно, значительной, но далеко не последней вехой в трансформации бельгийского государственного устройства, которая продолжается и сегодня. Перспективы такой эволюции, как и ее отдаленные последствия, до конца не ясны. Парадоксальным образом, несмотря на крупные политические кризисы последнего времени, эта относительно небольшая страна Европы продолжает демонстрировать высокие темпы роста экономики и остается донором Европейского союза. С учетом изменений, переживаемых политической системой Бельгии, представляется интересным обратиться к комплексному рассмотрению данной проблематики, заострив внимание на анализе причин и основных направлений трансформации Бельгийской федерации, а также на выявлении факторов, усугубляющих или, наоборот, сдерживающих развитие раздельных тенденций в стране.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Специфика исторического, экономического и культурного развития предопределила разделение Королевства Бельгии на две основные части – франкоязычную Валлонию и говорящую на нидерландском языке Фландрию, создав основу для федерализации и дальнейшего формального разделения двух культурно-лингвистических общностей страны [1]. Земли, входящие сегодня в состав

единой Бельгийской федерации, изначально отличались друг от друга по своему ландшафту – если Север был равнинным, благоприятным для земледелия, открытым морским просторам пространством, то Юг – замкнутым и гористым. Местные племена испытывали на себе влияние культур различных европейских народов. Будущую Бельгию не обошли стороной и религиозные расколы, из-за которых северные земли оказались населенными в основном протестантами, тогда как на юге доминировали католики.

В 1830 г. Бельгия, получив независимость от Нидерландов, впервые обретает собственную правосубъектность и становится централизованным государством с монархической формой правления. Единственным государственным языком признается французский, несмотря на то что подавляющее большинство в королевстве составляли не только франкоязычные валлоны, но и говорящие по-нидерландски фламандцы. Характер такого государственного устройства был обусловлен прежде всего недавним сильным влиянием Франции, а также разрывом в уровнях социально-экономического развития между Фландрией и Валлонией в пользу последней [2, сс. 256-259].

За годы существования единого бельгийского государства происходило постепенное изменение соотношения сил между двумя крупнейшими частями Бельгии, создавая основу для пересмотра системы языкового и административного доминирования франкофонов. После окончания Второй мировой войны эти тенденции начали

проявляться особенно активно. Причинами крупнейших перемен стал упадок угольной, сталелитейной промышленности и тяжелой металлургии Валлонии вследствие перехода на другие виды сырья и новые энергоносители, а также создания в 1951 г. Европейского объединения угля и стали. Ощутимый удар по этим отраслям Валлонии был нанесен мировым энергетическим кризисом 1973–1975 гг. В отличие от франкофонной провинции экономика Фландрии в послевоенный период стала чувствовать себя лучше, чем до войны. Важную роль в экономическом развитии этой области Бельгии сыграли вторые по значению северные морские ворота Европы – порт Антверпен, через который в соответствии с планом Маршалла в Западную Европу потекли товары из США, а также американские капиталы, привлеченные благоприятным инвестиционным климатом и относительно дешевой тогда рабочей силой. К 1970 г. Фландрия превзошла по уровню дохода на душу населения сначала Валлонию, а в 1988 г. – самый развитый бельгийский регион – Брюссель [3].

Выдвинувшись на передовые экономические позиции в стране, Фландрия все активнее требовала не только культурно-лингвистического равноправия, но и перехода от унитарного к федеративному государственному устройству, что и было реализовано в 1994 г. В дальнейшем разрыв между развитым Севером (Фландрией) и застойным Югом (Валлонией) продолжал увеличиваться. Промышленность Валлонии в полной мере испытала на себе негативные последствия глобализации – переноса предприятий в страны с дешевой рабочей силой (в 1990-е годы происходило массовое закрытие автомобильных заводов). При этом в Валлонии сохранялись относительно высокие зарплаты и развитые социальные программы. В условиях обострения мировой конкуренции 1990-х годов данный фактор препятствовал притоку капиталов в этот франкофонный регион [3]. В то же время во Фландрию, особенно в ее припортовые области с развитой логистической системой и соответствующей инфраструктурой, пришли ТНК, что подстегнуло рост экономики. В 1990–2010-е годы доля Фландрии в обрабатывающей промышленности Бельгии держалась на уровне 70%, тогда как Валлонии – всего 22–25%. Доля Фландрии в общем объеме финансовых операций составляла 30–35%, тогда как Валлонии – чуть больше 12%. Абсолютное лидерство в сфере финансовых услуг сохранял за собой третий бельгийский регион, Брюссель, являясь “столицей” ЕС и НАТО. На него приходилось от 53 до 57% национального финансового рынка и 20% ВВП [3]. В 2014 г. производительность труда в Валлонии была на 20% ниже, чем во Фландрии, а безработица – в 2 раза выше. Особое значение имели не количественные, а качественные

различия экономических характеристик двух регионов: если во Фландрии безработица носила циклический и, соответственно, временный характер, то в Валлонии речь шла о структурной безработице, сокращение которой невозможно без значительных реформ [4].

Необходимо отметить, что с начала XXI в. в Валлонии предпринимаются попытки исправить сложившиеся дисбалансы. Так, принято решение адаптировать местную экономику к требованиям глобализации, все больше встраивая ее в мировые технологические и производственные цепочки, в том числе взяв курс на создание кластеров высокотехнологических компаний, главным образом вокруг университетов. Дополнительные средства направляются на развитие человеческого капитала, научные исследования, поддержку “зеленой” экономики. Внимание также уделяется автосборочным предприятиям, для этого снижены ввозные пошлины на запчасти. Валлония, расположенная в центре европейского континента на пересечении многих скоростных дорог и железнодорожных путей, постепенно становится транспортным хабом – там создано шесть мульти-транспортных узлов. Помимо всего прочего запланировано снижение ставки корпоративных налогов для привлечения дополнительных инвестиций. В целом Валлония стремится больше ориентироваться на внешние рынки, теснее сотрудничать с развитым Брюсселем, а также укреплять торгово-экономические связи с соседними областями Франции и Люксембурга [3]. Этот курс позволил улучшить экономические показатели Валлонии, в то время как во Фландрии эксперты отмечают некоторое экономическое замедление, объяснимое новыми вызовами глобализации (переходом к цифровой экономике, старением населения и дефицитом квалифицированной рабочей силы) [3]. Однако полностью переломить уже сложившиеся тенденции пока не удалось: по темпам роста ВВП Фландрия продолжает опережать Валлонию [4], что служит основой для дальнейшего развития фламандского сепаратизма, способствуя усилению тенденции к разделению страны.

ЭВОЛЮЦИЯ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА БЕЛЬГИИ

Преобразование Бельгии под давлением фламандских националистических движений из унитарного централизованного государства в федерацию в результате принятия в 1994 г. Конституции и последовавшие за этим конституционные реформы предопределили высокую степень сложности бельгийского федеративного устройства. Непрерывный характер реформирования, ограничивающего полномочия центральных органов власти

и расширяющего региональные компетенции, стимулирует дальнейшее разъединение, актуализируя переход от федерации к конфедерации.

Сложность федеративного устройства Бельгии обусловлена его двойным, асимметричным, диссоциативным, импровизационным характером [5]. Двойной характер бельгийского федерализма — следствие разделения государства как по лингвистическому, так и по территориальному признакам, причем культурно-лингвистическое деление страны не полностью совпадает с территориальным. Наряду с центральными органами власти важную роль играют три региона (Валлония, Фландрия и обладающий особыми правами Брюссельский столичный регион (БСР)) и три национальных сообщества (фламандцы — 55% населения, валлоны — 35%, немецкоязычные бельгийцы — 10%). Валлонский регион включает в себя пять провинций, представляющих как франкофонное, так и немецкоязычное сообщество. Фламандский регион также состоит из пяти провинций, которые с 1980 г. одновременно являются нидерландоязычным сообществом. При этом у сообществ франкофонов и фламандцев нет своих собственных территорий. Оба основных сообщества (фламандцы и франкофоны) обладают компетенциями в БСР, административное устройство которого остается самым сложным. Каждый регион и каждое сообщество имеют собственные парламенты и правительства. Исключением является Фландрия, где с 1980 г. интересы региона и фламандского сообщества представлены одним общим парламентом и общим правительством. Иначе говоря, кроме центральных институтов власти в Бельгии одновременно существуют еще пять независимых друг от друга парламентов и правительств [6, р. 72].

Асимметричный характер федеративного устройства Бельгии обусловлен наделением административных единиц одного уровня компетенциями, которые не совпадают между собой. В современной Бельгии нет двух одинаковых регионов или сообществ. Причем права, переданные тому или иному региону, не совпадают с теми, которые были делегированы сообществу. С течением времени асимметрия, возникшая после превращения государства в федерацию, не только не сглаживается, но, наоборот, усиливается [5]. Каждая из шести конституционных реформ предполагала передачу новых полномочий от центра к регионам. Процесс их перераспределения носит постоянный характер и регулируется переговорами. В результате разные территориальные единицы имеют только те конкретные полномочия, о которых им удалось договориться с центром, и существенно отличаются друг от друга.

В отличие от большинства других федеративных государств, возникших благодаря слиянию

различных земель и для этого передавших полномочия на общегосударственный уровень, в Бельгии сложился так называемый диссоциативный федерализм, основой которого является не собирание территорий, а, напротив, их разделение, или диссоциация. Государство проводит децентрализацию и постепенно отказывается от своего суверенитета, передавая его федеративным субъектам [5]. В результате современная Бельгия, будучи по Конституции 1994 г. федерацией, по сути уже имеет черты конфедерации. Так, например, в стране не существует совместных полномочий центра и регионов, каждая ветвь власти проводит свою собственную политику, и все остальные не могут вмешиваться в этот процесс. Федеральные единицы пользуются полной автономией и, за исключением БСР, имеют внутренний суверенитет и несут финансовую ответственность. Между регионами и федеральными институтами отсутствует прямая иерархия. Сейчас практически невозможно внести какое-либо предложение на федеральном уровне, которое не было бы поддержано обеими основными языковыми группами. Конфедеративное начало проявляется и в том, что даже в сфере международных отношений компетенции регионов и сообществ более значительны, чем полномочия федеральных властей в некоторых странах [7].

Немаловажно также, что в Бельгии федерализация, означающая децентрализацию и диссоциацию, носит характер постоянно протекающего, импровизационного процесса. В других государствах, объединившихся из разных частей в единое целое, как правило, структура федеративного государства фиксируется сразу и мало меняется со временем. В отличие от них бельгийская федеративная система крайне подвижна и находится в состоянии постоянной эволюции, что само по себе — источник неопределенности. Еще большую долю непредсказуемости вносит то, что конечная цель этой эволюции не установлена, то есть нет четкого предварительного плана или дорожной карты, поэтому не вполне ясно, куда приведет этот процесс. Реформы проводятся во многом как своеобразный экспромт в ответ на возникающие трудности и политические проблемы, требующие безотлагательного решения [5].

Анализ специфики Бельгийской федерации был бы неполным без упоминания факторов, тормозящих переход от федерации к конфедерации, как и в целом развитие разъединительных тенденций. Нельзя, однако, не отметить, что их значение со временем постепенно уменьшается. Объединительную функцию выполняют некоторые центральные государственные структуры, среди которых особое место занимает Сенат. Вместе с тем реформа 2011 г. лишила этот государственный орган ряда важных полномочий, благодаря

которым он играл роль полноправной высшей палаты парламента, представлявшей интересы регионов и сообществ [8]. Ожидается дальнейшее сокращение его компетенций в связи с тем, что ряд фламандских политических партий выступает за полное упразднение Сената под предлогом экономии госбюджета и оптимального отправления демократии [9]. Консолидирующими нацию правами облечен король Бельгии, который, в отличие от большинства современных монархов Европы, непосредственно участвует в управлении государством [2, сс. 264–269]. Однако и его властные компетенции находятся под угрозой если не полного упразднения, то существенного сокращения по требованию фламандских националистических партий. Сдерживающим разделению страны фактором служит и сама по себе сложная конструкция федеративного устройства Бельгии, которую трудно формально полностью разъединить на отдельные части, о чем, например, свидетельствует многокомпонентный этнический состав БСР. Наконец, фактором, препятствующим диссоциации, остается участие Бельгии в европейском интеграционном процессе.

Однако объединяющее страну начало постепенно размывается под влиянием проводимых конституционных реформ. Бельгийская административная машина носит сложный, громоздкий характер, а вся система находится в состоянии постоянной трансформации при передаче полномочий из центра в регионы. Разделение Бельгии на две общности – фламандскую и валлонскую – не только сохраняется, но и углубляется за счет постоянного процесса реформирования. С одной стороны, децентрализация, развивающаяся как ответ на обострение межнациональных противоречий, позволяет политическим элитам частично контролировать весь процесс и минимизировать, по мере возможности, издержки конфликта интересов для населения страны. С другой стороны, реформирование не снимает с повестки дня проблему сепаратизма, а наделяет регионы и сообщества все новыми правами, одновременно урезая компетенции центральных властей. Каждая конституционная реформа создает основу для следующего перераспределения полномочий, причем, как правило, никто из участников переговоров не бывает полностью удовлетворен в своих требованиях, что становится триггером последующей трансформации [5, с. 115]. Тем самым создаются предпосылки для дальнейшего взаимного обособления двух общностей.

Ответ на вопрос о перспективах этой эволюции остается открытым. Пока не вполне ясно, будет ли создана полноценная конфедеративная система и на этом разъединение будет остановлено, или же конфедерация станет очередным этапом на пути

к окончательному разделению страны. Нельзя полностью исключать и такой вариант развития событий, при котором начнется откат назад, к воссозданию федерации и расширению полномочий центра при сокращении компетенций регионов и сообществ, однако очевидно, что на данном этапе вероятность такого сценария крайне мала.

ОСОБЕННОСТИ БЕЛЬГИЙСКОЙ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Сложный, постоянно эволюционирующий характер бельгийского федерализма ослабляет политическую систему страны, провоцируя политические кризисы, что в свою очередь стимулирует диссоциацию. За последние полтора десятилетия трижды Бельгия в течение длительного времени была лишена полноценного правительства (в 2007–2008 гг. – в течение девяти месяцев, в 2010–2011 гг. – 543 дня, 2018–2020 гг. – более 600 дней), что дает возможность фламандским националистическим партиям вновь и вновь инициировать дальнейшую децентрализацию.

В настоящее время не существует общенациональной партии, которая могла бы объединить страну. Линия раздела, проходящая между регионами и сообществами, углубляется в связи с расколом между фламандцами и франкофонами не только по этническому и языковому признакам, но и по социально-экономическим вопросам. Главными драйверами конфликта остаются фламандские правые националистические партии – умеренный и частично ориентированный на ЕС Новый фламандский альянс (НФА) и более радикальный Фламандский интерес (ФИ) [10], которые, продвигая идею независимости Фландрии, стремятся привлечь внимание общества к кризисному состоянию, в котором находится бельгийская централизованная политическая система [7]. Эти партии доказывают, что в настоящее время формирование правительства в Бельгии – сложная, трудновыполнимая задача, решение которой растягивается на долгие месяцы. Как НФА, так и ФИ выступают за дальнейшую либерализацию экономики, структурные реформы, усиление поддержки предпринимательского класса, за отказ от наращивания социальных расходов. Их основная мысль заключается в том, что динамично развивающаяся Фландрия не должна “за свой счет” содержать “депрессивный, пребывающий в упадке” регион Валлонии, чему, с их точки зрения, якобы может способствовать сохранение нынешней централизованной системы управления страной.

Правые фламандские партии выступают мотором перераспределения компетенций от центральных властей к регионам. Добившись с помощью принятия поправок к Конституции передачи

в регионы новых компетенций, фламандские националисты сразу начинают кампанию в пользу дальнейшей децентрализации, выступая за следующую конституционную реформу. ФИ высказывается за немедленное разделение страны, тогда как для НФА переход к конфедерации, состоящей из Фландрии и Бельгии, должен проходить постепенно. Конфедерация рассматривается как важнейший шаг по направлению к постепенной полной независимости Фландрии. Для этого продвигается идея седьмой конституционной реформы с целью перехода к конфедерации в качестве важного шага по направлению к полной самостоятельности фламандского региона [11].

Правые националистические партии ведут планомерную политику, направленную на сокращение полномочий всех объединяющих страну институтов. Они высказываются в пользу полной отмены монархии, объявляя ее устаревшей, требуют дальнейшего ограничения полномочий Сената, выступают за наделение Фландрии более широкими международными полномочиями, а также за включение в Конституцию страны положения о проведении референдумов, надеясь одержать победу, поскольку фламандцы составляют большинство жителей Бельгийской федерации.

НФА и ФИ смогли добиться большой популярности во Фландрии [10], однако их представители вынуждены учитывать, что идея полного разделения государства не поддерживается другими политическими силами Бельгии. Все это заставляет НФА и ФИ маневрировать, не теряя тем не менее из виду основную цель – создания конфедерации и в дальнейшем предоставления независимости Фландрии. Для этого правые фламандские партии проявляют гибкость, выступая за поэтапное продвижение вперед, и стремятся привлечь союзников [7].

Дополнительным катализатором противоречивых политических процессов, развивающихся в стране, стала пандемия *COVID-19*. С одной стороны, коронакризис острее, чем прежде, поставил на повестку дня вопросы обновления социального и экологического контракта и нового понимания солидарности, “встряхнул” элиты, заставив их на время объединиться и отложить взаимные упреки и противоречия во имя борьбы с новой опасностью. Для самих граждан стало также очевидно, что в чрезвычайных обстоятельствах именно центральные власти могут в полной мере их защитить и поддержать в трудную минуту. Это временно снизило запрос части общества на сепаратизм и национализм. В результате последний по счету и самый длительный за всю историю современной Бельгии политический кризис, спровоцированный НФА в декабре 2018 г., был завершен в октябре 2020 г. С другой стороны, пандемия особенно ярко

высветила основные недостатки существующей политической системы и бельгийского федерализма. Длительное отсутствие в стране полностью легитимного центрального правительства не только мешало использованию бюджетных средств, но и препятствовало оперативному получению помощи от ЕС в рамках борьбы с последствиями *COVID-19*. Особо острой критике подверглась неповоротливая, запутанная система распределения полномочий в сфере здравоохранения, сформированная по итогам последних конституционных реформ. Хотя переданные в регионы дополнительные компетенции и налоговые льготы в области здравоохранения (общим объемом 32 млрд евро в год) позволили частично смягчить для населения негативные последствия отсутствия полноценного правительства в стране в течение 21 месяца [12], значительная часть полномочий по-прежнему закреплена за центром, который в отсутствие полноценного правительства не имел даже формальной возможности их реализовать. Очевидно, что управлять системой, где сосуществуют восемь почти равноправных министров здравоохранения, чьи полномочия асимметричны, крайне трудно [13].

Эта ситуация сказывается на качестве предоставляемых населению медицинских услуг и отражается на состоянии общественного мнения. Так, опрос, проведенный в мае 2020 г., показал недовольство большинства граждан федеративным устройством страны. Только 21% опрошенных ответили утвердительно на вопрос о том, позволила ли существующая структура Бельгийского государства справиться с коронакризисом, тогда как отрицательный ответ дали 48.6% респондентов [14].

В ходе борьбы с пандемией политико-партийный баланс продолжал меняться, проявляясь в укреплении фланговых правых и левых партий во Фландрии и в определенном крене вправо в Валлонии [13]. Перераспределение политических сил не только свидетельствовало о сохранении влияния правыми националистами Фландрии, но и носило более сложный, нелинейный характер. В этих обстоятельствах эксперты не исключают возможности проведения в ближайшие годы седьмой конституционной реформы, направленной на дальнейшую децентрализацию, однако не означающей полного перехода к конфедерации [13]. Такая “урезанная” реформа может быть поддержана общественным мнением в отличие от проектов более радикальной трансформации, вокруг которой консенсус пока не достигнут. Считается, что даже если тема конфедеративного устройства и будет внесена в повестку дня, маловероятно, что эту идею поддержат две трети федеральных парламентариев, чьи голоса необходимы для внесения изменений в Конституцию.

Фламандские партии, продвигающие идею дальнейшей децентрализации вплоть до полного разделения страны, остаются самой активной силой не только во Фландрии, но и на общенациональной политической арене. Очевидно, что националисты не откажутся от своих долгосрочных требований и постараются использовать новую конституционную реформу для продвижения идеи плавного перехода к полностью независимому статусу Фландрии. Оказавшись в оппозиции, НФА и ФИ, не вошедшие в правительство в октябре 2020 г., сохраняют возможность вновь дестабилизировать политическую ситуацию, наращивая свою популярность и еще активнее выступая за отделение Фландрии от Бельгии. Тем более что бельгийское общественное мнение постепенно сдвигается в сторону поддержки дальнейшего разъединения двух сообществ в надежде оптимизировать систему управления. По результатам опросов, проведенных еще до пандемии в январе 2020 г., 37% жителей страны готовы были согласиться с переходом к конфедеративному устройству [15].

Текущий кризис подтвердил, что в Бельгии, разделенной по этнотерриториальному признаку фактически на две (франкофонную и фламандскую) части, институты и механизмы, призванные объединять страну, воплощая ее политическое лицо, функционируют недостаточно эффективно. Все это служит благоприятной почвой для дальнейшего постепенного разъединения двух этнических общностей, населяющих Бельгию, несмотря на действие ряда факторов, все еще ее объединяющих.

ОТНОШЕНИЯ С ЕС КАК СПОСОБ СТАБИЛИЗАЦИИ БЕЛЬГИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Участие в европейском интеграционном процессе тормозит развитие дезинтеграционных тенденций в Бельгии, не позволяя, однако, полностью остановить этот процесс. За годы существования евроинтеграции создана мощная экономическая и институциональная основа, объединяющая государства – члены Евросоюза. Бельгия успешно использует участие в ЕС для укрепления своих экономических и политических позиций как в Европе, так и во всем мире. Брюссель оказывает существенное влияние на европейский интеграционный процесс с момента его зарождения, чему также способствуют успешное развитие созданного еще в 1948 г. объединения Бенилюкс, размещение в Брюсселе основных европейских институтов, активное участие бельгийских политиков в управлении европейской интеграцией. В самой Бельгии достигнут высокий уровень транспозиции директив ЕС в национальное законодательство. Для имплементации в бельгийское право законодательных

актов Евросоюза создан и успешно функционирует институт еврокоординаторов – по одному на каждое сообщество и каждый регион [7]. На сегодняшний день между странами Бенилюкс, как и в целом в ЕС, сложились особые торгово-экономические, финансовые, научно-технические и другие связи, а также существует тесная политическая координация. В этих условиях значение внутренних границ между регионами Бельгии не усиливается, а постепенно снижается по мере углубления их участия в общем торговом, финансовом, социально-экономическом, инфраструктурном пространстве Бенилюкса и ЕС.

Все это позволяет привлекать в страну капиталы и квалифицированную рабочую силу, и эти процессы мало зависят от сложного характера бельгийского федерализма. Участие в ЕС создает благоприятные условия для развития бельгийской экономики, помогая нивелировать негативные последствия длительных внутренних политических кризисов и воздействия неблагоприятных внешних факторов. Так, в январе 2020 г., несмотря на отсутствие в течение года полномочий правительства, семь из десяти руководителей предприятий заявляли о том, что практически не чувствуют негативного воздействия этого фактора на деловой климат в стране. По словам президента Федерации бельгийских профсоюзов Б. Жийо, “когда пилота нет, самолет летит на автопилоте”. Экономика Бельгии также весьма незначительно пострадала как от замедления темпов роста ВВП ФРГ, так и от последствий торговой войны, развязанной Д. Трампом [15].

С учетом этих обстоятельств, в случае превращения Бельгии в конфедерацию или даже ее полного разделения, Европейский союз мог бы стать для бывших составных частей Бельгийской федерации своеобразной общей “крышей”, под которой их взаимодействие будет активно развиваться, так, как это произошло, например, с Чехией и Словакией после разделения Чехословакии. При укреплении Евросоюза в качестве федерации сам по себе процесс децентрализации и даже дробления отдельных государств – членов ЕС на более мелкие составные части не должен вызывать радикальных изменений во всей системе, и в новых условиях сотрудничество может продолжаться. Однако, оценивая эти возможности, необходимо принимать в расчет специфику развития евроинтеграции в последние годы. При ослаблении федералистского начала в ЕС размежевание отдельных частей государств-членов между собой может носить менее предсказуемый и более травмирующий характер. Нельзя не отметить, что в последние два десятилетия вопрос о дальнейшей судьбе Бельгийской федерации становится все более актуальным, в том числе в связи с существенным замедлением федерализации ЕС.

В институтах и экспертном сообществе Евросоюза сложилось двойственное отношение к внутренним дезинтеграционным процессам в странах, расположенных на пространстве ЕС. С одной стороны, возможность реализации права народа на самоопределение соответствует основным европейским ценностным ориентирам. С другой стороны, оживление в последнее время сепаратистских требований отдельных европейских этносов, чреватое серьезной дестабилизацией континента, ставит полиэтнические европейские страны перед новыми сложными вызовами. В связи с этим сегодня в ЕС уделяется особое внимание традиционной политике, направленной на сдерживание дезинтеграционных тенденций и смягчение этнолингвистических противоречий между многочисленными народами и народностями, проживающими на территории Европы, включая Бельгию.

Один из самых действенных способов достижения этой цели обусловлен сложным характером процедуры, через которую необходимо пройти вновь образованным на пространстве Европейского союза государствам, даже если они были частью той или иной страны Союза. Членство в ЕС не может быть передано “по наследству”, и каждая новая страна, в том числе Валлония или Фландрия в случае их формального разделения, должна будет на общих основаниях добиваться вступления в Евросоюз, что служит существенным фактором, сдерживающим дезинтеграцию [16]. Современная Бельгия является, так сказать, своеобразным европейским полигоном, где применяются принципы децентрализации, субсидиарности и пропорциональности, позволяющие избегать обострения существующих между сообществами разногласий. Вместе с тем цель применения этих принципов ЕС – не остановить или полностью поменять направленность той или иной дезинтеграционной тенденции (это, как правило, невозможно), а добиваться того, чтобы происходящая трансформация развивалась медленно, без кризисов и была наименее болезненной для общества и граждан. В связи с этим участие Бельгии в европейской интеграции не снимает с повестки дня вопрос о переходе от федерации к конфедерации и о ее дальнейшем разделении по этническому и языковому признакам. Кроме того, сами по себе децентрализация и перераспределение полномочий постепенно создают все необходимые условия для взаимного обособления бельгийских сообществ и регионов.

Эти процессы неоднозначно сказываются и на развитии самого европейского интеграционного процесса. Расширение компетенций регионов и сообществ в сфере внешней политики, а также предоставление им права наравне с центральным бельгийским правительством участвовать в заседаниях руководящих органов ЕС создают дополнительные препятствия на пути и без того непростого процесса согласования общей политики 27 государств-членов. Вынесение споров между сообществами и регионами на европейский уровень мешает Евросоюзу проводить внятную согласованную политику, несмотря на исключительный характер отношений Брюсселя с европейской интеграцией. Так, в 2020 г. Бельгия стала единственной страной, которая воздержалась во время голосования в Совете ЕС по вопросу о создании Европейского фонда борьбы с *COVID-19*, так как партия НФА выступила против действующего принципа распределения региональных средств, посчитав, что Фландрия недополучает помощь из Фонда сплочения ЕС [17].

Таким образом, членство Бельгии в Евросоюзе служит фактором, препятствующим распаду страны по этнотерриториальному признаку. Но механизмы и инструменты ЕС, позволяющие смягчать остроту этой проблемы, не способны радикально поменять развивающиеся тенденции к взаимному обособлению двух основных населяющих Бельгию общностей. Стоит также обратить внимание на тот факт, что нестабильная политическая ситуация внутри страны в свою очередь начинает влиять на развитие евроинтеграции в целом, усугубляя сложность процесса принятия решений внутри ЕС.

* * *

Итак, эволюция бельгийской федеративной системы находится под влиянием двух разнонаправленных групп факторов. На данном этапе разъединяющие страну факторы сохраняют и даже усиливают свое действие, тогда как те, которые удерживают Бельгию от разделения, постепенно ослабевают. Трансформация федеративной системы Бельгии проходит мирно, медленно и поэтапно и в настоящее время носит характер постепенного перехода от федерации к конфедерации. Перспективы дальнейшей эволюции системы от конфедерации к полному разделению страны пока не очевидны, хотя и не могут быть полностью исключены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Бирюков С.В. Бельгийский федерализм как модель кризиса европейского федерализма. *Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология*, 2009, № 4, сс. 21–37. [Biryukov S.V. Bel'giiskii federalizm kak model' krizisa evropeiskogo federalizma [Belgian Federalism as a model of the crisis of European federalism]. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2009, no. 4, pp. 21–37.]
2. Швейцер В.Я., под ред. *Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе*. Москва, Весь мир, 2009. 544 с. [Shveitser V.Ya., ed. *Gosudarstva Al'piiskogo regiona i strany Benilyuks v menyayushcheysya Evrope* [Alpine States and Benelux countries in a changing Europe]. Moscow, Ves' mir, 2009. 544 p.]
3. Vandermotten Ch. Les configurations de l'espace économique. Une Belgique prospère en crise politique 2010–2011. *OpenEdition Journals*. Available at: <https://journals.openedition.org/echogeo/12359?lang=en> (accessed 08.09.2020).
4. Lionel Artige. *La Wallonie est-elle vraiment distancée par la Flandre?* 7 avril 2014. Available at: https://www.rtbf.be/info/opinions/detail_la-wallonie-est-elle-distancee-par-la-flandre?id=8241261 (accessed 20.11.2020).
5. Arcq E., de Coorebyter V., Istasse C. Fédéralisme et confédéralisme. *Dossiers du CRISP* 2012/1, no. 79. 125 p. Available at: <https://www.cairn.info/revue-dossiers-du-crisp-2012-1-page-11.htm> (accessed 10.11.2020).
6. *Étude sur la répartition des pouvoirs entre l'Union européenne, les États membres et les collectivités régionales et locales*. Institut universitaire européen de Florence. 379 p. Available at: https://cor.europa.eu/en/engage/studies/Documents/Study-Division-Powers/Etude-repartition-des-pouvoirs_FR.pdf (accessed 10.11.2020).
7. Forniès D. Confederal Belgium in the making? *Nationalia*, 20.05.2019. Available at: <https://www.nationalia.info/new/11215/confederal-belgium-in-the-making> (accessed 20.11.2020).
8. Wynsberghe C. Van. *The Belgian "Example". Weaknesses of the Federal Formula as Implemented in Belgium*. Catholic University of Louvain, Department of Social and Political Sciences. Available at: <https://dial.uclouvain.be/pr/boreal/object/boreal:123519/datastream/PDF> (accessed 05.11.2020).
9. Witvrouw F. *Stephanie D'Hose, nouvelle présidente du Sénat*. Available at: <https://www.lecho.be/economie-politique/belgique/federal/stephanie-d-hose-nouvelle-presidente-du-senat/10255936.html> (accessed 20.12.2020).
10. Осколков П.В. *Правый популизм в Европейском союзе*. Москва, Институт Европы РАН, 2019. 164 с. [Oskolkov P.V. *Pravyy populizm v Evropeiskom soyuze* [Right-wing populism in the European Union]. Moscow, Institut Evropy RAN, 2019. 164 p.]
11. Jamart A. Belgique: laboratoire de l'Europe ou pays brisé? *Esprit*, Janvier 2012. Available at: <https://esprit.presse.fr/article/annick-jamart/belgique-laboratoire-de-l-europe-ou-pays-brise-36593> (accessed 20.11.2020).
12. *La sixième réforme de l'Etat*. Available at: https://www.belgium.be/fr/la_belgique/connaitre_le_pays/histoire/la_belgique_a_partir_de_1830/constitution_de_l_etat_federal/sixieme_reforme_etat#transfert_competences (accessed 02.10.2020).
13. *Qui fait quoi en matière de soin de santé*. Available at: https://www.rtbf.be/info/belgique/detail_refederaliser-la-sante-encore-faut-il-savoir-qui-fait-quoi?id=9942353 (accessed 20.11.2020).
14. *Les Belges jugent la crise dans notre grand sondage: la claque pour De Block, Wilmès convainc, Emmanuel André superstar*. Available at: <https://www.ln24.be/2020-06-09/les-belges-jugent-la-crise-la-claque-pour-de-block-wilmes-convainc-emmanuel-andre> (accessed 10.11.2020).
15. Stroobants J.-P. En Belgique, l'absence de gouvernement depuis un an ne pénalise pas l'activité. *Le Monde*, 22.01.2020. Available at: https://www.lemonde.fr/economie/article/2020/01/22/en-belgique-l-absence-de-gouvernement-ne-penalise-pas-l-activite_6026808_3234.html (accessed 20.11.2020).
16. *Mieux légiférer en Europe: Belgique/2008*. Available at: <https://www.oecd.org/gov/regulatory-policy/45393872.pdf> (accessed 20.10.2020).
17. Faniel J., Sägerser C. La Belgique entre crise politique et crise sanitaire (mars-mai 2020). *Courrier hebdomadaire du CRISP*, 2020/2, no. 2447, pp. 5–46. Available at: <https://www.cairn.info/revue-courrier-hebdomadaire-du-crisp-2020-2-page-5.htm> (accessed 18.11.2020).

BELGIUM ON THE ROAD TO CONFEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS*(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 7, pp. 80–88)*

Received 15.01.2021.

Tatiana V. ZVEREVA (tatyanazvereva@yandex.ru),

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 53/2, Ostozhenka Str., Moscow, 119021, Russian Federation;

National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

The article is about the Belgian federal system transformation, as well as the factors that aggravate or, on the contrary, restrain the centrifugal trends in the country. The specific nature of Belgian federalism determines its evolution from federation to confederation, but the answer to the question about the prospects of this transformation remains open. On the one hand, the Belgian Kingdom history, its geographical location, as well as economic and cultural-linguistic features predetermined the existence and deepening of dividing lines between the two main ethnic

communities in the country – the Walloons and the Flemings. Decentralization, as a response to the aggravation of interethnic contradictions, allows political elites to partially control the process and minimize, as far as possible, the costs of this conflict of interest for the economy and the population, but at the same time, it feeds centrifugal tendencies. Reforms do not remove the problem of separatism from the agenda, but, vice versa, give the regions and communities all the necessary resources, reducing the central authorities' competences. Each reform creates the basis for the next redistribution of power. The logic of the decentralization process predefines the dual, asymmetric, dissociative and improvisational nature of the federal system of Belgium, and contributes to its extreme complication. The main drivers of centrifugal tendencies remain Flemish nationalists when the institutions and mechanisms designed to unite the country do not function effectively enough. On the other hand, the scenario of a complete collapse of the Belgian federation is not something predetermined and inevitable. There are still internal and external factors unifying Belgians (the Senate, the King, the absence of a provision for a national referendum in the constitution, a special place in the federation of the Brussels-Capital region, the country's membership in the EU), but their influence on the entire system is gradually decreasing. Belgium's active participation in the European integration contributing to creation of a highly developed modern economic system and high living standards, as well as stable GDP growth (with exception of crisis periods), play an important role in stabilizing the Belgian federation. So, the European Union prevents a rapid development of separation process, but does not change its main trends. The EU accompanies the Belgian federal system transformation, in order to reduce its costs for society and the European integration, but does not set the task of inverting its evolution. At the same time, the unstable political situation in the country has a certain negative impact on the European integration, exacerbating the complexity of the decision-making process within the EU. The coronavirus pandemic became a catalyst for controversial political processes in Belgium, brought renewal of the social and environmental contract and a new view of European solidarity. However, the pandemic highlighted the main shortcomings of the existing federal system. The dissociation of the federation and its drift to a confederation is a peaceful and slow process, but the country's unifying factors are gradually eroding. It is not yet clear whether and when a full-fledged confederate system will be created and the separation will be stopped, or whether the confederation will become the next stage on the Belgium's way to the final division. It is impossible to completely exclude a rollback scenario of the strong federation restoration while reducing competencies of regions and communities, but it is obvious that its probability is extremely small.

Keywords: Belgium, federation, confederation, Flanders, Wallonia, decentralization, European integration.

About author:

Tatiana V. ZVEREVA, Doctor of Political Sciences.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-80-88

КОНТРОЛЬ США НАД МЕЖДУНАРОДНЫМИ КАНАЛАМИ ТРАНСФЕРТА ТЕХНОЛОГИЙ: ВЫЗОВЫ, МЕХАНИЗМЫ, ТЕНДЕНЦИИ

© 2021 г. Э. Кириченко

*КИРИЧЕНКО Элина Всеволодовна, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (elinakir@imemo.ru).*

Статья поступила в редакцию 08.02.2021.

С окончанием Второй мировой войны США ведут постоянную борьбу за глобальное технологическое лидерство, претендуя на доминирующие позиции в этой области. Контроль над международными каналами трансферта технологий рассматривается Соединенными Штатами как важнейший механизм сохранения своего лидерства. В статье анализируются три “волны ужесточения” контроля над трансфертом технологий, связанные с появляющимися вызовами американскому технологическому лидерству и угрозами национальной безопасности: в период холодной войны, в 80-е годы в ответ на развернувшуюся конкуренцию с Японией и на современном этапе.

Ключевые слова: США, технологическое лидерство, национальная безопасность, трансферт технологий, неосязаемые технологии, критические технологии, экспортный контроль, Комитет по иностранным инвестициям.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-89-97

США — крупнейшая технологическая держава, на которую приходится почти треть мировых расходов на НИОКР. Прирост инновационного потенциала обеспечивают широкое развитие научно-технического и венчурного предпринимательства, значительные затраты частного капитала на НИОКР, высокое качество ресурсного обеспечения, сформированные региональные хайтек-кластеры глобального значения, государственное стимулирование. Государство поддерживает технологическое лидерство, во-первых, формируя механизмы стимулирования инновационного развития, финансируя НИОКР, во-вторых, открывая американским компаниям доступ к мировым достижениям в области науки и инноваций, помогая бороться с конкуренцией на мировых рынках, в-третьих, предотвращая попадание технологий, важных с точки зрения национальной безопасности, в нежелательные руки (нередко это иностранный конкурент). В этой области важнейшим инструментом является контроль над международными каналами передачи технологий.

Согласно американским правилам регулирования экспорта, технология — это информация как в осязаемой, так и неосязаемой форме, которая может быть применена для конструирования, производства, использования или модернизации товаров, включая математическое обеспечение. США чувствительно относятся к появлению новых прорывных технологий в гражданских и оборонных областях. Лидерство в таких технологиях способствует поддержанию военного потенциала и экономической безопасности, обеспечивает преимущества в конкурентной борьбе на мировых рынках.

США постоянно совершенствуют механизмы контроля над передачей технологий, расширяя охват каналов такой передачи. К настоящему времени под контроль попадают все традиционные коммерческие каналы международного трансферта технологий: международная торговля, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), совместные предприятия, стратегические альянсы, продажа патентов и лицензий на их использование, реинжиниринг, легальное трансграничное перемещение персонала. Особое внимание уделяется контролю над так называемыми неосязаемыми каналами трансферта технологий. К ним относятся как визуальные контакты (научные конференции, научные обмены, консультации, техническая помощь, контакты с иностранными специалистами на работе, обучение иностранных студентов и т. д.), так и виртуальное общение по электронным сетям, телефону. Естественно, США пытаются перекрыть нелегальные каналы трансферта технологий.

Рассмотрим три “волны ужесточения” контроля США над трансфертом технологий, связанные с появляющимися вызовами американскому технологическому лидерству.

КОНТРОЛЬ НАД ПЕРЕДАЧЕЙ ТЕХНОЛОГИЙ В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Созданный в США механизм экспортного контроля (ЭК) является важным инструментом регулирования торговли вооружением, продукци-

ей двойного назначения, включая высокие технологии. Американский режим ЭК над продукцией двойного назначения стал одним из ключевых средств борьбы за сохранение технологического лидерства¹.

В 1949 г. был принят Закон “О контроле над экспортом” (*Export Control Act*), положивший начало формированию режима ЭК над продукцией двойного назначения в мирное время. Целью ЭК объявлялось обеспечение национальной безопасности, решение внешнеполитических и экономических задач. В тот период острей экспортного контроля было направлено в сторону СССР и его союзников.

В том же году по инициативе США был сформирован Координационный комитет по контролю над экспортом стратегических товаров – КОКОМ (*Coordinating Committee for Multilateral Export Controls*). В его рамках был разработан международный список продукции двойного назначения, в котором особое место занимал перечень товаров и технологий, подлежащих эмбарго.

Ставилась задача не допустить передачу “чувствительных” технологий в социалистические страны. Существование общего внешнего врага цементировало западный союз, а США были его движущей силой.

В 1969 г. на смену закону “О контроле над экспортом” был принят закон “О регулировании экспорта” (*Export Administration Act, EAA*), который, в свою очередь, в 1979 г. был существенно модернизирован. На основе *EAA* в отношении продукции двойного назначения были разработаны Правила регулирования экспорта (*Export Administration Regulations*) и контрольный Коммерческий список (*Commerce Control List*). Исполняющим органом стало Министерство торговли.

Правила и список постоянно совершенствовались. Закон 1949 г. декларировал запрет на поставку продукции, которая может “внести вклад в военный потенциал” СССР. Позднее ограничения распространились на экспорт продукции, которая может внести вклад не только в военный, но и в экономический потенциал стран Варшавского договора. Расширялся контроль по соображениям национальной безопасности. Слишком высокая оценка угрозы национальной безопасности всегда приводит к усилению позиций военно-промышленного комплекса. В первой половине 1980-х годов Министерство обороны разработало программу технологической безопасности, ужесточившую политику экспортного регулирования США. Соединенные Штаты начали активно внедрять новые подходы к составлению контроль-

ных списков, положив в основу технологическую составляющую экспортируемых товаров и услуг [2, сс. 77-78].

Борясь за технологическое лидерство на мировых рынках, США не снимали ограничения на пути трансферта американских передовых технологий и в капиталистические страны. Союзники по КОКОМ не раз высказывали упрек в адрес Вашингтона, что там используют экспортный контроль в качестве инструмента конкурентной борьбы [3].

В 1970-е годы, в период потепления отношений между Западом и СССР, стали развиваться такие формы сотрудничества, как проекты “под ключ”, создание совместных предприятий, предоставление ноу-хау, торговые выставки, обмен специалистами. Это обеспокоило Пентагон и разведслужбы США. В прессе появились материалы об утечке стратегических технологий в советский блок, что усилило позиции “ястребов” в системе принятия решений, особенно с завершением периода разрядки.

После окончания холодной войны прекратил свое существование и КОКОМ. Однако США продолжали совершенствовать национальный режим экспортного контроля, ставя новые задачи поддержания национальной безопасности. В 2001 г. в рамках Министерства торговли было сформировано Бюро промышленности и безопасности (*Bureau of Industry and Security, BIS*), отвечающее именно за ЭК. Таким образом, между подразделениями министерства были распределены функции как продвижения экспорта, так и контроля над ним.

Можно выделить основные тенденции трансформации американского режима ЭК в последнем десятилетии XX в. и самом начале XXI в. Прежде всего совершенствовался контроль *над передачей технологий*². В контрольный список Министерства торговли вошла номенклатура списков двойного назначения международных неформальных режимов экспортного контроля: Группы ядерных поставщиков, Вассенаарских договоренностей, Режима контроля над ракетными технологиями, Австралийской группы. По мере изменения международных списков США вносят поправки в национальный список.

В США существуют и односторонние ограничения на экспорт продукции двойного назначения по соображениям национальной безопасности. В годы президентства Б. Обамы в рамках его Инициативы по реформированию экспортного

¹ Об особенностях экспортного контроля над продукцией военного назначения см. подробнее [1].

² Вместе с тем под давлением деловых и академических кругов были сделаны исключения: ЭК не распространяется на передачу результатов фундаментальных научных исследований и на обмен технологий, которые уже стали общественным достоянием.

контроля ряд менее чувствительных (*less sensitive*) категорий из списка продукции военного назначения, находящегося под юрисдикцией Госдепа, перенесен в Коммерческий список Министерства торговли [4].

В правилах ЭК кодифицировано положение о так называемом всеобъемлющем контроле (*catch-all*). Если экспортер предупрежден, что его партнер вызывает подозрение, он обязан обратиться за получением лицензии³. Это позволяет осуществлять контроль над передачей товаров и технологий, не включенных в списки. Особое внимание стало уделяться проблемам гарантий конечного использования (*end-use*) товаров и технологий. Экспорт трактуется широко – это не только вывоз за границу контролируемых товаров и технологий, но и их передача иностранному лицу внутри страны (*deemed export*).

Система экспортного контроля, созданная в годы холодной войны, оказалась востребованной в XXI в. в качестве базы для формирования санкционного режима. При этом США широко прибегают к экстерриториальному применению санкций.

КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУ США И ЯПОНИЕЙ

В середине 1980-х годов Япония стала все явственнее выходить на передний план среди конкурентов США на мировом рынке. Общий объем вывоза американских товаров и капитала в Японию оставался в 1980-х годах почти неизменным, тогда как экспорт из Японии в США увеличился более чем втрое. В результате пассивное сальдо торгового баланса США с этой страной резко возросло. Рост инновационных возможностей японских компаний отчетливо просматривался в статистических данных о расходах на НИОКР, патентовании и т. д. [5, с. 88].

Япония эффективно использовала все традиционные каналы международного трансфера технологий для повышения своего технологического потенциала. В 1980-е годы оборот мировой лицензионной торговли рос высокими темпами, при этом Япония была одним из самых активных покупателей лицензий. Она также использовала

импортированные высокотехнологические товары для копирования и имитации. Япония сумела создать эффективные механизмы коммерциализации технологий, которые она приобретала (заимствовала) у других стран, быстро доводя их до рынка. Ярким примером является покупка японской *Sony* у американской *Bell Laboratories* транзисторной технологии, после чего *Sony* стала мировым лидером на рынке радиотранзисторов.

На Олимпиаде-80 СССР применял новейшие японские компьютеры и программы. Высказывались подозрения, что они закупались у японской *Toshiba Machine Company* через сеть посредников в разных странах. Уже тогда встал вопрос совершенствования системы экспортного контроля, чтобы отслеживать конечного пользователя. Соединенным Штатам приходилось тратить все больше усилий, чтобы заставить партнеров по КОКОМ соблюдать дисциплину. В середине 1980-х годов компания *Toshiba* в обход запретов КОКОМ поставила в СССР фрезерные станки, оснащенные высокопроизводительными вычислительными комплексами. США в качестве санкций аннулировали контракты компании на поставку оборудования американской армии.

Именно конкуренция с Японией заставила Конгресс США в 1988 г. расширить деятельность Комитета по иностранным инвестициям США (КИИ)⁴, приняв знаменитую поправку Эксона–Флорио (раздел 5021 Всеобъемлющего закона о конкуренции и торговле) [6]. К этому подтолкнула активность японских компаний на американском рынке, в частности предложение японской *Fujitsu* купить *Fairchild Semiconductor*. Президент был наделен полномочиями блокировать или приостанавливать процессы слияния, поглощения или приобретения американских фирм, если другие законы США не могут защитить национальную безопасность или есть заслуживающие доверия свидетельства (*credible evidence*), что действия иностранного инвестора могут угрожать национальной безопасности. Вместе с тем закон не дал определения термину “национальная безопасность”, что позволяет трактовать его широко. Организационной структурой, обеспечивающей применение упомянутой поправки, стал межведомственный Комитет по иностранным инвестициям США, возглавляемый министром финансов. На основании расследований КИИ президент выносит решение об одобрении сделки. Р. Рейган делегировал Комитету выполнение президентских полномочий, данных поправкой Эксона–Флорио (*Executive Order 12661*) [7, р. 7]. Отрицательный вывод КИИ обычно приостанавливает сделку.

³ Это положение было принято для предотвращения распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и возможных поставок чувствительных материалов и технологий террористическим организациям и фирмам, сотрудничающим с террористами. Оно появилось в национальных законодательствах многих государств (в том числе России и Европы), а также в документах международных неформальных режимов ЭК. Однако США стали использовать это правило расширительно в отношении всех, кто попал под американские санкции.

⁴ Комитет по иностранным инвестициям был создан в 1975 г. распоряжением президента Дж. Форда. Его первоначальной задачей был мониторинг иностранных инвестиций.

Соединенные Штаты извлекли еще один важный урок из конкурентной борьбы с Японией. Это касалось системы коммерциализации технологий. До 1980 г. администрация имела права на все финансируемые за счет средств федерального бюджета разработки, а также на все результаты их коммерческой реализации. Результаты государственных НИОКР почти не доходили до рынка. Только 10% всех полученных патентов лицензировались [8, p. 1].

С начала 1980-х годов федеральное правительство США кардинально изменило взаимоотношения с частным сектором. США децентрализовали патентно-лицензионную деятельность, расширили права федеральных лабораторий на интеллектуальную собственность, полученную за счет средств федерального бюджета. Был принят ряд законов, определяющих процедуры трансфера технологий между государственными организациями и частным сектором, а также коммерциализации технологий. Основополагающими стали два закона.

Закон 1980 г. “О технологических инновациях” Стивенсона–Уайдлера (*Stevenson–Wylder Technology Innovation Act of 1980*) был направлен на формирование механизмов взаимовыгодной кооперации между частным и государственным секторами. Он потребовал от Министерства торговли создания *Office of Industrial Technology*, а от каждой федеральной лаборатории – подразделения по выявлению коммерчески ценных технологий и их последующему трансферу частному сектору.

Закон Бэя–Доула (*Bayh–Dole Act of 1980*) предоставил университетам, некоммерческим организациям и малым предприятиям права собственности на изобретения, созданные при финансовой поддержке правительства. В 1980-е годы США приняли десятки актов, которые развили заложенные в законах Бэя–Доула и Стивенсона–Уайдлера положения о правовой охране и передаче интеллектуальной собственности, созданной в государственных организациях.

В последующие годы США последовательно продолжали политику, выработанную в 1980-е годы и направленную на интенсификацию трансфера технологий для их коммерциализации. Были приняты новые законодательные акты. Крупнейшие государственные агентства разработали программы коммерциализации своих НИОКР. Параллельно усилилась тенденция к обратному переливу технологий из гражданского сектора в оборонный.

Вместе с тем в условиях глобализации экономики вышеназванные процессы сформировали новые вызовы и риски для национальной безопасности США. Потребовалось совершенствование контроля над утечкой технологий к нежелательно-

му пользователю, особенно внутри страны. В ряде принятых законов были кодифицированы определенные оговорки. Государственные ведомства получили право решать по своему усмотрению вопросы патентообладания, когда ограничение или отмена этого права необходимы по соображениям национальной безопасности. В последующие годы силовые ведомства неоднократно пытались кодифицировать новые механизмы ужесточения контроля в этой области.

Как уже отмечалось, триггером перемен стала война за технологическое лидерство с Японией, которая в целом так и не смогла стать для США равным конкурентом. Длительный период дефляции и экономического застоя выбил ее из общего ритма хозяйственной динамики развитых стран [9, с. 235]. В 2009 г. КНР обогнала Японию и заняла второе после США место по уровню вложений в НИОКР. Япония утратила как свое экономическое лидерство в Тихоокеанской Азии, так и позиции в международной торговле в пользу Китая.

СОВРЕМЕННОЕ УЖЕСТОЧЕНИЕ КОНТРОЛЯ НАД ТРАНСФЕРТОМ ТЕХНОЛОГИЙ

В последние десятилетия США столкнулись с расширением вызовов и угроз своему технологическому лидерству. Открытость инновационных систем в период углубляющейся глобализации стала и условием, и риском лидерства [10]. Появляются новые прорывные технологии в гражданских и оборонных областях, новые игроки на мировых рынках. Особую озабоченность стали вызывать наращивание военного и инновационного потенциала, а также геополитические амбиции КНР. В связи с этим в США болезненно относятся к возможной утечке американских технологий в Китай. Чтобы минимизировать угрозы, США пошли на ужесточение всех форм контроля над трансфертом технологий.

США в 2018 г. приняли два закона: “О реформе экспортного контроля” (*Export Control Reform Act of 2018, ECRA*) и “О модернизации процесса оценки рисков от иностранных инвестиций” (*Foreign Investment Risk Review Modernization Act, FIRRMA*). Задачи *ECRA* и *FIRRMA* дополняют друг друга. Оба закона были выдвинуты при двухпартийной поддержке, что стало редкостью в законодательной деятельности Конгресса в последнее десятилетие [11]. Это свидетельствует об укреплении сторонников ужесточения контроля над трансфертом технологий как среди республиканцев, так и демократов.

Новые задачи КИИ. На рубеже двух столетий деятельность Комитета по иностранным инве-

стициям была переориентирована прежде всего на КНР. Принятый в 2007 г. *Foreign Investment and National Security Act (FINSA)* расширил перечень факторов, которыми КИИ следует руководствоваться при принятии решений. За период 2015–2017 гг. 143 из 552 проведенных им расследований касались китайских инвесторов (наибольшая доля из всех стран). Со времени принятия поправки Эксона–Флорио на основе рекомендации КИИ президентами было заблокировано всего пять сделок, четыре из них – с китайскими компаниями [12]. Однако надо иметь в виду, что в ходе расследования нередко стороны заранее шли на компромисс.

Закон 2018 г. “О модернизации процесса оценки рисков от иностранных инвестиций” (*FIRREA*) существенно усовершенствовал деятельность Комитета по иностранным инвестициям. *FIRREA* расширяет тип транзакций, подпадающих под юрисдикцию КИИ. Она распространяется на миноритарные инвестиции в “компаниях, располагающих критическими технологиями” (*critical technology companies*), на “критические инфраструктурные компании”, “критические материалы”, стартапы, сделки с недвижимостью, расположенной около военных баз или других “чувствительных” правительственных объектов. Закон существенно расширил определение и список “критических технологий”, в частности, отнес к таковым “зарождающиеся” (*emerging*) технологии.

Закон требует от КИИ расследования трансфера технологий, осуществляемого “компаниями, располагающими критическими технологиями”, в рамках любых видов сотрудничества (стратегическое партнерство, совместные предприятия, НИОКР) с иностранным партнером. Исключением является сотрудничество с инвесторами из стран, дружественных с точки зрения интересов национальной безопасности США (прежде всего членов НАТО).

Закон делает акцент на факторы, важные с точки зрения экономической безопасности, которыми также следует руководствоваться КИИ при принятии решений. Среди них – влияние сделки на международное технологическое и промышленное лидерство США, на технологические и промышленные преимущества США относительно стран, “вызывающих особую озабоченность” (*countries of special concern*), кибербезопасность США, потенциальную возможность передачи чувствительных данных американских граждан.

Новые правила ведут к пересмотру оценки влияния иностранных инвестиций в определенные секторы на национальную безопасность США. *FIRREA* на данном этапе направлен прежде всего

против КНР, но затрагивает и другие страны, в том числе РФ⁵.

Сдвиги в системе экспортного контроля США. Закон 2018 г. “О реформе экспортного контроля” (*ECRA*) существенно модернизирует американскую систему ЭК. Он кодифицирует полномочия президента и Министерства торговли в области ЭК⁶, не ограничивая их никакими сроками. Для целей данного исследования важны несколько положений *ECRA*⁷.

Дается новое определение термина “продукция двойного назначения”: это продукция, которая имеет гражданское применение, но может иметь военное (в традиционном понимании), а также террористическое, ОМУ или правоохранительное (!) применение.

Среди задач ЭК выделяется укрепление оборонно-промышленной базы и сохранение качественного военного превосходства США. Декларируется, что национальная безопасность требует, чтобы страна сохранила свое лидерство в научно-техническом, инженерном, производственном секторах и передовых технологиях.

ECRA требует от президента формирования межведомственного процесса для идентификации “зарождающихся” или иных видов “критической технологии”, которые не попали в другие списки экспортного контроля, но тем не менее являются существенными для “поддержания и увеличения технологических преимуществ США”.

ECRA кодифицирует необходимость поддерживать список иностранных лиц и конечных пользователей, представляющих угрозу для национальной безопасности и внешней политики США (*Entity List*), и требование ограничить экспорт, реэкспорт и передачу внутри страны контролируемой продукции любому иностранному лицу или конечному пользователю, перечисленному в этом списке. Таким образом поддерживается санкционный механизм.

В настоящее время Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США ра-

⁵ Так, в 2019 г. по требованию КИИ фонд *Pamplona Capital Management* (один из инвесторов которого – владелец “Альфа-Групп” М. Фридман) был вынужден продать свою долю в американской компании *Cofense*, занимающейся кибербезопасностью [13].

⁶ Предыдущий “Закон о регулировании экспорта” давал полномочия администрации в области ЭК на определенный срок (обычно 4 года). Из-за противоречий различных групп интересов в 1994 г. Конгресс не продлил действие закона (оно было восстановлено на год в 2001 г.), но правила регулирования экспорта продолжали действовать. До 2018 г. президент осуществлял свои полномочия по их реализации, опираясь на Закон 1977 г. “О чрезвычайных международных экономических полномочиях” (*International Emergency Economic Powers Act, IEEPA*).

⁷ Подробнее см. [2, сс. 84–85].

ботаает над совершенствованием правил экспортного регулирования (*Export Administration Regulations*).

Выделено 14 категорий “зарождающихся” технологий, которые до сих пор не попадали под ЭК. В список входят: 1) биотехнологии; 2) искусственный интеллект (ИИ) и технология машинного обучения; 3) технология определения местоположения, навигации и синхронизации; 4) микропроцессорная техника; 5) передовые вычислительные технологии; 6) технология анализа данных; 7) квантовая информационно-сенсорная технология; 8) логистические технологии; 9) аддитивные производства; 10) робототехника; 11) интерфейсы мозг–компьютер; 12) гиперсоника; 13) передовые материалы; 14) передовые технологии наблюдения. Разрабатываются правила их трансферта. В ноябре 2018 г. список был опубликован на сайте *BIS* для обсуждения критериев контроля [14]. Лицам, которые не являются гражданами США, могут потребоваться лицензии для участия в исследовании и разработке некоторых из этих технологий.

Предпринимается всеобъемлющий пересмотр страновой группировки. В правилах США по ЭК все государства мира разделены на группы *A*, *B*, *D*, *E* в зависимости от степени оценки США угрозы с их стороны. Россия находилась в неблагоприятной группе *D*, так как вызывала у США озабоченность по соображениям национальной безопасности и нераспространения биологического оружия, но и в более благоприятной группе *A:2* и *A:4*, так как является участником Режима контроля над ракетными технологиями и Группы ядерных поставщиков.

В феврале 2020 г. РФ была переведена из группы *A:2* и *A:4* в группы *D:2* и *D:4* (где предполагается отказ в лицензии). Так США выразили недоверие к выполнению Россией правил нераспространения ядерных и ракетных технологий. Это чревато подрывом сотрудничества в рамках неформальных режимов ЭК.

Разработка новых правил приведет к расширению режима ЭК, что коснется не только конечных поставок, но и всех производственных цепочек.

Формирование новых механизмов контроля. В последние годы Конгресс особенно озабочен риском трансферта технологий в условиях широкого сотрудничества государственных ведомств США с национальными лабораториями и частными компаниями в сфере коммерциализации. Там время от времени ставятся на обсуждение законопроекты в защиту чувствительных исследований. Так, в 2019 г. конгрессмены попытались включить в оборонный бюджет законопроект “О защите наших университетов” (*Protect Ours Universities Act*). В частности, он требовал, чтобы студенты из КНР, РФ и Ирана получали от американского правитель-

ства разрешение работать над “чувствительными” исследовательскими проектами. Против резко выступили университеты, указав на неприемлемость дискриминации студентов определенных национальностей и на недостаточность существующего режима ЭК. Они сумели добиться, чтобы законопроект не был одобрен.

В 2019 г. был принят закон “О сохранении американской науки и технологий” (*Securing American Science and Technology Act, SASTA*). Он был инкорпорирован в оборонный закон на 2020 фин.г. В соответствии с *SASTA*, директор Управления по политике в области науки и техники (*OSTP*), действуя через Национальный совет по науке и технике (*NSTC*) и консультируясь с советником по национальной безопасности, должен создать межведомственную рабочую группу для координации деятельности по защите исследований и разработок, финансируемых из федерального бюджета, от иностранного вмешательства, кибератак, кражи или шпионажа. *OSTP* также должно разработать общие определения и “лучшие практики” для федеральных научных агентств и грантополучателей, учитывая при этом важность открытого обмена идеями и международными талантами, необходимого для научного прогресса и американского лидерства в науке и технике.

В Национальной стратегии для критических и нарождающихся технологий, подписанной Д. Трампом в октябре 2020 г., декларируется, что поощрение государственно-частного партнерства – один из столпов технологического лидерства страны. В то же время необходимо гарантировать, чтобы конкуренты не использовали нелегальные средства приобретения американской интеллектуальной собственности, исследований, разработок и технологий. Необходимо также усиливать безопасность исследований в академических институтах, лабораториях и промышленности [15].

В настоящее время налицо очередной цикл ужесточения контроля над трансфертом технологий со стороны США. В американском режиме ЭК растет роль санкций. По данным Министерства торговли, на конец 2019 фин.г. в *Entity List* входило более 1200 организаций и физических лиц из 75 стран, из них 154 объекта контроля было добавлено в 2019 г. Расширилось экстерриториальное применение санкций, чаще стал использоваться язык ультиматумов. Ужесточается контроль над инвестиционными сделками. Совершенствуются механизмы контроля над передачей технологий внутри США.

В Национальной стратегии для критических и нарождающихся технологий основными страте-

гическими конкурентами рассматривались Китай и Россия. Утверждалось, что оба государства жизненно заинтересованы в американских технологиях и используют для их получения все возможные средства.

Для администрации Д. Трампа основным врагом был Китай. КНР пока отстает от США в инновационном развитии, хотя и приближается по отдельным параметрам. Так, в 2019 г. США израсходовали на НИОКР 581.03 млрд долл., Китай – 519.22 млрд [16]. Следует отметить рост патентования изобретений в КНР. Доля Китая в мировом производстве высокотехнологической продукции за последнее десятилетие резко выросла (подробнее см. [17]).

Технологическая война между США и КНР наиболее ярко отражает методы борьбы за глобальное лидерство. Администрация Трампа инициировала лобовое столкновение в технологической войне с КНР. В Закон об ассигнованиях на национальную оборону на 2020 фин.г. было включено положение, запрещающее использование государственным учреждениям телекоммуникационного оборудования китайских компаний (среди них *Huawei*, *ZTE*, *Hytera*) [18]. В августе 2018 г. *BIS* добавил сразу 44 компании КНР в санкционный *Entity List*, который уже включал приблизительно 90 других китайских субъектов [19]. В последующие два года список попавших под санкции китайских (и аффилированных с ними) компаний продолжал расширяться. Чтобы иметь полномочия запретить использование услуг китайских мобильных сервисов на территории США, Трамп

издал указ, вводящий чрезвычайное положение в этой области [20].

Среди политической элиты США сформировался антикитайский и антироссийский консенсус. Об этом свидетельствует документ “Временное стратегическое руководство в сфере национальной безопасности”, появившийся на сайте Белого дома 3 марта 2021 г. Что касается КНР, в нем, в частности, говорится: “Китай быстро стал более напористым. Он является единственным конкурентом, потенциально способным объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы бросить вызов стабильной и открытой международной системе” [21].

Если ранее США оказывали прямое давление на союзников, пытаясь заставить их отказаться от сотрудничества с рядом китайских компаний, то на данном этапе они стремятся сформировать партнерство, чтобы противостоять технологическому наступлению Китая. В Конгресс внесен законопроект *Democracy Technology Partnership Act*. По заявлению сенатора М. Уорнера, он “призван укрепить партнерские отношения между США и демократическими странами-единомышленниками, чтобы лучше защитить и конкурировать с Китаем в критических новых технологиях, помогая установить глобальные правила, стандарты и протоколы для рынка” [22]. Возможно, действия новой американской администрации станут менее импульсивными, она изменит акценты в борьбе за технологическое лидерство, но не откажется от нее. Контроль над международными каналами трансфера технологий по-прежнему будет востребован и будет совершенствоваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Кириченко Э.В. Экспортный контроль как инструмент внешней политики США. *США и Канада: экономика, политика и культура*, 2015, № 10, сс. 40-52. [Kirichenko E.V. Eksportnyi kontrol' kak instrument vneshnei politiki SShA [Export Controls as the Means of U.S. Foreign Policy]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika i kul'tura*, 2015, no. 10, pp. 40-52.]
2. Кириченко Э.В. Экспортный контроль как инструмент поддержания лидерства США в меняющемся мире. *Полис. Политические исследования*, 2020, т. 29, № 1, сс. 74-88. [Kirichenko E.V. Eksportnyi kontrol' kak instrument podderzhaniya liderstva SShA v menyayushchemsya mire [Export Controls as a Tool to Maintain U.S. Leadership in a Changing World]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2020, vol. 29, no. 1, pp. 74-88.] Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.06>
3. Bertsch G., Vogel H., Zielonka J. *East-West Trade and Technology Transfer in the 1990s*. Boulder, Westview Press, 1991. 227 p.
4. *Fact Sheet: Implementation of Export Control Reform*. March 8, 2013. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/03/08/fact-sheet-implementation-export-control-reform> (accessed 11.03.2021).
5. Дынкин А.А., отв. ред. *Инновационные перспективы США, ЕС, Японии*. Москва, ИМЭМО РАН, 2004. 108 с. [Dynkin A.A., ed. *Innovatsionnye perspektivy SShA, ES, Yaponii* [Innovative Perspectives of the USA, EU, Japan]. Moscow, IMEMO, 2004. 108 p.]
6. *The Omnibus Foreign Trade and Competitiveness Act of 1988*. Section 5021. Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/100/hr4848/text> (accessed 11.03.2021).
7. *The Committee on Foreign Investment in the United States (CFIUS)*. Updated. Congressional Research Service, February 26, 2020. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RL/RL33388> (accessed 21.12.2020).

8. Schacht Wendy H. *Technology Transfer: Use of Federally Funded Research and Development*. CRS, December 3, 2012. Available at: https://www.nist.gov/system/files/documents/2017/05/09/Technology_Transfer_Use_of_federally_funded_research_development.pdf (accessed 18.12.2020).
9. Михеев В.В., Швыдко В.Г., ред. *Дисбалансы транстихоокеанского пространства*. Москва, Магистр, 2014. 235 с. [Mikheev V.V., Shvydko V.G., eds. *Disbalansy transtikhookeanskogo prostranstva* [TRANS-Pacific Imbalances]. Moscow, Magistr, 2014. 235 p.]
10. Иванова Н., Мамедьяров З. Наука и инновации: конкуренция нарастает. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 5, сс. 47-56. [Ivanova N., Mamed'yarov Z. Nauka i innovatsii: konkurentsia narastat [Science and Innovation: Competition is Growing]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 5, pp. 47-56.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-47-56>
11. Журавлева В. Трамп 2020: протестный президент в расколотой стране. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 10, сс. 17-28. [Zhuravleva V. Tramp 2020: protestnyi prezident v raskolotoi strane [Trump 2020: Protest President in Polarized Country]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 10, pp. 17-28.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-10-17-28>
12. *CFIUS Annual Report to Congress*. 2019. Available at: <https://home.treasury.gov/system/files/206/CFIUS-Public-Annual-Report-CY-2019.pdf> (accessed 18.12.2020).
13. Минфин США ужесточил правила инвестирования для иностранцев. *РБК*, 14.01.2020. [Treasury tightens investment rules for foreigners. *RBK*, 14.01.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.rbc.ru/economics/14/01/2020/5e1d60109a79472644d4a38e> (accessed 18.12.2020).
14. *Objectives of the ANPRM and Guidance on Public Comments*. Available at: <https://www.whitecase.com/publications/alert/department-commerce-review-export-controls-emerging-technologies> (accessed 18.12.2020).
15. *A National Strategy for Critical and Emerging Technologies*. Washington, October 2020. Available at: <https://trajectorymagazine.com/a-national-strategy-for-critical-and-emerging-technologies/> (accessed 21.12.2020).
16. *Top Countries by R&D Spending Worldwide 2020*. Nov. 26, 2020. Available at: <https://www.statista.com/statistics/732247/worldwide-research-and-development-gross-expenditure-top-countries/> (accessed 21.12.2020).
17. Дмитриев С. Американо-китайское технологическое соперничество: от “высокомерия” к бойкоту. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 12, сс. 70-77. [Dmitriev S. Amerikano-kitaiskoe tekhnologicheskoe sopernichestvo: ot “vysokomeriya” k boikotu [U.S. – China Technological Rivalry: From “Arrogance” to Boycott]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 12, pp. 70-77.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-70-77>
18. Богаевская О.В., Борисова А.Р. и др. Третий год Трампа в Белом доме: идейный раскол и международная конфликтность. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2020, № 1, сс. 23-50. [Bogaevskaya O.V., Borisova A.R. i dr. Tretii god Trampa v Belom dome: ideinyi raskol i mezhdunarodnaya konfliktnost' [The Third Year of Trump in the White House: Ideological Divisions and the International Conflict]. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2020, no. 1, pp. 23-50.] DOI: 10.20542/afj-2020-1-23-50
19. *The US Tightens Export Controls, Targeting China*. Available at: <https://www.wilmerhale.com/en/insights/client-alerts/20180802-the-us-tightens-export-controls-targeting-china> (accessed 21.12.2020).
20. *Executive Order on Securing the Information and Communications Technology and Services Supply Chain*. 15.05.2019. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2019-05-17/pdf/2019-10538.pdf> (accessed 30.10.2020).
21. *Interim National Security Strategic Guidance*. March 3, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance/> (accessed 09.03.2021).
22. *The Bill Aims to Imbue Democratic Values in Technologies*. Available at: <https://www.nextgov.com/cio-briefing/2021/03/bill-aims-counter-china-international-technology-partnership/172481/> (accessed 09.03.2021).

**US CONTROL OVER TECHNOLOGY TRANSFER INTERNATIONAL CHANNELS:
CHALLENGES, MECHANISMS, TRENDS**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 7, pp. 89-97)

Received 08.02.2021.

Elina V. KIRICHENKO (elinakir@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

With the end of World War II, the United States is constantly fighting for global technological leadership, claiming a dominant position in this area. Control over international technology transfer channels is seen by the United States as an essential mechanism for maintaining this leadership. The article identifies three “waves” of tightening control over technology transfer in the context of maintaining national security: the cold war period, the 80s in response to the unfolding competition with Japan, and the modern stage. Within each stage, the author examines the main challenges to American technological dominance, control mechanisms, and trends in control policy. The development of technology transfer controls in the United States is currently undergoing another cycle of tightening. In the US export control regime, the role of embargoes and sanctions has again increased. The extraterritorial use of the punitive apparatus

has expanded, and the language of ultimatums has become more common. Control over investment transactions is tightening. Mechanisms for controlling technology transfer within the United States are being improved. The US is looking for an enemy. In the National Strategy for Critical and Emerging Technologies, China and Russia are considered as the main strategic competitors. It is argued that both states have a vital interest in American technology and use all possible means to obtain it. Nevertheless, China has become the No. 1 enemy for the Trump administration. The technological war between the United States and China most clearly reflects the methods of struggle for global leadership. Perhaps the actions of the new American administration will become less impulsive, it will change the focus in this struggle, but will not abandon it. Control over international technology transfer channels will continue to be in demand and will be improved.

Keywords: technological leadership, national security, technology transfer channels, technologies, intangible technologies, critical technologies, export control, Foreign Investment Committee.

About author:

Elina V. KIRICHENKO, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-89-97

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ США И КИТАЯ В ЕВРОПЕ

© 2021 г. Л. Гамза

ГАМЗА Леонид Анатольевич, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (leo.center.jp@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 28.01.2021.

На примере китайской компании *Huawei*, лидера в разработке и развертывании телекоммуникационных сетей пятого поколения *5G*, показана нарастающая конкуренция США и Китая в сфере передовых технологий на рынке Европы. Анализируются влияние американских санкций на *Huawei* и перспективы реализации подписанного между КНР и ЕС соглашения об инвестициях.

Ключевые слова: Китай, США, Европа, ЕС, торговая война, технологическое противостояние, американские санкции, *Huawei*, *5G*, инвестиции.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-98-105

В современном мире вес и влияние страны в значительной степени зависят от уровня развития, внедрения и практического использования прорывных технологий. По многим из этих позиций США долгое время были неоспоримым лидером, однако в последние годы к ним стремительно приблизился Китай. Это стало одной из главных причин начала “торговой войны” администрации президента Трампа с Китаем в период 2018–2020 гг., ключевым элементом которой является борьба за лидерство в сфере технологий. В опубликованных в декабре 2017 г. Стратегии национальной безопасности США (*The National Security Strategy, NSS*) и в январе 2018 г. Стратегии национальной обороны США (*National Defense Strategy of the United States of America*) заявлено, что “главная угроза безопасности и процветанию США исходит от так называемых ревизионистских государств”, к которым Китай отнесен наряду с Россией. Подчеркивается, что “КНР осуществляет масштабную модернизацию своих вооруженных сил, информационно-психологические операции, использует рычаги экономического давления для запугивания соседних государств, чтобы изменить баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе в свою пользу. Реализация китайских программ военного строительства имеет ближайшей целью установить гегемонию Пекина в Азии, а конечной – перехватить у Соединенных Штатов роль глобального лидера” [1]. В бюджетах США на 2019–2021 финансовые годы Китай и Россия также названы главными угрозами США.

Китайские исследователи считают, что “конкуренция Китая и США в области технологий является геополитическим конфликтом, в который вовлечено множество сложных и всеобъемлющих факторов, таких как технологии, промышлен-

ность, экономика, политика и глобальное противостояние. Он является неизбежным результатом конкуренции между Китаем и США в области высоких технологий за последние 50 лет. Его основная причина заключается в получении конкурентного преимущества промышленностью в результате технологических изменений и инноваций, вызванных волной глобализации Интернета” [2]. В апреле 2020 г. *The Wall Street Journal* сравнила достижения США и Китая в областях *5G*, искусственного интеллекта (ИИ), квантовых компьютеров, полупроводников и беспилотного транспорта. Издание пришло к выводу, что по достигнутому уровню и перспективам применения большинства этих технологий, за исключением *5G*, США пока сохраняют лидирующие позиции, однако Китай стремительно сокращает отставание. При этом подчеркнуто, что “развивающаяся экономика Китая, ныне занимающая второе место в мире, а также огромные государственные инвестиции в технологии как никогда стремительно лишают США преимуществ” [3].

Обострение противостояния между США и Китаем в области технологий проявилось в действиях, предпринятых администрацией Трампа с 2018 г. против китайских телекоммуникационных компаний *ZTE* и *Huawei*, которые за последние годы превратились в глобальные транснациональные корпорации (ТНК) и заняли лидирующие позиции в области беспроводной связи не только у себя в стране, но и в мире. Как отмечают китайские исследователи, “в условиях нарастания торговых трений Соединенные Штаты без колебаний используют национальную мощь, чтобы задушить *Huawei*. Суть заключается в том, чтобы окружить и заблокировать развитие информационной индустрии Китая” [3]. Многие выступающие про-

тив Китая высокопоставленные американские политики обвиняют *ZTE* и *Huawei* в недобросовестной конкуренции, поскольку они предлагают свою продукцию по цене на 20–30% ниже цены на аналогичные товары из других стран благодаря дешевизне китайской рабочей силы и финансовой поддержке со стороны государства. Однако главным аргументом в борьбе с *Huawei* стали обвинения ее в сотрудничестве с китайскими спецслужбами и угрозе национальной безопасности США.

СХВАТКА ЗА ЕВРОПЕЙСКИЙ РЫНОК

В борьбе с китайскими компаниями США особое внимание уделяют Европе, своему политическому и военному партнеру, а также одному из главных рынков сбыта продукции американских компаний. В 2018 г. объем американской торговли с 28 странами ЕС составил 674 млрд евро, на долю США пришлось 17.1% всего внешнеторгового товарооборота Сообщества. Однако на второе место в последние годы резко выдвинулся Китай, доля которого с 2000 по 2018 г. выросла в 3 раза до 15.4% (605 млрд евро) [4]. За первые 9 месяцев 2020 г. объем торговли товарами между ЕС и КНР составил 425.5 млрд евро, что на 3% больше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Экспорт Китая в ЕС составил 280.7 млрд евро (рост на 4.5%), импорт – 144.8 млрд евро. За этот же период импорт ЕС из США сократился на 11.4%, а экспорт – на 10%.

Хотя США практически запретили деятельность *Huawei* на своей территории, страны ЕС не мешают ей оставаться на своем рынке телекоммуникационного оборудования и услуг. В 2017 г. *Huawei* получила здесь 31% всей своей прибыли. Акции США против *Huawei* не нашли поддержки в Европе из-за того, что ее вытеснение с рынка приведет к задержкам с запуском сетей *5G* и отразится на прибылях европейских компаний. В развитии *5G* ЕС отстает от Китая, США и Южной Кореи: по прогнозам, к 2023 г. общее число пользователей услугами *5G* в мире составит 1.3 млрд человек, из которых доля Китая составит 56%, за ним следуют США с 17%, еще 13% – страны Азии (без учета КНР). На долю Европы будет приходиться лишь 9% мировых пользователей *5G* [5].

Под давлением США в начале марта 2019 г. Европарламент принял резолюцию, в которой выразил обеспокоенность, что оборудование *5G* может позволить *Huawei* получить незаконный доступ к личным и персональным данным пользователей и телекоммуникациям ЕС [6]. Вслед за этим Еврокомиссия выпустила Рекомендации по кибербезопасности сетей *5G*, в которых потребовала от стран-членов оценить риски инфраструктуры

таких сетей и повысить до необходимого уровня требования к поставщикам оборудования [7]. ЕК и Европейское агентство по кибербезопасности, напрямую не называя Китай, предупредили страны Союза о рисках, связанных с оборудованием *5G* из “враждебной” страны или страны, “где нет законодательных или демократических сдержек и противовесов” [6].

Правительства европейских стран демонстрируют различные подходы к сотрудничеству с *Huawei*. Так, Великобритания в последние годы активно развивает экономические связи с Китаем. По итогам II кв. 2020 г. Китай впервые вышел на первое место среди основных экспортеров в Великобританию (11 млрд ф. ст., или около 14.8 млрд долл.), что составило 13.4% стоимости всех ввезенных в страну товаров. Основной статьей китайского импорта является электрическое оборудование – 35.2%, прежде всего телекоммуникационное оборудование и потребительские электронные устройства: смартфоны, планшеты, портативные компьютеры.

В июле 2018 г. Наблюдательный совет созданного по инициативе *Huawei* в 2014 г. Центра оценки кибербезопасности (*UK Huawei Cyber Security Evaluation Centre*) выпустил доклад, содержащий критику *Huawei* за “некорректные инженерные решения” и отсутствие надлежащего контроля за ПО, создаваемого сторонними компаниями. Однако вывод гласил, что Наблюдательный совет может дать “ограниченную гарантию”, что деятельность *Huawei* в стране не представляет угрозы национальной безопасности Великобритании.

В следующем докладе в марте 2019 г. было отмечено, что серьезные проблемы с безопасностью внутри компании по-прежнему сохраняются, однако они не являются результатом вмешательства китайского государства. В итоге в мае 2019 г. премьер-министр Т. Мэй дала согласие на поставки в Великобританию “неосновного оборудования” (*non-core equipment*) китайской компании. В конце января 2020 г. вопрос использования оборудования *Huawei* обсуждался на заседании СНБ под председательством премьер-министра Б. Джонсона, который заверил, что правительство “примет решение, руководствуясь фактами, а не необоснованными утверждениями” [8]. Тогда было подтверждено принятое ранее решение о возможности использования оборудования китайской компании при создании сетей *5G*, что вызвало негативную реакцию американской стороны.

Такая перспектива и нарастающее американское давление вынудили британские власти изменить свою позицию. В середине июля 2020 г.

правительство по рекомендации заседания СНБ приняло решение запретить *Huawei* участвовать в развертывании локальных сетей 5G. Ни одна британская компания после 2020 г. не вправе покупать ее оборудование и ПО, а все приобретенные ранее компоненты необходимо будет удалить из сетей до 2027 г. При этом власти признали, что в результате запуск сети 5G будет отложен на 2–3 года, что обойдется в 2 млрд ф. ст. [8]. Столь резкое “изменение позиции Джонсона в отношении компании *Huawei* объясняется лишь его неспособностью противостоять давлению Вашингтона, поскольку Британия выходит из ЕС и становится еще более зависимой от США” [9]. Британские власти попросили Японию о помощи в строительстве сетей 5G, альтернативными поставщиками оборудования названы японские *NEC* и *Fujitsu* [10].

Франция занимает жесткую позицию по вопросу безопасности сети 5G, не различая ее ключевые и неключевые компоненты. В июле 2019 г. парламент страны принял закон о безопасности новых сетей, который требует, чтобы все оборудование 5G проходило предварительное утверждение перед тем, как будет размещено [11]. Если власти сочтут, что неизменность, целостность, безопасность, доступность сети или конфиденциальность данных, проходящих через оборудование, или сеть 5G представляют серьезные риски для обороны и национальной безопасности Франции, то премьер-министр имеет право отвергнуть предложение и план компании-оператора по развертыванию сети, а использующий несертифицированное оборудование или не соблюдающий условия его утверждения оператор будет наказан. При этом правительство не вводило прямой запрет на использование оборудования *Huawei*. В июле 2020 г. Агентство по защите сетей информации заявило, что такой подход соответствует общей позиции ЕС и последним рекомендациям ЕК [12]. Вместе с тем правительство Франции будет стимулировать местных сотовых операторов использовать оборудование альтернативных телекоммуникационных компаний. Находящаяся под государственным контролем *Orange* уже заявила о намерении работать с *Nokia* и *Ericsson*. Уже сотрудничающие с *Huawei* французские компании получили от властей разрешение на его продолжение на срок от 3 до 8 лет.

ФРГ давно поддерживает тесные экономические связи с Китаем. В 2019 г. экспорт Германии в Китай составили почти половину всего экспорта ЕС в эту страну и достиг около 100 млрд евро [13]. В вопросе сотрудничества с *Huawei* власти страны демонстрируют взвешенный подход. В январе 2020 г. министр внутренних дел ФРГ Х. Зеёхфер заявил, что он “против того, чтобы изгонять с рынка какие-либо товары лишь на основании су-

ществования каких-то вероятностей”. Он подчеркнул, что без *Huawei* Германия не сможет быстро запустить сети 5G и их строительство затянется на 5–10 лет [14].

Государства Восточной и Центральной Европы также рассчитывают на выгоды от китайских инвестиций и торговли. По инициативе КНР для налаживания экономического сотрудничества с этими странами в 2012 г. была создана переговорная площадка 16+1, к которой в 2017 г. присоединилась Греция [15]. Премьер-министр Словакии заявил, что его правительство не видит угроз своей безопасности со стороны *Huawei*, такого же мнения придерживается правительство Венгрии, где китайская компания помогает создавать сеть поддержки бизнеса [16]. Несколько сложнее ситуация в Чехии, где руководители спецслужб и министерства обороны с подачи США выражают озабоченность по поводу кибербезопасности страны, хотя президент М. Земан обвиняет их в “антикитайском расизме” [16]. Власти Чехии, а также Болгарии, Латвии, Польши, Румынии и Эстонии приняли решение не внедрять у себя технологию 5G *Huawei* [15].

В то же время в сентябре 2020 г. в Сербии были открыты инновационный центр *Huawei* и испытательная лаборатория 5G. На церемонии открытия было подчеркнуто, что в будущих тендерах на развертывание сетей 5G страна будет придерживаться принципов открытости и прозрачности, не допуская дискриминации [17].

ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНСКИХ САНКЦИЙ

Китайские исследователи отмечают, что по мере ускорения темпов выхода китайских компаний на внешние рынки растет число инцидентов, когда их интересы подвергаются возрастающим политическим рискам [18]. С мая 2019 г. *Huawei* находится в “черном списке” США, что закрыло ей возможность свободно приобретать технологии и продукцию американских компаний, а также заставило пойти на увольнения в своем американском отделении. Сокращения затронули более 70% сотрудников ее исследовательского центра *Futurewei Technologies*, базирующегося в США. В лабораториях центра в штатах Вашингтон, Калифорния и Техас работали около 850 сотрудников, под сокращение попали не менее 600 [19].

По признанию президента компании Жэнь Чжэнфэя, он не ожидал, что США столь масштабно ударят по всей цепочке поставок, блокируя не только приобретение комплектующих, но и возможности участвовать в международных проектах. Он признал, что из-за санкций продажи компании в 2019 и 2020 гг. останутся на уровне около 100 млрд долл., хотя их потенциальный прирост

мог бы составить ежегодно до 30 млрд долл. Тем не менее *Huawei* не стала сокращать расходы на ИР и распродавать свои активы. Жэнь Чжэнфэй также сообщил, что намерен провести переговоры о локализации производства части ее продукции в РФ.

Чтобы противостоять американским санкциям, глава *Huawei* заявил о готовности продать лицензию на производимое ею оборудование для сетей 5G, в которую войдет весь комплект технологий, включая дизайн чипов и программные коды. Однако она может быть предложена только американской компании, поскольку в Европе уже работают конкуренты *Huawei* — *Nokia* и *Ericsson* [20]. Тем самым он обозначил стремление сохранить завоеванные ранее позиции как на американском, так и европейском рынках.

Динамика принятых американцами мер показывает, что они стремятся подорвать и основной бизнес *Huawei* по изготовлению смартфонов, в котором компания стабильно занимает второе место в мире. В 2018 г. она поставила на рынки 206 млн устройств (на 33.6% больше, чем в 2017 г.), половина которых была продана за пределами КНР [21]. Внесение *Huawei* в “черный список” компаний, представляющих угрозу национальной безопасности США, обязало *Google* лишить ее доступа к обновлениям *Android*. Ограничив доступ к *Android*, в чьей экосистеме работают *Gmail*, *YouTube*, *Google Maps* и еще 2.5 млн приложений, США нанесли мощный удар по зарубежному бизнесу *Huawei*. После введения санкций ее менеджеры прогнозировали, что в 2019 г. объем продаж смартфонов может упасть на 40–60 млн единиц. Поэтому уже в июне 2019 г. она объявила о переходе на собственную ОС *Hongmeng*, способную полностью заменить *Android*. В августе *Huawei* представила новую ОС *Harmony*, которая подходит для смартфонов, персональных компьютеров, планшетов, а также умных часов, экранов, автомобильных аудиосистем [22].

Противостояние Вашингтона и Пекина в сфере технологий может расширяться. Китай — один из ведущих мировых поставщиков редкоземельных металлов, необходимых для производства современных вооружений, сотовых телефонов, ветряных турбин, светодиодных ламп, гибридных автомобилей и электрокаров. В случае резкого обострения отношений он может пойти на прекращение поставок в США и поддержавшие их страны.

Власти Китая также взяли на вооружение тезис о защите национальной безопасности. Государственный комитет реформ КНР сообщил, что составит свой “черный список” технологических компаний, которые считает ненадежными и которым будет закрыт доступ на китайский рынок. В него уже попали *Intel*, *Qualcomm*, *Microsoft*, а так-

же *Samsung*, *Dell* и *Nokia* [23]. В связи с этим более 600 крупнейших компаний США после принятия майского указа Трампа направили ему письмо с просьбой отменить запреты на сотрудничество с Китаем [24].

Главной проблемой для китайских компаний является то, что традиционно микросхемы почти целиком приобретались за рубежом: в 2018 г. — на 312 млрд долл. (для сравнения: на закупку нефтепродуктов — 239 млрд долл.) [25]. В 2019 г. только 18% необходимых чипов производилось непосредственно в стране, причем лишь половина из них — китайскими компаниями [26].

По итогам 2019 г. американская *Apple* обогнала южнокорейский *Samsung*, став крупнейшим в мире заказчиком и потребителем полупроводников. На мировом рынке, объем которого оценивался в 418.3 млрд долл., ее доля составила 8.6%, *Samsung* — 8%. *Huawei* с долей 5% осталась на третьем месте [25]. Это связано в том числе с тем, что в августе 2020 г. Госсовет КНР принял ряд дополнительных мер для поддержки и стимулирования местных производителей интегральных схем и ПО. В их числе налоговые льготы, финансовая поддержка через инвестиционные фонды центрального правительства и местных властей, защита прав интеллектуальной собственности [27].

В январе 2020 г. глава *Huawei* в рамках Всемирного экономического форума в Давосе заявил, что решение властей США внести его компанию в “черный список” не оказало на нее значительного воздействия, поскольку она была к этому готова. При этом отметил, что новые санкции со стороны США не смогут создать критические проблемы [28]. Это подтвердили итоги 2019 г., в течение которого находившаяся под американским давлением компания поставила на мировой рынок 240 млн смартфонов, удержав на нем второе место после *Samsung* с общим объемом продаж 121 млрд долл. (рост на 18%). Причем поставки адаптированных под 5G смартфонов превысили 10 млн единиц [29].

В 2019 г. *Huawei* также на 70% увеличила закупки продукции и компонентов, произведенных американскими компаниями, потратив на это 18.7 млрд долл. (в 2018 г. — 11 млрд долл.) [30]. По заявлениям руководства компании, хотя она разрабатывает собственные чипы, приложения и сервисы, однако не хочет прекращать использование американских технологий.

Давление США оказало влияние на финансовые результаты компании: чистая прибыль за 2019 г. выросла лишь на 5.6% до 8.83 млрд долл. (в 2018 г. — 8.35 млрд при росте на 25%). Объем продаж изданий *Huawei* в 2019 г. увеличился прежде всего благодаря существенному росту на 34% в потре-

бительском сегменте, главным образом – смартфонов и других гаджетов. Основная часть роста пришлась на внутренний рынок Китая (на 36.2%, до 71.4 млрд долл.). Продажи в Европе снизились на 0.7% [30].

Huawei борется за сохранение своих позиций на мировом рынке. В 2019 г. она подписала более 45 контрактов на создание сетей 5G в 30 странах. Потребителей ее продукции могло быть больше, если бы не давление США. В результате финская *Nokia* в апреле–мае 2019 г. заключила 12 новых контрактов на 5G, а *Huawei* – лишь 3. Правда, в феврале 2020 г. китайская компания объявила, что заключила 91 контракт на коммерческое использование технологии 5G, причем более половины из них – в Европе [31].

Для укрепления позиций в Европе *Huawei* планирует открыть там несколько новых производственных центров. В феврале 2020 г. она объявила о строительстве во Франции завода по выпуску оборудования для сетей 4G и 5G. Инвестиции в него составят 200 млн евро, а произведенная продукция на сумму около 1 млрд евро будет продаваться главным образом в странах Европы. Завод станет первым проектом практического внедрения передовых китайских технологий в ЕС, частью которого станет демонстрационный центр для показа беспроводных базовых станций, загрузки программного обеспечения и процессов тестирования [32]. В марте 2020 г. в Париже был открыт первый во Франции и четвертый в Европе флагманский магазин *Huawei*, в котором стартовала продажа в Европе новейшего смартфона *Mate Xs 5G* с гибким дисплеем. Важной вехой в укреплении позиций *Huawei* и других китайских технологических компаний в Европе стало подписание 30 декабря 2020 г. всеобъемлющего соглашения об инвестиционном сотрудничестве между КНР и ЕС, переговоры по которому велись более 6 лет и которое может вступить в силу в начале 2022 г. Общая сумма китайских инвестиций в страны Европы оценивается в 120 млрд долл., а европейские компании вложили в экономику КНР более 140 млрд долл. [33].

Руководство *Huawei* исходит из того, что компания и дальше будет сталкиваться в Европе с трудностями из-за нарастающего американского давления, а также последствий пандемии коронавируса. Несмотря на это, глава компании в марте 2020 г. сообщил, что до конца года она увеличит расходы на НИОКР на 5.8 млрд долл., доведя их до 20 млрд долл., что поможет снизить зависимость от американских технологий. В то же время он ожидает, что в ходе борьбы с коронавирусом спрос на про-

дукцию отрасли информационных технологий будет расти из-за перехода все большего числа людей на удаленную работу [34].

* * *

Технологическое противостояние США и Китая в Европе является проявлением конкуренции двух ведущих экономик мира и важнейшей частью их борьбы за глобальное лидерство. США длительное время являлись мировым лидером в сфере разработки и использования интернет-технологий. Они всеми силами стремятся сохранить завоеванные ранее позиции, применяя для этого экономическое, финансовое и политическое давление. Со своей стороны Пекин не намерен отступать и будет активно противодействовать попыткам затормозить развитие страны, ключевым элементом которого в последние годы стали инновации и передовые технологии.

Противостояние ведущих экономик мира в сфере технологий будет обостряться, демонстрируя новые формы и методы конкурентной борьбы, инициатором которых останутся США. Последними мерами администрации Трампа стали принуждение китайской компании *TikTok* продать свой бизнес американскому конкуренту и лишение ведущих телекоммуникационных компаний *China Telecom*, *China Mobile* и *China Unicom (Hong Kong)* возможности продолжить размещение и торговлю своими акциями на Нью-Йоркской фондовой бирже (*NYSE*), а затем и, возможно, *NASDAQ*. Китайские исследователи отмечают, что “конкуренция между Китаем и США в области экономики и технологий не прекратится. В дальнейшем правительству Китая и компаниям следует учитывать постоянное давление со стороны США, и в этих условиях они должны ускорить независимые исследования и разработки, чтобы как можно скорее избавиться от технологической зависимости от западных стран” [3].

Смена власти в Вашингтоне приведет к определенным тактическим корректировкам подходов в отношении Китая, однако стратегический курс на противодействие и борьба за лидерство в сфере технологий останутся и будут продолжены. Новая администрация США уже заявила, что не намерена пересматривать принятые при Трампе Стратегию национальной безопасности и Стратегию национальной обороны США. Реализация заявленного президентом Байденом намерения усилить координацию действий США с Европой с перспективой формирования там единого антикитайского фронта также не сулит КНР ничего хорошего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America*. Available at: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed 10.05.2019).
2. 方兴东, 杜磊. 中美科技竞争的未来趋势研究—全球科技创新驱动下的产业优势转移、冲突与再平衡, 《人民论坛·学术前沿》2019年 第24期 第46–59页 [*Research on the prospects of Sino-American technological competition – Changing industry priorities, conflicts and rebalancing as result of global technological innovation* (In Chin.)] Available at: https://www.sohu.com/a/400990785_152590 (accessed 28.01.2020).
3. 吴绍波. 创新生态视角下中国信息产业面临的挑战与突围——美国制裁华为事件的启示. 《中国西部》2020年 第1期 第91–100页 [*Challenges and breakthroughs of China's information industry from the angle of innovation ecology – Lessons from US sanctions against Huawei* (In Chin.)] Available at: <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&filename=XBZG202001010> (accessed 14.04.2020).
4. International trade in goods in 2018. A Third of EU Trade is with the United States and China. *Eurostat News Release*, 2019. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/9678910/6-20032019-AP-EN.pdf/0ebd7878-dad5-478e-a5f0-3ae2c91f7ea3> (accessed 15.05.2020).
5. Дьюк С. “Хуавэй”: Европа отстает в развитии 5G технологий. *ИноСМИ*, 26.04.2019. [Duke S. “Huawei”: Evropa otstает v razvitii 5G tekhnologii [“Huawei”: Europe is lagging behind in the development of 5G technologies]. *InoSMI*, 26.04.2019.] Available at: <https://inosmi.ru/politic/20190426/245004267.html> (accessed 28.04.2019).
6. Security Threats Connected with the Rising Chinese Technological Presence in the EU and Possible Action on the EU Level to Reduce Them. *European Parliament*, March 12, 2019. Available at: www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0156_EN.html (accessed 19.05.2019).
7. Recommendation on Cybersecurity of 5G Networks. *European Commission*, March 26, 2019. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/cybersecurity-5g-networks> (accessed 25.05.2019).
8. Великобритания запретила Huawei создавать в стране сети 5G до 2027 года. *Интерфакс*, 14.07.2020. [UK bans Huawei to create 5G networks in the country until 2027. *Interfaks*, 14.07.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.interfax.ru/world/717324> (accessed 16.05.2019).
9. Кокберн П. Independent (Великобритания): Британия и США начинают новую холодную войну с Россией и Китаем – что же эти страны пытаются скрыть? *ИноСМИ*, 18.07.2020. [Kokbern P. Independent (Velikobritaniya): Britaniya i SShA nachinayut novuyu kholodnuyu voinu s Rossiei i Kitaem – chto zhe eti strany pytayutsya skryt'?' [The Independent: Britain and the USA start new Cold War with Russia and China]. *InoSMI*, 18.07.2020.] Available at: <https://inosmi.ru/politic/20200718/247775858.html> (accessed 19.05.2019).
10. UK Asks Japan for Help with 5G as Alternative to Huawei. *Nikkei Asian Review*, 18.07.2020. Available at: <https://asia.nikkei.com/Business/Telecommunication/UK-asks-Japan-for-help-with-5G-as-alternative-to-Huawei> (accessed 19.05.2019).
11. Sun-sook Park. The View from Seoul: how the US Huawei Ban Highlights the Risk of 5G. *Global Asia*, September 2019, vol. 14, no. 3, p. 26.
12. Франция не запретит использовать оборудование Huawei при строительстве сетей 5G. *Коммерсантъ*, 06.07.2020. [France will not ban the use of Huawei equipment in the construction of 5G networks]. *Kommersant*, 06.07.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4406516?query=Huawei> (accessed 10.07.2020).
13. Добров Д. В отношениях Китая и Евросоюза назревает кризис. *ИноСМИ*, 09.09.2020. [Dobrov D. V otnosheniyakh Kitaya i Evrosoyuza nazrevaet krizis [Crisis is brewing in relations between China and the European Union]. *InoSMI*, 09.09.2020.] Available at: <https://inosmi.ru/politic/20200909/248086827.html> (accessed 12.09.2020).
14. Министр внутренних дел Германии против исключения “Хуавэй” из процесса строительства сетей 5G. *Синьхуа*, 19.01.2020. [German Interior Minister opposes Huawei's exclusion from 5G construction. *Xinhua*, 19.01.2020. (In Russ.)] Available at: http://russian.news.cn/2020-01/19/c_138716350.htm (accessed 12.02.2020).
15. Ёсиока К. Асахи симбун (Япония): Китай строит в Венгрии железную дорогу по контракту, который засекречен на десять лет. *ИноСМИ*, 27.12.2020. [Esioka K. Asakhi simbun (Yaponiya): Kitai stroit v Vengrii zheleznyuyu dorogu po kontraktu, kotoryi zasekrechen na desyat' let [China is building a railway in Hungary under contract that classified for ten years]. *InoSMI*, 27.12.2020.] Available at: <https://inosmi.ru/politic/20201227/248824420.html> (accessed 30.01.2021).
16. Хиншо Д., Ву С. Wall Street Journal (США): американская кампания против “Хуавэй” сталкивается с проблемами в Восточной Европе. *ИноСМИ*, 02.11.2019. [Khinsho D., Vu S. Wall Street Journal (SShA): amerikanskaya kampaniya protiv Huawei stalkivaetsya s problemami v Vostochnoi Evrope [Wall Street Journal (USA): American campaign against Huawei faces problems in Eastern Europe]. *InoSMI*, 02.11.2019.] Available at: <https://inosmi.ru/politic/20190211/244551970.html> (accessed 27.01.2020).
17. Премьер-министр Сербии выразила готовность развивать сотрудничество с Huawei в разных областях. *Синьхуа*, 15.09.2020. [Serbian Prime Minister expressed readiness to develop cooperation with Huawei in various fields. *Xinhua*, 15.09.2020. (In Russ.)] Available at: http://russian.news.cn/2020-09/15/c_139369473.htm (accessed 27.11.2020).
18. 马骥. 中美竞争背景下华为5G国际拓展的政治风险分析, 《当代亚太》2020年 第1期 第4–29, 158页 [Ma Li. Analysis of political risks for the international promotion of 5G in the face of Sino-American competition. *Journal of Contemporary Asia Pacific Studies (Bimonthly)*, 2020, April 29, vol. 1, p. 158 (In Chin.)]

19. СМИ узнали о масштабных сокращениях в американском подразделении Huawei. *РИА Новости*, 23.07.2019. [Media learned about large-scale cuts in the American division of Huawei. *RIA Novosti*, 23.07.2019. (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20190723/1556785628.html> (accessed 25.07.2019).
20. Huawei собралась продать лицензию на технологии 5G американской компании. *Интерфакс*, 26.09.2019. [Huawei is about to sell a license for 5G technology to an American company. *Interfaks*, 26.09.2019. (In Russ.)] Available at: <https://www.interfax.ru/business/678108> (accessed 12.10.2019).
21. Huawei увеличила выручку в I полугодии, несмотря на санкции США. *Интерфакс*, 30.07.2019. [Huawei increased revenue in the 1st half of the year despite US sanctions. *Interfaks*, 30.07.2019. (In Russ.)] Available at: <https://www.interfax.ru/business/670914> (accessed 21.09.2019).
22. Huawei представила собственную операционную систему. *РИА*, 09.08.2019. [Huawei introduced its own operating system. *RIA*, 09.08.2019. (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20190809/1557335885.html?in=t> (accessed 12.08.2019).
23. Выстрел “Авроры” – Путин объявляет войну. *Инфорус*, 12.06.2019. [Aurora’s Shot – Putin Declares War. *Inforus*, 12.06.2019. (In Russ.)] Available at: <https://inforuss.info/vystrel-avrory-putin/?q=FB/index6.php> (accessed 13.06.2019).
24. Трамп обсудил с главами Google, Intel и Cisco ситуацию вокруг Huawei. *РИА Новости*, 23.07.2019. [Trump discussed with the heads of Google, Intel and Cisco the situation around Huawei. *RIA Novosti*, 23.07.2019. (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20190723/1556783769.html> (accessed 24.07.2019).
25. Apple обогнала Samsung и стала лидером по закупкам полупроводников. *Интерфакс*, 11.02.2020. [Apple overtook Samsung in semiconductor purchases. *Interfaks*, 11.02.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.interfax.ru/world/694899> (accessed 15.02.2020).
26. Коростиков М. Сверхдержавы меряются микрочипами. *Коммерсантъ*, 17.08.2019. [Korostikov M. Sverkhderzhavy merayutsya mikrochipami [Superpowers are measuring by microchips. *Kommersant*, 17.08.2019. (In Russ.)] Available at: https://www.kommersant.ru/doc/4050020?from=doc_vrez#id_illustration_01 (accessed 25.10.2019).
27. Китай внедряет стимулирующую политику для развития индустрий интегральных схем и программного обеспечения. *Синьхуа*, 05.08.2020. [China implements incentive policies for the development of IC and software industries. *Xinhua*, 05.08.2020. (In Russ.)] Available at: http://russian.news.cn/2020-08/05/c_139266825.htm (accessed 22.08.2020).
28. Huawei уверена, что сможет защититься от американских санкций в 2020 году – основатель компании. *Синьхуа*, 22.01.2020. [Huawei is confident it can defend against US sanctions in 2020 – company founder. *Xinhua*, 22.01.2020. (In Russ.)] Available at http://russian.news.cn/2020-01/22/c_138724739.htm (accessed 25.10.2020).
29. Выручка Huawei выросла на 18% в 2019 году. *Синьхуа*, 25.02.2020. [Huawei revenue grew by 18% in 2019. *Xinhua*, 25.02.2020. (In Russ.)] Available at: http://russian.news.cn/2020-02/25/c_138816907.htm (accessed 04.03.2020).
30. Huawei Releases its 2019 Annual Report. *Huawei*, 31.03.2020. Available at: <https://www.Huawei.com/en/press-events/news/2020/3/Huawei-2019-annual-report> (accessed 03.04.2020).
31. Компания Huawei заключила 91 контракт на коммерческое использование 5G, больше половины – в Европе. *Синьхуа*, 22.02.2020. [Huawei wins 91 5G commercial contracts, more than half in Europe. *Xinhua*, 22.02.2020. (In Russ.)] Available at: http://russian.news.cn/2020-02/22/c_138807942.htm (accessed 25.02.2020).
32. Huawei ups Europe Play with 5G Factory. *Mobileworldlive*, 28.02.2020. Available at: <https://www.mobileworldlive.com/featured-content/top-three/Huawei-ups-europe-play-with-5G-factory/> (accessed 10.03.2020).
33. Добров Д. Евросоюз заключил важнейшее экономическое соглашение с Китаем вопреки позиции США. *ИноСМИ*, 11.01.2021. [Dobrov D. Evrosoyuz zaklyuchil vazhneishee ekonomicheskoe soglashenie s Kitaem vopreki pozitsii SShA [The European Union has concluded a major economic agreement with China in defiance of the U.S. position.] *InoSMI*, 11.01.2021. (In Russ.)] Available at: <https://inosmi.ru/politic/20210111/248883431.html> (accessed 15.01.2021).
34. Huawei вернула к работе более 90% сотрудников. *Интерфакс*, 26.03.2020. [Huawei returned more than 90% of employees to work. *Interfaks*, 26.03.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.interfax.ru/business/700984> (accessed 05.04.2020).

TECHNOLOGICAL CONFRONTATION BETWEEN USA AND CHINA IN EUROPE

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 7, pp. 98-105)

Received 28.01.2021.

Leonid A. GAMZA (leo.center.jp@mail.ru).

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article is devoted to the analysis of the confrontation between USA and China in the field of advanced technologies in Europe. On the example of the leading Chinese technological transnational company (TNC) Huawei which is the world leader in the development and deployment of advanced telecommunications networks of the fifth generation 5G it is shown that the confrontation between the US and China in the field of technology is a manifestation of intense competition at the interstate level that will increase. It is shown that the policy and increasingly tough US measures do not meet understanding and support from the many countries and this is clearly seen in Europe, which today is the main market for technological products of US and China and therefore has become the main arena of

confrontation between them. The key EU countries in their evaluations and approach to cooperation with Huawei are guided primarily by their economic interests and put into practice a balanced and pragmatic approach. Amid tougher American sanctions and increasing political and economic pressure Chinese TNC Huawei maintained its position in the European market considering it as a strategic asset and alternative to the closed US market. An important factor in strengthening positions of Chinese companies in Europe would be implementation of EU-China Comprehensive Agreement on Investments.

Keywords: China, USA, Europe, EU, trade war, investments, technological confrontation, sanctions, Huawei, 5G.

About author:

Leonid A. GAMZA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-98-105

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

© 2021 г. Д. Мальшева

*МАЛЫШЕВА Дина Борисовна, доктор политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (dsheva@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 18.02.2021.

Статья посвящена разноплановому воздействию России, Китая, Турции и Ирана на современные международные отношения в Центральной Азии. Анализ новаций, определивших там к 2021 г. основные направления международно-политической конкуренции, позволяет выявить специфические интересы и цели действующих в Центрально-Азиатском регионе внешних сил, показать особенности их взаимодействия друг с другом. Интересам России в Центральной Азии и ее деятельности в сфере безопасности зачастую противостоят глобальные, региональные или же негосударственные акторы. Факторы, играющие в пользу реализации в Центральной Азии инициативы Китая “Один пояс, один путь”, как правило, берут верх над раздражителями, имеющими в центральноазиатских странах разные свойства – начиная с опасений превратиться в сырьевой придаток китайской экономики и заканчивая часто преувеличиваемой угрозой китайской демографической экспансии. Продвигаемые Турцией в среде тюркоязычных народов Центральной Азии альтернативные проекты, как и стремление Ирана использовать свои отношения с центральноазиатскими странами, с Китаем для ослабления своей международно-политической изоляции, имеют серьезные ограничители. Центральная Азия надолго еще останется территорией политического противостояния больших игроков, которые будут соперничать здесь, бороться за влияние, ресурсы и рынки. В таком соперничестве правящие элиты стран Центрально-Азиатского региона станут усматривать возможность извлекать для себя большие выгоды, и этим соображением будет обусловлено их следование по пути многовекторной политики, открывающей, по их мнению, возможности для маневра.

Ключевые слова: конкуренция, постсоветское пространство, Центральная Азия, Россия, безопасность, альтернативы, многовекторность.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-106-115

Приоритетом для бывших советских республик, ныне независимых государств Центральной Азии (ЦА), остается принцип отстаивания своей территориальной целостности и политической независимости. Страны Центрально-Азиатского региона стремятся позиционировать себя как национальные государства и субъекты, а не объекты мировой политики. Региональная интеграция признается ими как эффективная форма отстаивания и продвижения своих интересов. И для активизации регионального сотрудничества в последние годы усилиями ключевых драйверов регионализации – Казахстана и Узбекистана – в ЦА запущен ее новый формат (см. подробнее [1]).

Вместе с тем взятая центральноазиатскими странами на вооружение внешнеполитическая стратегия *многовекторности*, имеющая свои особенности в каждом конкретном случае, открывает разнообразным внешним силам “окно возможностей” для влияния на политические и экономические процессы в Центрально-Азиатском регионе таким образом, что его государства становятся объектами многостороннего соперничества.

ЦА привлекает к себе международное внимание вследствие своей возросшей геополитической и геоэкономической значимости. Она определяется главным образом выгодным географическим положением Центрально-Азиатского региона, его богатейшим природно-ресурсным потенциалом, создавшимися здесь благоприятными условиями для продвижения разнообразных международных инициатив, нацеливающихся на полномасштабную евразийскую интеграцию.

В конкурентную борьбу за доступ к углеводородным и иным ресурсам Центрально-Азиатского региона, за контроль над его транспортно-коммуникационными коридорами, а также и за право дирижировать политическими процессами в странах ЦА вовлечены ныне не только ведущие мировые державы (Китай, Россия, США, Европейский союз), но и региональные акторы, в числе которых – Турция и Иран.

В статье анализируются новации, определившие к 2021 г. основные направления и специфические характеристики международно-политической конкуренции в ЦА. Особое внимание уделено

в связи с этим внешнеполитическим альтернативам, с которыми выступили ведущие партнеры центральноазиатских стран – Россия, Китай, Турция и Иран.

Начнем с России, которая включает входящие в Содружество Независимых Государств (СНГ) страны (а значит, и обширный центральноазиатский сегмент СНГ) в сферу региональных приоритетов своей внешней политики.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Исчисляющиеся веками связи между Россией и народами ЦА охватывают ныне разнообразные сферы – экономику, торговлю, политику, культуру. Ввиду особой заинтересованности РФ в стабильном и бесконфликтном развитии ее центральноазиатских соседей важным направлением сотрудничества с ними остается и область безопасности. Россия твердо намерена также поддерживать и развивать военное сотрудничество со странами ЦА, продвигать на их рынки российскую экспортную структуру, подключать страны региона к реализации стратегического курса, нацеленного на экономическую интеграцию в масштабах всего постсоветского пространства.

При этом объединения, где Россия отчетливо обозначила свое лидерство, – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – придают импульс процессам интеграции в ЦА, обеспечивают безопасность этого региона, ограждают его от угроз международного терроризма. Таким образом, у России, обладающей в СНГ самым мощным экономическим и военно-политическим потенциалом, имеется серьезный ресурс для реализации своих интересов в ЦА.

Для центральноазиатских республик, стремящихся экспортировать свои товары и природные ресурсы на мировые рынки, основное препятствие создает географическая среда. Она характеризуется замкнутостью данного региона внутри материковой суши при отсутствии прямых выходов к открытым морям. Поэтому для стран ЦА одним из главных и существенных путей внешнеторгового транзита становится территория России. Через нее прокладывается и логистика большинства энергетических маршрутов. Россия же оказывается для стран региона одним из основных торгово-экономических партнеров, главным реципиентом трудовой миграции, гарантом безопасности.

Согласно официальной информации, объем торговли между Россией и государствами ЦА достиг в 2019 г. 20.5 млрд долл. Наибольший показа-

тель товарооборота с Россией – у Казахстана (более 14 млрд долл.) и Узбекистана (свыше 3.5 млрд). С 2008 по 2019 г. безвозмездную помощь, которую Россия оказывала странам региона либо в двустороннем формате, либо в рамках международных организаций, достигала суммы, превысившей 6 млрд долл. В России постоянно находится более 4 млн выходцев из стран ЦА, преимущественно трудовых мигрантов. Их денежные переводы на родину составили с 2013 по 2018 г. в общей сложности 57.13 млрд долл. По данным Министерства образования и науки РФ, в России ежегодно обучаются в вузах 160 тыс. студентов и аспирантов из ЦА. Около 100 млн долл. в год выделяется российским бюджетом на обучение 59 тыс. студентов ЦА. С этими странами Россия заключила свыше 900 двусторонних договоров и межправительственных соглашений, 70% которых относятся к экономической сфере [2].

Наряду с регулярными контактами на высшем уровне между президентами, Россия активизировала дипломатический диалог с центральноазиатскими странами в формате встреч министров иностранных дел: с 2019 г. соответствующий консультативный механизм под названием “Центральная Азия плюс Россия” приведен в действие.

Россия, обладающая на всем пространстве СНГ очевидным преимуществом в военной силе и снабжающая (почти на 60%) военной техникой и вооружением страны ЦА, располагает также в этом регионе несколькими важными военными объектами. В Таджикистане в ведении РФ находится 201-я военная база в Душанбе, 191-й мотострелковый полк в Курган-Тюбе, оптико-электронный комплекс контроля космического пространства “Окно” на горе Санглок (Памир). В Казахстане на полигоне “Сары-Шаган” (около озера Балхаш) расположена Радиолокационная станция (РЛС) Космических войск РФ. В Киргизии несколько российских военных объектов (авиабаза, испытательная база противолодочного вооружения “Койсары”, радиосейсмическая лаборатория для мониторинга испытаний ядерного оружия) имеют с 2017 г. статус “Объединенной базы” [3].

Лидирует Россия и по программам обучения офицерских кадров для армий стран ЦА. С весны 2019 г. на пространстве, входящем в зону ответственности Организации Договора о коллективной безопасности (а значит, и таких государств – членов ОДКБ, как Казахстан, Киргизия и Таджикистан), ежегодно проходит антитеррористическая операция “Наемник”. Она позволяет выявлять граждан, решивших вернуться на родину из зон боевых действий (в Афганистане или на Ближнем Востоке), участниками которых они являлись, часто в составе экстремистских и террористических

организаций. Кроме того, данная операция помогает перекрывать каналы поставки оружия, предотвращать вовлечение в террористическую активность новых участников.

Проводит ОДКБ в Центральной Азии и ряд других операций. В их числе – антинаркотическая (“Канал”), направленная на то, чтобы повысить взаимодействие между государствами в борьбе с распространением наркотиков, пресекать каналы их поступления, предотвращать другие противоправные действия. Готовятся на базе российских учебных заведений кадры для борьбы в странах ЦА с незаконным оборотом наркотиков и их производством.

Регулярно проводятся в ЦА военные учения с участием Министерства обороны РФ. Знаковыми в плане масштабности и целеполагания стали проведенные с 16 по 21 сентября 2019 г. стратегические командно-штабные учения “Центр-2019”. В них приняли участие подразделения вооруженных сил РФ, а также воинских контингентов Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Индии, КНР и Пакистана. Целью учений стало обеспечение военной безопасности на Центральном-Азиатском стратегическом направлении.

Россия, таким образом, берет на себя львиную долю ответственности за поддержание региональной безопасности в Центральной Азии. Но если эта сфера деятельности, как и интеграционные инициативы России, воспринимаются в ЦА простыми гражданами в целом позитивно, то время от времени обсуждаемая Москвой идея реинтеграции постсоветского пространства разделяется далеко не всеми политическими элитами государств ЦА и особенно их националистическими кругами. Такого рода рассуждения часто расцениваются ими как проявление колониальных, имперских устремлений РФ. Критично и отношение некоторых представителей деловых кругов центральноазиатских государств к проектам экономической интеграции под эгидой России, ибо конкуренция со стороны российских компаний не всегда является в ЦА желательной.

Проблемой для России становится и то, что политическая элита постсоветских стран ЦА – по мере своего “взросления” – перестает рассматривать Россию как единственного партнера в программах экономической, политической и культурной интеграции. Поэтому в Центральной Азии Россия все чаще сталкивается с противостоянием, участниками которого становятся глобальные, региональные или же негосударственные акторы. Растет в последние годы влияние в Центральном-Азиатском регионе и такой мощной экономической державы, как Китайская Народная Республика.

“ПОЯС И ПУТЬ” КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

К началу 2000-х годов у Китая для “вхождения” в ЦА уже имелись важные побудительные мотивы. В Пекине полагали, что ослабление позиций России в центральноазиатской части постсоветского пространства и начатая в 2001 г. международная операция в Афганистане создавали реальную угрозу заполнения геополитического вакуума в ЦА американо-натовскими силами. Ускорял активизацию Китая в ЦА и фактор Синьцзяна, где промышленный рост сопровождался в 90-е годы установлением тесных торгово-экономических контактов с центральноазиатскими странами.

На современном этапе ускоренное взаимодействие Китая со странами ЦА связано с его возвышением как второй экономики мира. Важнейшим феноменом международной жизни XXI в. стало вхождение Китая в мировую политику, сопровождающееся активизацией его взаимодействия с возрастающим числом стран и регионов мира.

Импульс усилению экономической роли Китая в ЦА придали запущенные им в 2013 г. программы, которые намечали воссоздание сухопутных и морских транспортных магистралей с тем, чтобы они связали торговыми путями Азию и Европу. Объединившая эти проекты концепция “Один пояс, один путь” (ОПОП) включает в себя такие составляющие, как политическое сближение, инфраструктурные связи, свободная торговля, обмен капиталами, сближение народов.

В 2020 г., прошедшем под знаком коронавирусной пандемии, Китай единственным из крупных экономик мира продемонстрировал экономический рост, намереваясь и в дальнейшем совершенствовать стратегию своего развития.

Не удивительно поэтому, что к 2021 г. Китай утвердился в ЦА в качестве одного из ведущих инвесторов, торговых партнеров и кредиторов¹, потеснив в ряде случаев Россию и традиционных европейских компаньонов стран региона. Особую значимость для Китая с его бурным промышленным ростом приобрели энергетические ресурсы ЦА. Даже несмотря на усилия, предпринимаемые китайским правительством в направлении переориентации национальной экономики на менее затратные сферы энергетики, зависимость страны от импорта углеводородов (более чем на 70%) продолжает расти.

Большая часть нефти, столь необходимой для китайских производителей, поставляется в КНР по морю – в основном из Персидского залива и Африки. Однако в связи с появившимися новыми об-

¹ С 1992 по 2017 г. китайские инвестиции в регион достигали, по некоторым подсчетам, 8 млрд долл. США [4].

стоятельствами (увеличением в 2020 г. стоимости морских перевозок; периодически возникающими угрозами грузам, следующим в Китай через Малаккский пролив² и Южно-Китайское море, где потенциальный конфликт Китая с США так и не снят с повестки дня³) в Китае рассматривают более выгодные альтернативы – в частности, оказавшуюся конкурентоспособной российскую трубопроводную нефть. Важным остается для Китая и приток энергоносителей – нефти и газа – из ЦА. Этот регион открывается также для Китая как удобный транзитный путь для его товаров, направляемых в Европу.

Политическая составляющая интереса Китая к ЦА сводится в основном к его усилиям по охране своих границ, сопредельных со странами ЦА (преимущественно в районе Синьцзяна). Китай, как и Россия, озабочен ситуацией в Афганистане, где, примкнув к террористической структуре “Исламское государство” (запрещена в России), обособились выходцы из китайского Синьцзяна – боевики “Исламского движения Восточный Туркестан”, запрещенного как в самом Китае, так и в России.

Странам ЦА Китай интересен прежде всего как инвестор и важный торгово-экономический партнер. Кроме того, опыт Китая в постепенной трансформации своей политико-экономической системы и создании успешно конкурирующей в мире экономической модели востребован в ЦА Казахстаном, лидирующим в экономическом развитии, или же Узбекистаном, относительно недавно приступившим к глубокому реформированию своей политической и экономической системы.

Наряду с позитивом, двусторонние отношения с Китаем части стран ЦА (особенно Казахстана, Киргизии и Таджикистана) отмечены серьезными раздражителями, имеющими разные свойства. Центральноазиатский социум тревожат, в частности, опасения превратиться в сырьевой придаток китайской экономики, угроза китайской демографической экспансии, создание условий, при которых стала бы возможной передача Китаю сельскохозяйственных угодий, а китайская сторона

² Через Малаккский пролив проходит 60% китайских торговых судов и осуществляется до 80% углеводородных поставок в КНР.

³ Стремлению Китая установить в Южно-Китайском море контроль – в том числе и за счет военной составляющей – над стратегически важными островами, территориальная принадлежность которых в той или иной степени оспаривается соседями КНР (Филиппинами, Вьетнамом, Малайзией, Брунеем, Тайванем), противостоят США, которые имеют значительные интересы в этом регионе и давно пытаются сдержать здесь растущее влияние Китая, в том числе путем активизации в Южно-Китайском море своего военного присутствия. Итогом развернувшегося в регионе торга за лидерство и стала нарастающая напряженность (см. подробнее, например, [5]).

продолжила бы неправомерно использовать трансграничные воды.

Трудно при этом не заметить причастности к разжиганию в Центральной Азии синофобских настроений прямых конкурентов Китая – Соединенных Штатов и Евросоюза. Они, концентрируя первоочередное внимание печатных и электронных СМИ на вопросах нарушения Пекином прав этнических меньшинств, стараются таким образом помешать реализации в ЦА инициативы “Один пояс, один путь” (как, впрочем, и программы ЕАЭС). Облегчаются действия США тем, что курс на вытеснение из региона России и Китая оставался неизменным при всех американских администрациях. Эта цель присутствовала сначала в разрабатывавшихся администрациями Клинтона, Буша, Обамы политико-идеологических проектах, призванных составить конкуренцию РФ и Китаю в борьбе за политическое и экономическое влияние в Центрально-Азиатском регионе, а затем и в запущенной американским госдепартаментом в октябре 2015 г. инициативе “C5+1”. Она предусматривает проведение на регулярной основе встреч с госсекретарем США пяти министров иностранных дел центральноазиатских государств. Последнюю такую министерскую встречу государственный секретарь США Майк Помпео (занимал этот пост с 25 апреля 2018 по 20 января 2021 г.) провел 3 февраля 2020 г. в Ташкенте, где он презентовал новый документ администрации – “Стратегию Соединенных Штатов для Центральной Азии на 2019–2025 гг. Продвижение суверенитета и экономического процветания”.

Что касается России, то, хотя в ее отношениях с Китаем негласно присутствует экономическое соперничество, она по магистральным направлениям действует в ЦА в формате, который определен *союзническими* российско-китайскими межгосударственными отношениями. Важно, что их устойчивый и долговременный характер был подтвержден на состоявшихся 23 марта 2021 г. в китайском Гуйлине переговорах министров иностранных дел РФ и КНР и в подписанном ими важном документе – “Совместном заявлении по некоторым вопросам глобального управления в современных условиях”⁴.

Что касается ЦА, то здесь Россия намерена продолжить сопряжение евразийской интеграции

⁴ В нем наряду с указанием на то, что “важным условием развития человечества является международное право”, международному сообществу предлагается также “придерживаться таких принципов, как открытость, равноправие и деидеологизированность, сообща реагировать на вызовы и угрозы глобального характера, совместными усилиями отстаивать авторитет многосторонних структур и повышать эффективность их работы, способствовать оптимизации системы глобального управления” [6].

с китайской инициативой ОПОП, о чем, в частности, заявил 5 февраля 2021 г. в Алматы российский премьер в своем выступлении на форуме “*Digital Almaty 2021*”, проведенном в рамках очередного заседания Евразийского межправительственного совета. В плане поддержания безопасности в ЦА и решимости не допустить возникновения здесь очагов террористической активности и религиозного экстремизма Россия намерена совместно с Китаем предотвращать исходящие из Афганистана угрозы, способные нарушить стабильность как в центральноазиатских государствах, так и в китайском Синьцзяне. Совпадают эти взаимопересекающиеся цели и с интересами стран ЦА, которые поддерживают Россию и Китай в их усилиях, направленных на формирование полицентричного мира. Именно такое мироустройство, открывающее странам больше простора для суверенного национального развития, отвечает чаяниям обеих глобальных держав, их союзников и партнеров в ЦА.

Совместное пространство интересов российско-китайского тандема расширяется, превращаясь в важнейший фактор международной политики, военной стратегии, решения задач противодействия попыткам американского глобального доминирования. В сложные пертурбации в Центральной Азии, где разворачивается конкуренция между Россией, Китаем, США и их союзниками, постепенно вовлекаются и крупные региональные державы Евразии. Турция и Иран – в их числе.

ТУРЕЦКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

В основе современной внешнеполитической стратегии Турции лежит идея консолидации народов, имеющих с Турцией общие культурные и лингвистические корни. К этой категории в Турции относят, например, уйгуров Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, а также ряд тюркоязычных народов России. В ЦА интерес Турции привлечен к странам, где основную часть населения составляют тюркоговорящие – Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан. Примечательно, что за вычетом Киргизии все они – экспортеры энергоресурсов.

Турция стала одним из крупнейших торговых партнеров Туркменистана. Тесные торгово-экономические и культурные связи сложились у Турции с Казахстаном и Киргизией. Активизировались в послекаримовский период отношения Турции с Узбекистаном, который рассматривается Анкарой как весьма привлекательный экономический и политический партнер. Даже персоязычный Таджикистан, которому в культурно-лингвистическом отношении ближе Иран, включил Турцию в первую четверку своих торговых партнеров.

Под влиянием Турции центральноазиатские страны реформируют свой алфавит, переводя его с кириллицы на латиницу. Первым в ЦА такой переход еще в 90-е годы осуществил Туркменистан. Его примеру последовал Узбекистан, который, впрочем, достиг меньших успехов в заимствовании турецкого опыта написания на латинице. Не обещает стать легким и процесс перехода на латиницу в Казахстане. Там этот процесс был запущен в 2017 г. – после опубликования Н. Назарбаевым, занимавшим тогда пост главы государства, статьи под названием “Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания”.

Задача развития в ЦА многостороннего сотрудничества, в рамках которого Турция явно претендует на главную роль, возложена на функционирующий с 2009 г. Совет сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет, ТС). Его участниками стали Азербайджан с Турцией, а также несколько центральноазиатских государств – Казахстан, Киргизия, Узбекистан (последний вступил в ТС относительно недавно – в 2019 г.). Участвует в различных мероприятиях ТС и Туркменистан.

Тюркский совет является “зонтичной организацией” для ряда объединений, призванных координировать политическую, экономическую и культурную интеграцию тюркоязычных стран. Через аффилированные с Тюркским советом культурно-просветительские учреждения (Международная организация тюркской культуры, Фонд тюркского культурного наследия, Международная тюркская академия и др.) Турция продвигает в Центральной Азии различные культурные и образовательные программы. Аналогичные функции выполняют в регионе работающие при турецком участии высшие учебные заведения: Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави в казахстанском городе Туркестан, Кыргызско-турецкий университет Манас в столице Республики Киргизия Бишкеке и др.

Активно вовлечена в политическую жизнь стран ЦА Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТЮРКПА), учрежденная в 2008 г. в Стамбуле парламентариями Азербайджана, Казахстана, Киргизии и Турции. Турецкий деловой совет и Турецкая торгово-промышленная палата – проводники турецких интересов в ЦА в сфере торгово-экономических отношений. Таким образом, широко освещаемый в ЦА турецкими информационно-пропагандистскими структурами опыт этой ближневосточно/евразийской республики в решении целого ряда проблем – культурно-просветительских, государственного строительства, реформирования военно-оборонного комплекса, перевода экономики на рыночные рельсы и пр. – нацелен на придание большей эффективности региональному

взаимодействию в рамках спроектированных Анкарой интеграционных программ. А все вместе это способно создать основу для успешного сотрудничества Турции со странами ЦА.

Обращает на себя внимание и значительная активизация в последние годы военного сотрудничества Турции со странами ЦА: оно включает совместное производство различных видов военной техники, поставки вооружения, подготовку военных кадров и пр. Весьма результативным в связи с этим оказался визит в Казахстан и Узбекистан в октябре 2020 г. министра национальной обороны Турции Хулуси Акара. В Казахстане ему удалось договориться о нескольких соглашениях, затрагивающих область турецко-казахстанского военного сотрудничества. В Узбекистане министр обсудил со своим коллегой из Министерства обороны планы по участию Турции в подготовке местных военных кадров и подписал 27 октября 2020 г. с узбекской стороной Соглашение о военно-финансовом сотрудничестве и Протокол об оказании финансовой помощи (эти документы утверждены постановлением президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева в марте 2021 г.).

В некоторых СМИ сообщалось, что представитель военного ведомства Турции обсуждал идею участия центральноазиатских стран в “армии Турана” — планируемом объединении вооруженных сил тюркских государств, которое должно положить начало их более тесному сотрудничеству в военной сфере. Обращало на себя внимание то, что членство Казахстана и Киргизии в ОДКБ не смутило не только турецких военных, но и самих этих потенциальных участников формируемого Турцией военного блока, что лишней раз доказывает: в современной Центральной Азии идея многовекторности может приобретать порой весьма причудливые формы.

Импульс расширению турецкого влияния в ЦА способны придать события на Кавказе, где 27 сентября 2020 г. разразилась завершившаяся 10 ноября Вторая карабахская война. По ее итогам Турция, которая в рамках своей “стратегии непрямых действий” расширила военное присутствие на Кавказе⁵, фактически получила также выход к Каспийскому морю. А это может быть использовано ею как трамплин для еще более глубокого проникновения в Центральную Азию.

⁵ Важной вехой на этом направлении стало открытие 30 января 2021 г. в азербайджанском Агдаме “Совместного российско-турецкого мониторингового центра для контроля за прекращением огня в Нагорном Карабахе”, в рамках которого по 60 офицеров с российской и турецкой сторон совместно будут осуществлять наблюдение за выполнением мирных договоренностей. По факту же этот центр легализует новый объект военного базирования Турции на Кавказе — в дополнение к уже имеющимся у нее в Грузии.

В этом регионе восприятие Турции в целом позитивно. Это обусловлено не только факторами, объединяющими тюркоязычные страны, — культурой и языком. В актив Турции в ЦА заносят динамичное развитие, позволившее ей войти в ряды ведущих региональных держав. Турция, кроме того, давно стала крупным центром притяжения трудовых мигрантов из стран ЦА, важным источником инвестиций, привлекательным рынком для экспортных товаров из этого региона. Такой благоприятный фон Анкара стремится использовать для достижения долгосрочной цели — закрепления в Центральной Азии через действующие под ее эгидой политические и экономические структуры, вытеснения своих конкурентов. Россия и Китай — в их числе.

Несмотря на то что в отношениях Турции с Россией присутствует целый клубок противоречий (да и воевали они между собой в прошлом немало), два государства сумели за истекшее десятилетие достичь по многим вопросам компромиссных решений на основе баланса интересов и взаимного уважения. Это, однако, не снижает уровень их конкурентного противостояния в той же Центральной Азии, где у России и Турции — неодинаковые подходы и к сфере безопасности центральноазиатских государств, включенных РФ в зону своей стратегической ответственности, и к проблеме региональной интеграции. Ведь объективно в ЦА Турция с опорой на создаваемые ею политические структуры и освоенное идеологическое пространство выстраивает интеграционные проекты, альтернативные российским.

Другой вопрос, хватит ли у Турции — при всех ее геополитических амбициях, направленных также на Европу, Кавказ, Ближний Восток, Средиземноморье, — достаточных ресурсов, чтобы создать в ЦА реальную, а не виртуальную конкурентную среду той же пророссийской ЕАЭС. Вот ведь и с реализацией ряда транспортно-логистических проектов с участием центральноазиатских государств у Турции не все гладко. Например, открытая 30 октября 2017 г. железная дорога Баку—Тбилиси—Карс, по которой планировалось организовать торговое сообщение в обход России из Азии в Европу, начала полноценно функционировать только после присоединения к проекту в 2019 г. российской государственной компании “Российские железные дороги”. Туманными выглядят перспективы строительства поддерживаемого Турцией Транскаспийского газопровода и участия в нем Казахстана и Туркменистана.

Непростые отношения сложились у Турции с Китаем. Они многие годы были омрачены разногласиями по уйгурской проблеме — в связи с поддержкой, которую Турция оказывала преимуще-

ственно тюркоговорящей мусульманской общине уйгуров, населяющих Синьцзян. Обвинив в 2009 г. власти КНР в геноциде этого национального меньшинства [7], Эрдоган, занимавший тогда пост премьер-министра, способствовал предоставлению в Турции политического убежища спасавшимся от преследований на родине уйгурам. В результате их диаспора в Турции стала крупнейшей в мире.

Однако по мере превращения Китая во второго по значимости после России торгового партнера Анкары⁶, вовлечения последней в китайский проект ОПОП и углубления китайско-турецкого двустороннего сотрудничества в сфере безопасности, позиция Турции по уйгурской проблеме менялась: многие уйгуры были турецким правительством арестованы или высланы в Китай. Высказывается даже предположение, что в обмен на заключенное в 2017 г. соглашение с КНР об ослаблении поддержки уйгуров Турция стала получать финансовую поддержку [9].

Активно развиваются и межгосударственные связи Турции и КНР. В 2019 г. президент Реджеп Эрдоган провел переговоры с Си Цзиньпином на встрече глав государств во время состоявшегося в Душанбе Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, а затем и на встрече G20 в японской Осаке. 2 июля 2019 г. Эрдоган посетил с официальным визитом Китай; в апреле 2020 г. турецкий и китайский лидеры провели телефонные переговоры. 25 марта 2021 г. Эрдоган принял в Анкаре министра иностранных дел КНР Ван И, с которым обсудил, в частности, вопросы дальнейшего развития прокладываемого через территорию Турции коридора “Среднего пути” ОПОП: значение этого коридора возросло после введения в действие в декабре 2020 г. железнодорожной магистрали “Железный Шёлковый путь/Средний коридор”, соединившей Стамбул с китайским Сианем. Все это, впрочем, не исключает факта соперничества в Центральной Азии Китая и Турции, которая остается здесь также конкурентом России.

Турция при этом так и не смогла стать полноценной страной-донором, содействующей международному развитию центральноазиатских государств. Возможности Анкары оказывать им экономическое содействие и тем более пускать в ход инвестиции для расширения масштабов своего политического влияния ограничены из-за непростого внутривосточного положения в самой Турции, спорадических кризисных явлений в экономике, отвлечения значительных сил и средств на подавление курдской оппозиции, несоразмерного по масштабам вовлечения этой страны в ближневосточную турбулентность и др. Все это отнюдь не

способствует реализации турецких амбиций, а тем более – победе в конкурентной борьбе с более продвинутыми соперниками, к числу которых, несомненно, принадлежат Китай и Россия.

Уравновесить присутствие Турции в Центральной Азии пытается и другое крупное региональное государство – Иран.

ИНТЕРЕСЫ ИРАНА И ОГРАНИЧИТЕЛИ ЕГО ВЛИЯНИЯ

Хотя Иран и уступает по экономическому и военному потенциалу своему традиционному региональному сопернику – Турции, геополитических амбиций у него не меньше. Достаточно заметить: пресс жесточайших санкций, наложенных на Иран Западом (и особенно Соединенными Штатами), не стал препятствием для расширения иранского влияния в Ближневосточном регионе через сеть созданных Тегераном шиитских милиций и фанатичных мусульманских проповедников. Но хотя Иран рассматривает в числе прочего свои отношения с государствами ЦА как возможность ослабить международно-политическую изоляцию, Исламской Республике труднее, чем Турции, использовать в своих отношениях со странами Центральной Азии фактор культурно-языковой или религиозной общности. Единственным персоязычным государством в регионе является Таджикистан. Однако в этой стране, как и повсюду в ЦА, господствует суннитский ислам, а шииты представлены лишь немногочисленной общиной (преимущественно в Горно-Бадахшанской автономной области).

В Таджикистане хранят память о том вкладе, который Иран внес в межтаджикский мирный процесс в период, когда Таджикистан был раздираем гражданской междоусобицей. Иран предстал тогда совместно с афганским Северным альянсом и Россией одним из гарантов урегулирования конфликта и скорейшего заключения мира. После гражданской войны Иран стал инвестором и экономическим партнером таджикского государства, реализовав там несколько крупных проектов – строительство ГЭС “Сангтуда-2”, а также Анзобского тоннеля, соединяющего Душанбе с городом Худжанд. Однако другие задуманные Ираном экономические и транспортные проекты, несмотря на их привлекательность, не удалось реализовать в силу ряда факторов.

На один из них указывает профессор Российско-Таджикского (Славянского) университета Гузель Майтдинова. Согласно интервью, которое она дала российскому интернет-изданию, Таджикистан, сохранив во многом цивилизационную близость с Ираном, где большинство верующих –

⁶ С 2016 по 2019 г. Китай инвестировал в Турцию свыше 3 млрд долл. [8].

шииты, частично воспринял версию суннизма, которую продвигали саудиты. “Арабские эмиссары и их сторонники, — подчеркнула исследовательница, — целенаправленно обостряли имеющиеся тактические противоречия в ирано-таджикских отношениях, распространяли в таджикском обществе салафизм и антииранские настроения, усиливая антишиитский настрой у населения. Обострение конкурентной борьбы между Ираном и Саудовской Аравией на Ближнем Востоке не дали Ирану возможности более устойчиво закрепиться в Таджикистане” [10].

Другой фактор связан с опутыванием Ирана американскими и европейскими санкционными рестрикциями. Они сужают поле для маневра Ирана в Центральной Азии, становятся ограничителями для тех стран, которые захотят продолжить сотрудничество с Ираном по санкционным направлениям. Ведь не является большим секретом, что страны ЦА часто соотносят свою внешнюю политику с возможными реакциями Вашингтона. Следствием такой многовекторности стран региона стали нереализованные возможности их сотрудничества с Ираном. Характерный пример в этом отношении — Узбекистан.

Он видел в Иране привлекательного партнера, географическое положение которого открывало доступ к океану и морским портам. Узбекистан получал возможность использовать территорию Ирана для экспорта и импорта своей продукции (в основном хлопковой и текстильной).

Иранские поставки были важны для узбекских нефтеперерабатывающих заводов, которые не удавалось загрузить на полную мощность ввиду возникавших проблем с поставками сырья. Всего за первое полугодие 2019 г. торговый оборот между Ираном и Узбекистаном достиг 213 млн долл., что на 40% превысило итоги того же периода в 2018 г. [11]. На начало 2020 г. в центрально-азиатской республике насчитывалось более 100 совместных ирано-узбекских компаний, из которых 15 были со 100%-м иранским капиталом.

Разрабатывались Узбекистаном и Ираном проекты по прокладке транспортных коммуникаций. В декабре 2017 г. президент Узбекистана Ш.М. Мирзиёев подписал документ, облегчавший диверсификацию транспортных возможностей республики. При этом посредством проектировавшихся транспортно-коммуникационных коридоров планировалось связать с иранскими портами в Персидском и Оманском заливах не только Узбекистан, но и Туркменистан. Однако Узбекистан, опасаясь реакции США, вынужден был приостановить переговоры с Ираном относительно развития многих проектов. Всею виной стал кризис вокруг Ирана. Он разразился в связи с убийством (в ночь на 3 ян-

варя 2020 г.) в районе аэропорта Багдада в результате американского бомбового удара Касема Сулеймани — командира спецподразделения “Эль-Кудс”, входившего в элитные части Вооруженных сил ИРИ Корпус стражей Исламской революции. Это событие имело своим следствием резкое обострение ситуации как вокруг Ирана, так и на Ближнем Востоке и на сопредельных этому региону территориях. Развязанная США санкционная кампания против Ирана прервала столь выгодное Узбекистану и другим центральноазиатским странам партнерство с Ираном.

Таким образом, в Центральной Азии Иран столкнулся с изменившимся балансом сил. Заметно пошатнулись позиции Исламской Республики в ряде стран ЦА, и потому ИРИ важно переориентироваться на новые рынки региона. Для этого потребуется значительная ресурсная база, и она у Ирана есть, в отличие от обделенной энергетическими резервами Турции. А вот Иран является одним из крупнейших среди государств Западной Азии и ОПЕК энергопроизводителей. В то же время экономика Ирана сильно подточена международными санкциями и чрезмерной активностью в регионе Ближнего Востока и Персидского залива (Ливан, Сирия, Йемен, Бахрейн). Поэтому он может и не выдержать перенапряжения. В ЦА свои позиции Иран в настоящее время сохраняет во многом благодаря сотрудничеству с Россией и Китаем. Оба эти влиятельные партнеры центральноазиатских стран позитивно рассматривают возможность участия Ирана в формировании обновленной системы региональной безопасности в Центральной Азии и на сопредельных территориях.

Одним из важных звеньев этого процесса явилось установление сотрудничества Ирана с международной организацией региональной экономической интеграции — Евразийским экономическим союзом. С ним Тегеран подписал 17 мая 2018 г. документ под названием “Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли”. А в феврале и марте 2021 г. иранские представители обсудили с руководством ЕАЭС вопрос об активизации данного соглашения, ведя одновременно переговоры о постоянном членстве в этой организации.

С Китаем Иран сотрудничает в рамках инициативы ОПОП. 1 января 2016 г. обе страны выступили с Совместным заявлением об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства, и тогда же был принят план действий, наметивших политические, экономические и стратегические горизонты сотрудничества. В 2020 г. КНР и ИРИ подписали межправительственное соглашение, по которому Китай обещал инвестировать 400 млрд долл. в экономику Ирана. Главным покупателем

иранской нефти также стал Китай. С ним Иран развивает и военное сотрудничество, включающее разработку оружия, совместную подготовку кадров и обмен разведанными.

Ирано-китайское взаимодействие получило новый импульс после подписания 27 марта 2021 г. в Тегеране министрами иностранных дел двух стран 25-летнего соглашения о всеобъемлющем сотрудничестве. В Иране принятие этого документа расценили как свидетельство китайской поддержки Ирана на международной арене, в том числе в отношении утвержденного Советом Безопасности ООН в 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе (СВПД), из которого США в 2018 г. вышли, возобновив затем в полном объеме санкции против Ирана. Позиция Китая была сдержанной. Характеризуя новое соглашение с Ираном как “долгосрочную дорожную карту, широкие рамки которой позволят задействовать потенциал экономического и культурного сотрудничества”, официальный представитель МИД КНР особо подчеркнул, что документ “не направлен против какой-либо третьей стороны” [12, 13]. Китай таким образом скорее всего оставил открытым окно возможностей для взаимодействия со своим глобальным конкурентом-соперником – США.

Иран, Россию и Китай сближает в настоящее время приглушающая разногласия заинтересованность в ограничении влияния США в Евразии. В известном смысле с идеей сокращения политического присутствия нерегиональных государств

в Центральной Азии солидарна и Турция. Но когда США перестанут быть приоритетом во внешней политике всех четырех государств, соперничество между ними может возникнуть вновь. Это неизбежно повлечет за собой столкновение интересов, возрастание конкуренции идей, интеграционных проектов, политических и военных стратегий.

Центральная Азия, таким образом, надолго еще останется территорией политического противостояния больших игроков, которые будут соперничать здесь, бороться за влияние, ресурсы и рынки. Правящие элиты стран Центрально-Азиатского региона будут усматривать в соперничестве России с Китаем, Западом, Турцией, Ираном возможность извлекать для себя большие выгоды, и именно этим соображением будет обусловлено следование ими по пути многовекторной политики, открывающей, по их мнению, возможности для маневра.

Очевидно также, что на идейно-политические установки политического класса в странах ЦА преимущественное влияние будут по-прежнему оказывать общемировые тенденции: сохраняющиеся за США и некоторыми их союзниками военно-политическое и экономическое преимущество в сравнении с другими странами; экономическое возвышение Китая и его превращение в новую мировую державу; заинтересованность в развитии отношений с Россией, которая будет рассматриваться странами региона не только как гарант безопасности и мотор интеграционных процессов, но и как весомый противовес китайской экспансии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Малышева Д. Б. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2020, т. 13, № 3, сс. 140–155. [Malysheva D. B. Problemy regionalizatsii postsovetской Central'noi Azii [Problems of Regionalization in Post-Soviet Central Asia]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2020, vol. 13, no 3, pp. 140–155.] DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-8
2. Шестаков Е. Деньги решают не все. *Российская газета*, 19.02.2020. [Shestakov E. Den'gi reshayut ne vse [Money is not everything]. *Rossiiskaya gazeta*, 19.02.2020.]
3. Храмчихин А. Российские военные базы на службе Центральной Азии. *Военно-промышленный курьер*, № 35 (798), 10.09.2019. [Khranchikhin A. Rossiiskie voennye bazy na sluzhbe Tsentral'noi Azii [Russian Military Bases in the Service of Central Asia]. *Voенno-Promyshlennyi Kur'er*, no. 35 (798), 10.09.2019.]
4. Sridhar V. Sino-Russian Economic Cooperation in Central Asia is Not What It Seems to Be. *The Diplomat*, 23.09.2020. Available at: <https://thediplomat.com/2020/09/sino-russian-economic-cooperation-in-central-asia-is-not-what-it-seems-to-be> (accessed 25.09.2020).
5. Мосяков Д. В. Конфликт в Южно-Китайском море и возможные пути его разрешения. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. Вып. XXI. Москва, ИВ РАН, 2013, сс. 16–22. [Mosyakov D. V. Konflikt v Yuzhno-Kitaiskom more i vozmozhnye puti ego razresheniya [The Conflict in the South China Sea and Possible Ways to Resolve it]. *Security and Cooperation in the South China Sea*. Iss. XXI. Moscow, IV RAN, 2013, pp. 16–22.]
6. Совместное заявление министров иностранных дел Китайской Народной Республики и Российской Федерации по некоторым вопросам глобального управления в современных условиях. МИД РФ, 23.03.2021. [Joint Statement by the Foreign Ministers of China and Russia on Certain Aspects of Global Governance in Modern Conditions. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 23.03.2021. (In Russ.)] Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4647776 (accessed 24.03.2021).
7. Turkish Leader Calls Xinjiang Killings “Genocide”. *Reuters*, 10.07.2009. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-china-sb/turkish-leader-calls-xinjiang-killings-genocide-idustre56957d20090710> (accessed 09.02.2020).

8. Alemdaroglu A., Tepe S. Erdogan Is Turning Turkey into a Chinese Client State. *Foreign Policy*, 16.09.2020. Available at: <https://foreignpolicy.com/2020/09/16/erdogan-is-turning-turkey-into-a-chinese-client-state> (accessed 09.02.2020).
9. Yellinek R. Why Are Relations Tightening between China and Turkey? *BESA Center Perspectives Paper*, no. 576, 09.11.2017. Available at: <https://besacenter.org/perspectives-papers/china-turkey-relations/> (accessed 09.02.2021).
10. Иранский фактор в Центральной Азии. *ИАЦ*, 09.06.2020. [Iranian Factor in Central Asia. *IA-CENTR.RU*, 09.06.2020. (In Russ.)] Available at: <https://ia-centr.ru/han-tengri/oriental/iranskiy-faktor-v-tsentralnoy-azii> (accessed 09.06.2020).
11. Hashimova U. Why an Iran-US Conflict Would Be a Disaster for Uzbekistan. *The Diplomat*, January 14, 2020. Available at: <https://thediplomat.com/2020/01/why-an-iran-us-conflict-would-be-a-disaster-for-uzbekistan> (accessed 17.06.2020).
12. China government official. *Twitter*, March 29, 2021. Available at: https://twitter.com/MFA_China/status/1376487739902717954 (accessed 29.03.2021).
13. *Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on March 29, 2021*. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, March 29, 2021. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1865136.shtml (accessed 29.03.2021).

INTERNATIONAL POLITICAL COMPETITION IN THE POST-SOVIET CENTRAL ASIAN SPACE

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 7, pp. 106-115)

Received 18.02.2021.

Dina B. MALYSHEVA (dsheva@mail.ru),

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article analyzes the innovations that determine the main directions and specific characteristics of international political competition in Central Asia. Particular attention is paid to political alternatives presented by the leading partners of the Central Asian countries – Russia, China, Turkey and Iran. In the context of the rivalry unfolding in the post-Soviet Central Asian space, the multi-vector policy of the five Central Asian states opens up a “window of opportunity” for various external forces to influence political and economic processes in the region in such a way that its states become objects of multilateral contention. Russia, which has the most powerful economic and military-political resource in the CIS, has a serious potential to promote its interests in Central Asia. They are primarily aiming at maintaining political stability in the Asian part of the post-Soviet space. Russia is also initiating many integration innovations in Central Asia, developing military cooperation with the countries of the region. At the same time, in Central Asia, Russia is confronted by rival forces. In the forefront is China. This great power has significantly expanded its influence in Central Asia, especially within the framework of the One Belt, One Road initiative. Economic, political, and cultural structures operating in Central Asia under the aegis of Turkey act often as alternatives to Russian integration projects. But Turkey, like Iran, has restrictions on its activities in Central Asia. Therefore, the effectiveness of the policy of these large Middle Eastern states is lower than that of Russia and China. China, Russia, and Iran are motivated to limit US influence in Eurasia, which occasionally drives them closer. In a sense, Turkey agrees with the idea of reducing the political presence of non-regional states in Central Asia. But when the US ceases to be a priority in the foreign policy of all four states, the rivalry between them may re-emerge. This will inevitably lead to a clash of interests, an increase in competition of ideas, integration projects, political and military strategies.

Keywords: competition, post-Soviet space, Central Asia, Russia, security, alternatives, multi-vector policy.

About author:

Dina B. MALYSHEVA, Dr. Sc. (Polit.), Head of Section for Central Asia, Center for post-Soviet Studies IMEMO.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-106-115

СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ГРУЗИИ И ПАТРИМОНИАЛИЗМ

© 2021 г. В. Муханов

*МУХАНОВ Вадим Михайлович, кандидат исторических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, Москва 117997, ул. Профсоюзная, 23 (vadim_muhanov@inbox.ru).*

Статья поступила в редакцию 25.07.2020.

В статье рассматривается процесс формирования политической элиты в Грузии в период независимости, начиная от кардинальной десоветизации управленческих кадров в 1990-е годы и заканчивая последними знаковыми назначениями в эпоху Б. Иванишвили. Подробно разбираются этапы эволюции и преобразования элиты – при Э. Шеварднадзе, М. Саакашвили и Б. Иванишвили, выделяются особенности кадровой политики того или иного грузинского руководителя. Прослеживаются как сам процесс смены и омоложения элиты, так и изменение ее образовательного бэкграунда и политических ориентиров. В статье показано, что, несмотря на эти перемены, патронажный характер правления в Грузии не изменился. Автор рассматривает его характерные черты и особенности, анализирует причины живучести подобной формы, несмотря на неоднократную смену правящей команды и политических партий у власти.

Ключевые слова: Грузия, элита, Россия, Шеварднадзе, Саакашвили, Иванишвили, патримониализм.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-116-125

Изучение становления и эволюции политической элиты в Грузии важно не только для более глубокого понимания современного развития этой страны, ее внутренней и внешней политики, в том числе российско-грузинских отношений, которые после “пятидневной войны” 2008 г. по-прежнему остаются одними из наиболее проблемных в ряду отношений России с другими постсоветскими государствами. Процесс формирования национальной политической элиты в Грузии обладал существенными отличиями от других постсоветских государств, и его исследование поможет лучше представить тенденции, общие черты и особенности создания новых правящих слоев в странах, образовавшихся на территории бывшего СССР.

Грузия относится к небольшому числу тех постсоветских государств, где обновление политических элит приобрело кардинальный характер. В Грузии, как и много позднее в соседней Армении, вместо старой, советской партийно-государственной номенклатуры пришла новая, без традиционного багажа, принципа преемственности и крепких неформальных связей молодая (и по возрасту, и политическому стажу) властная элита. В Грузии кадровое обновление сопровождалось политико-идеологической десоветизацией элиты, которая в первые десятилетия XXI в. происходила в республике глубже и радикальнее, чем где-либо еще на постсоветском пространстве.

Отправной точкой этих изменений стал кровавый разгон советской армией массовой акции протеста, состоявшейся 9 апреля 1989 г., который

привел к отторжению советских институтов и ценностей в массовом сознании, породил глубокое недоверие к существующей власти, как союзной, так и республиканской, и ее носителям. Не случайно поэтому, что уже в результате первых конкурентных выборов октября 1990 г. власть в Грузии кардинально обновилась, и ключевые позиции в ней заняли представители националистической интеллигенции, противопоставлявшие себя партийной номенклатуре. А правительство первого президента Грузии Звиада Гамсахурдии поначалу опиралось не на силовые структуры советской эпохи, а на парамилитарные организации Тенгиза Китовани и Джабы Иоселиани.

Однако деятельность правительства националистов оказалась столь разрушительной для Грузии, что поставила страну на грань распада, а ее экономику – коллапса. Поэтому население республики с большими надеждами встретило возвращение к власти в марте 1992 г. ее бывшего партийного лидера, экс-министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе, которое стало возможным в результате вооруженного свержения Гамсахурдии в январе того же года. С именем Шеварднадзе связывались воспоминания о годах благополучия в бытность, когда он руководил республикой в 1972–1985 гг. Надежды связывались с его большим управленческим опытом, обширными аппаратными связями в России. В следствие этого в грузинском обществе существовали большие ожидания того, что Шеварднадзе удастся наладить тесные и дружественные отношения с Москвой, которая в 1990-е годы представлялась важнейшим

центром принятия решений для постсоветского пространства. С учетом всех этих обстоятельств возвращение Шеварднадзе на родину, охваченную гражданской войной, многие оценивали как спасение республики [1, pp. 75-76]. Но вместе с ним во власть стала возвращаться и прежняя номенклатура, которой поначалу, правда, приходилось делить власть с лидерами парамилитарных формирований.

В то же время было бы ошибочно воспринимать кадровую политику Шеварднадзе как прямолинейно-консервативную, направленную лишь на восстановление позиций прежнего правящего слоя. Многие считают, что кардинальная смена вектора как внешнеполитического, так и внутриполитического развития Грузии произошла только после отстранения Шеварднадзе от власти в результате “революции роз”, при молодом и крайне амбициозном президенте Михаиле Саакашвили, что представляется неверным и далеким от реальности утверждением¹. В действительности первую попытку омоложения кадров и смены элиты и внешнеполитического вектора предпринял как раз “старый лис”, как называли Шеварднадзе². Именно он привел в большую политику известную всем тройку, с которой и ассоциируется “революция роз”, – Зураба Жванию, Михаила Саакашвили и Нино Бурджанадзе. Они не оказывали заметного влияния на определение политики Шеварднадзе, но вокруг них и возглавляемых ими структур и партий тут же появились группы еще более молодых политиков и активистов, не связанных с советской номенклатурой и не имевших связей с бывшими союзными властями. Они-то и сыграли ключевую роль в смене власти в республике осенью 2003 г.

Причины отстранения Шеварднадзе состояли в том, что, вопреки ожиданиям, итоги деятельности его правительства оказались плачевными. Тбилиси окончательно утратил контроль над Абхазией и Южной Осетией, фактически полностью автономной от властей страны стала Аджария. В результате проигранной грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. и новой вспышки конфликта в 1998 г. Грузию наводнили десятки тысяч беженцев. Экономика страны продолжала находиться в состоянии глубокого упадка.

¹ Авторитетный американский исследователь Грузии профессор С. Джонс также считает, что не стоит противопоставлять политику Шеварднадзе и Саакашвили, как делают это некоторые исследователи, и настаивает, что фактически последний ускорил и углубил политические и экономические преобразования Шеварднадзе, включая и процесс омоложения правительственного аппарата [1, p. XXII].

² Известный армянский эксперт Дж. Меликян подчеркивает, что Э. Шеварднадзе в первые годы своего правления заигрывал и с Москвой, и с Западом, но позднее именно он сделал “курс на интеграцию в европейские структуры и Североатлантический блок... основополагающим во внешней политике Грузии” [2, с. 93].

Конфликт в Гальском районе Абхазии в мае 1998 г., приведший к массовому исходу грузин с этой территории, стал переломным моментом, за которым началось постепенное изменение подхода грузинской политической элиты к отношениям с Россией. В Тбилиси стали рассматривать РФ не как партнера, способного помочь в восстановлении контроля над Абхазией и Южной Осетией, а, напротив, как главное препятствие на пути решения “территориальной проблемы”. Эти изменения и подготовили радикальный поворот во внешней политике Грузии в сторону союза с Западом, который произошел уже после “революции роз”.

На постреволюционный период пришелся наиболее решительный этап смены/омоложения элиты в Грузии. В восприятии населения старая номенклатура, проявившая свою неэффективность и недееспособность, окончательно утратила легитимность, что создало для новых властей благоприятные возможности для радикального обновления элиты. При этом процесс смены элиты не сводился лишь к их омоложению, а вылился “в деноменклатуризацию государственного аппарата, закрепленную законом 2014 г., в котором предполагалось проведение люстраций для представителей прежней коммунистической номенклатуры. В правительстве Саакашвили уже большая часть министров и их заместителей получили образование в западных университетах или на кратковременных курсах при них” [3, с. 24]. Британский аналитик Т. де Ваал в 2011 г. подчеркивал, что к судьбонному 2008 г. Саакашвили исполнилось только 40 лет, а его команда была еще моложе: 36-летний премьер-министр, 34-летний министр финансов, 31-летний министр иностранных дел, 29-летний министр обороны. По словам де Ваала, «приход в правительство нового, уже постсоветского поколения – результат так называемой ментальной революции в Грузии. Назначая министрами людей, которым нет еще сорока, Саакашвили, по сути, совершал “скачок через поколение»» [4, с. 15].

Новые элиты Грузии уже никак не были связаны с Россией – ни политически и культурно, ни личным опытом взаимодействия. По меткому замечанию М. Колерова, у представителей новой элиты «нет никакой социальной близости к “коллегам” через границу, потому что их ничего с ними не объединяет. Общих мемуаров у них не будет, водку вместе они не пили и на съездах вместе не аплодировали» [5].

Приход нового поколения грузинских политиков ознаменовал и кардинальную смену ориентиров не только во внутренней, но и во внешней политике страны. Если в последние годы правления Шеварднадзе (после 1998 г.) в Тбилиси старались не акцентировать начавшийся разворот грузин-

ской политики в сторону сближения с Евросоюзом и НАТО, то с 2004 г. прозападный курс был объявлен главной стратегической целью новой команды, и отношения с Москвой стали медленно, а потом стремительно ухудшаться.

При этом не все выдвиженцы нового президента являлись представителями молодежи. Саакашвили активно задействовал и диаспоральный ресурс, используя его для обновления грузинской элиты. Именно в годы его правления в Грузию на ПМЖ вернулись и Каха Бендукидзе, автор экономической реформы и один из идеологов тотальной приватизации, и не такой известный тогда крупный предприниматель и будущий новый лидер страны – Бидзина Иванишвили. Появились и грузины, выходцы из европейской диаспоры (наиболее яркий пример – нынешний президент Грузии Саломе Зурабишвили). Саакашвили активно использовал этнический рекрутинг, и это принесло ему ощутимые тактические успехи. В этом важную роль сыграло специально созданное по инициативе грузинского лидера в 2008 г. министерство по делам диаспоры, обязанностью которого стало поддержание регулярных контактов с грузинами, проживающими за пределами страны. Как замечает американский исследователь Э. Скотт, в тогдашней Грузии члены диаспоры рассматривались как потенциальные союзники [6, p. 252].

В то же время следует отметить, что ставка на репатриантов сыграла положительную роль только в краткосрочный период, когда в значительной мере благодаря их усилиям в разы увеличился приток иностранных инвестиций в экономику Грузии и выросла политическая поддержка властей страны со стороны Запада. Однако ситуация серьезно изменилась на втором президентском сроке. Поражение Грузии в “пятидневной войне” с Россией в августе 2008 г. и рост протестных настроений в обществе в конечном итоге обернулись для Саакашвили потерей популярности. Жесткие подавления антиправительственных акций постепенно сделали свое дело, испортив его репутацию и имидж демократа на Западе. Немало соратников президента отошли от Саакашвили, превратившись в его главных критиков и политических оппонентов. Это касается и Бурджанадзе, и Зурабишвили и др.

Противников президента возглавил один из топ-репатриантов, сын чиатурского шахтера и бывший российский бизнесмен Иванишвили. Обиженный принижением его роли и неблагодарностью Саакашвили за серьезную финансовую поддержку, он бросил ему вызов и достаточно быстро, в течение года, забрал у него власть. Сначала успех сколоченная им пестрая коалиция “Грузинская мечта” нанесла обидное поражение

партии Саакашвили – “Единому национальному движению” на парламентских выборах октября 2012 г., а в 2013 г. провела своего кандидата, читай, кандидата Иванишвили, на пост президента Грузии. Вместо яркого и амбициозного Саакашвили на этой позиции очутился известный тогда лишь в узких кругах Георгий Маргвелашвили, до этого менее года проработавший на посту министра образования Грузии. Целую группу соратников Саакашвили осудили по уголовным статьям, а экс-президент был вынужден, спасаясь от судебного преследования, бежать из страны.

Весьма показательно, что вновь политические изменения в Грузии осуществлялись не вследствие реализации какой-либо прогрессивной программы действий, поддержанной большинством граждан, а харизматическим лидером, который сумел “оседлать” протестное движение и направить его по нужному для себя пути. Отметим, что у Иванишвили на момент прихода к власти не было никакой четкой программы действий, не было и широкой поддержки населения, которое, устав от кульбитов политики Саакашвили, выбрало альтернативу в лице успешного бизнесмена. Иного выбора у массовых слоев Грузии на тот момент просто не было.

Парадоксально, но в Грузии, невзирая на смену политиков у власти, практически сохранялась старая политическая повестка, что, скорее всего, свидетельствует только об узости списка политических проблем, стоящих перед обществом. Действительно создается устойчивое впечатление, что старая команда перед своим уходом фактически передала политическую повестку на хранение и последующую реализацию преемникам.

Правительство Иванишвили отказалось от прямолинейно-конфронтационной тактики в отношениях с Россией, признав самостоятельный характер грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов и необходимость учета российских интересов на Кавказе. Это было шагом вперед, поскольку Саакашвили отрицал наличие собственных интересов у Абхазии и Южной Осетии, считая, что поскольку эти территории “оккупированы” Россией, у них не может быть субъектности для переговоров.

Однако, временно активизировав контакты с Москвой и улучшив социально-экономическую составляющую отношений с Россией, команда Иванишвили достаточно быстро вернулась на исходные позиции по важнейшим политическим вопросам, ибо была не готова качественно менять вектор внешнеполитической активности [7, с. 59]. Следует отметить, что важнейшую роль в этом сыграли и объективные причины. Дело в том, что в отношении абхазской и южноосетинской про-

блем в грузинском обществе и национальных элитах существуют лишь тактические разногласия, затрагивающие технологию того, как их нужно решать. При этом подавляющее большинство граждан страны убеждены, что Абхазия и Южная Осетия должны находиться в составе Грузии. И это накладывает жесткие ограничения на позицию политической элиты Грузии в плане возможностей нормализации отношений с Россией, которые получили название “красных линий”. То же обстоятельство лимитирует и изменения политической повестки.

В результате российский фактор, “российская угроза” по-прежнему и поныне используются как инструмент массовых политических мобилизаций и одновременно как удобный повод для того, чтобы отвлечь внимание общества от острых внутривластных проблем, в первую очередь социально-экономических. По существу, членам правительства Иванишвили нечего предложить в этом направлении, что и заставляет их, по сути, идти в фарватере политики нынешних оппозиционных сил, то есть вчерашней правящей партии “Национальное движение” и ее союзников.

Развал коалиции и окончательное превращение “Грузинской мечты” в карманную партию Иванишвили почти не оставляют хозяину места для широкого маневра. Он старается не акцентировать внимание на внешнеполитической повестке, не ставить под сомнение ее главные постулаты, сформированные еще при прежних руководителях Грузии, а концентрируется на главной для себя задаче — сохранении собственной власти в стране путем организации разнообразных политических интриг и манипулирования общественным мнением по внутривластным и социально-экономическим вопросам. Это проявилось и в ходе ноябрьских (2020 г.) парламентских выборов в Грузии, закончившихся крупным политическим скандалом. Депутаты от всех оппозиционных партий, избранные в парламент, в знак протеста против фальсификаций отказались от мандатов, а их сторонники устроили бурные уличные манифестации.

Важнейшей особенностью новой грузинской элиты является ее образовательный бэкграунд. В современной Грузии существует неформальный образовательный ценз для политиков и чиновников — это западное или, на крайний случай, грузинское образование. Поэтому не случайно, что у большинства из них дипломы европейских или американских вузов, у многих и научные степени, также полученные за рубежом. Российский диплом не просто не в моде, он скорее является черной меткой [8, сс. 100-101]. Показательно, что выпускников российских вузов в правящем слое почти нет, или это представители среднего поколения,

как премьер Грузии Георгий Гахария (сентябрь 2019 — февраль 2021 г.), который и не скрывал, что имеет диплом МГУ. Но это исключение из правил, поскольку своим нынешним статусом премьер обязан покровительству Иванишвили. Те же политики, в биографии которых есть российский вуз, вынуждены оправдываться или рассказывать показательные легенды. Яркий пример — это поведение Елены Хоштарии, одного из лидеров оппозиционной партии “Европейская Грузия”. Она известна несколькими эпатажными акциями в грузинском парламенте, в частности включением в ходе заседания гимна СССР. На вопрос о своем образовании она ответила грузинским журналистам, что “к сожалению, мне пришлось обучаться в России, так как у меня не было денег на учебу в Европе. Но я получила очень важный опыт, как обучают в лагере врага” [9] (заметим, что Хоштария обучалась в одном из самых дорогих и престижных вузов России — МГИМО и происходило это в 1990-е годы, когда российско-грузинские отношения были близки к дружественным и находились на высоком уровне взаимодействия и сотрудничества). Как справедливо замечает Н. Мосаки, “образовательный бэкграунд современной грузинской властной элиты не только не сближает Грузию с постсоветской Россией, но и все более удаляет страны друг от друга, дает серьезный импульс к критическому настрою Тбилиси в отношении Москвы. Может меняться риторика грузинских властей, могут ослабевать или вообще сходить на нет их авантюристические наклонности, однако объективные факторы различия грузинской и российской властных элит едва ли преодолимы” [8, с. 101].

Приверженность как властного, так и оппозиционного крыла грузинской политической элиты общим внешнеполитическим ориентирам и установкам предопределила своеобразное распределение ролей внутри правящего слоя. Прежняя правительственная команда времен Саакашвили и первых лет Иванишвили ушла в неправительственный сектор (очень развитый, разветвленный и многочисленный), плотно и уверенно сидящий на западных грантах, и именно оттуда продолжает транслировать политическую повестку и серьезно влиять на общественно-политическое мнение в стране. В связи с этим уместно отметить, что западные или прозападные НПО, число которых значительно превышает сотню, не случайно занимают монопольное положение в неправительственном секторе Грузии. Их существование, а главное, активная деятельность позволяют западным партнерам Грузии не беспокоиться за смену внешнеполитических приоритетов республики как в ближайшей, так и в среднесрочной перспективе. Поиски альтернатив на сегодняшний день фактически заблокированы наличием списка марги-

нальных и опасных тем, существованием “красных линий” и отложены политическим классом за ненадобностью. По большому счету сейчас в Грузии нет ни новых фигур, которые “выстрелили” в политической сфере в последнее время, ни свежих идей. Политики и провластного блока, и оппозиции фактически топчутся вокруг нескольких признанных постулатов и не хотят, а возможно, и не могут с них сойти. Как откровенно заявил несколько лет назад один из лидеров Республиканской партии Леван Бердзенишвили, “если кто-то в стране или за рубежом серьезно надеется на то, что Грузия, наполненная американскими или европейскими деньгами, вдруг повернется к России, то это не только глубоко ошибочное мнение — это явное заблуждение, которое просто смешно” [10, с. 140].

Грузинский опыт обновления и десоветизации элиты тем не менее не затронул важнейшего принципа ее формирования и функционирования. Несмотря на демонстративный отказ от советского прошлого, главным критерием назначения на высокие должности и при Шеварднадзе, и при Саакашвили, и при Иванишвили остается лояльность к лидеру и своему патрону, а не профессиональные качества и даже не идейная общность. Саакашвили, хоть и приглашал молодых и высококвалифицированных специалистов, но в первую очередь руководствовался принципом личной преданности ему и готовности беспрекословно выполнять любое его распоряжение³. Как замечает де Ваал, “в течение нескольких лет все основные решения принимали лично Саакашвили и узкий круг людей из его ближайшего окружения, а кабинет много раз подвергался перетряске — отставки и назначения чередовались в головокружительном темпе” [4, с. 15]. Нынешний лидер Иванишвили тоже отдает предпочтение лояльности при выборе кандидатов на высшие государственные посты, а их политико-идеологические взгляды зачастую и вовсе не имеют для него значения.

В плане клиентелизма во властных отношениях ситуация в Грузии не является исключением. Она типична для всех постсоветских государств, в том числе и заметно продвинувшихся по линии демократизации. Как отметили американские авторы Гретхен Хелмке и Стивен Левитски, “на большей части посткоммунистического и развивающегося миров механизмы клиентелизма, коррупции и патримониализма сосуществуют рядом с новыми демократическими, рыночными и государственными институтами (нередко подрывая их)” [12, с. 189].

Один из факторов, способствовавший успешному вживанию патронажно-клиентелистских от-

ношений в новую постсоветскую политическую среду, является институциональный дизайн власти, утвердившийся в постсоветских государствах. По справедливому замечанию американского политолога Г. Хейла, в большинстве этих стран правят институты, которые можно было бы назвать “патронажным президентским правлением” [13, с. 268]. По его мнению, в Грузии попытки совершить “подлинно демократический прорыв” натолкнулись на серьезное противодействие оставшихся неизменными институтов патронажного президентства. Хейл полагает, что зачастую после подобной попытки происходил “возврат к авторитарной политике, которая была мишенью критики нового лидера перед его приходом к власти” [13, с. 274]. С этой оценкой в принципе солидарен и Г. Дерлугьян, который отмечает, что “революция роз” вовсе не упразднила отношения патрона и клиента, так как Саакашвили было проще и легче работать в структуре патронажного президентского правления, чем пытаться изменить политическую систему Грузии в целом [14].

В этой ситуации укреплению клиентелизма способствовало и расширение президентских полномочий. С точки зрения американского исследователя Ч. Фэрбэнкса, Саакашвили заменил “суперпрезидентские” институты власти еще более сконцентрированными “гиперпрезидентскими” [15, р. 115]. В частности, президент стал назначать всех девятых судей Конституционного суда, хотя раньше — всего трех, остальных назначал парламент и Верховный суд [13, с. 275]. По мысли Г. Хейла, с которой трудно не согласиться, “власть принадлежит в основном напрямую избираемому президенту, и эта власть связана не только с формальным, но и с огромным неформальным авторитетом, основанном на широких отношениях патрона-клиента и беспринципной политике партийного руководства” [13, с. 269].

Сущностная особенность патримониальных режимов, по определению современного американского исследователя Р. Теобальда, заключается “именно в обмене ресурсов (должностей, возможностей, титулов, контрактов, лицензий, иммунитета от закона и т. д.) между ключевыми фигурами в правительстве и стратегически расположенными индивидами: профсоюзными лидерами, бизнесменами, региональными руководителями и т. д. В обмен на эти ресурсы правительство или главы государства получают экономическую и политическую поддержку. Акцент ими делается именно на персональной природе этого обмена” [16, с. 170]. В Грузии же после “революции роз” система президентского патронажного правления перешла от состояния соперничества к фазе консолидации. По оценке Хейла, в стране произошла “новая консолидация элиты после того, как одна сторона

³ Особенное разочарование Д. Апраксидзе вызвали назначения президентом Грузии на руководящие посты родственников и друзей семьи [11, сс. 54-55].

одержала безоговорочную победу”. Более того, американский эксперт настаивает, что и в Грузии, и в Кыргызстане «институты патронажного президентского правления остались неизменными и произошло повторное “окукливание режима”» [13, с. 291].

Формирование политических партий, по крайней мере наиболее влиятельных из них, в Грузии, как и во многих других постсоветских государствах, осуществлялось вокруг популярного (харизматичного) лидера. Персонализм руководства был характерен и для советской политической системы и ее ключевого института – КПСС.

После распада СССР отсутствие традиций партийного строительства, разумных и прозрачных правил политической конкуренции способствовало выживанию этой модели в новых условиях. Как результат, лидеры постсоветских государств, сумевшие мобилизовать финансовые и информационные ресурсы, консолидировать вокруг себя бюрократические круги, задействовать институциональные и неформальные связи, создавали новые околостатские партии. Их трудно было, по аналогии с опытом развитых демократий, называть правящими, поскольку они никогда (пожалуй, за исключением Республиканской партии Армении) не являлись центрами принятия решений и выполняли функцию группы поддержки лидера и консолидации вокруг новой властной элиты.

Отмеченные тенденции в полной мере характерны и для Грузии. Каждый из политических лидеров страны создавал и опирался на собственную политическую партию или блок. У Гамсахурдии в короткий период его правления был блок “Круглый стол – Свободная Грузия”; у Шеварднадзе – партия “Союз граждан Грузии”; у Саакашвили – “Единое Национальное движение”; у Иванишвили – “Грузинская мечта”. Все они были и есть “зонтичными” структурами, которые служат конкретному руководству/руководителю и обеспечивают необходимое большинство в парламенте для поддержки решений исполнительной власти и своего лидера [17, р. 6]. С. Джонс справедливо отметил, что политические партии в Грузии в большинстве своем не имеют никакой сильной поддерживающей конструкции (структуры, базиса), представляющей какое-то отдельное поколение, социальную страту или региональную привязку [1, р. 115]. Российские кавказоведы С. Маркедонов и А. Скаков согласны с этой оценкой, отмечая, что в настоящее время в Грузии “речь снова идет о доминировании одной политической партии, обладающей при этом достаточно невнятной идеологией и программой” [10, с. 139].

Все политические лидеры Грузии обладали огромными полномочиями и принимали ключе-

вые решения, исходя из личных соображений (без широкого демократического обсуждения). Правящие (по юридическому статусу) партии были призваны законодательно оформлять эти решения и способствовать их реализации в жизнь. При этом смена околостатских партий сопровождалась изменениями в составе политической и бюрократической элиты, которая тем не менее не затрагивала основ системы управления в стране. Если Шеварднадзе опирался на прежнюю партийно-хозяйственную номенклатуру, то Саакашвили смог разбавить политическую элиту за счет привлечения представителей диаспоры и нового поколения. Иванишвили же не стал менять правящий слой, а ограничился установлением контроля над его верхушкой. Он монополизировал процесс принятия решений, создав вокруг себя узкую привилегированную группу политиков и бизнесменов для обслуживания этого процесса, тогда как класс менеджеров и госчиновников остался прежним.

Сохранению доминирующей роли лидерских партий способствуют и особенности современной грузинской политической культуры: граждане страны в массе своей зачастую предпочитают голосовать не за политическую и социально-экономическую программу, а за яркого персонажа с харизмой (либо за его протеже, как в случае с С. Зурабишвили). Это подтверждается и данными опросов населения, проводившимися в разные годы. Анализируя соцопросы 2006 и 2009 гг., С. Джонс подчеркивает, что грузинским избирателям импонирует именно сильный лидер, а не парламентская демократия [1, р. 21]. Этот лидер, по их мнению, должен контролировать парламент, что только подтверждает его широкую поддержку населением республики. “Большинство грузин по-прежнему идентифицируют себя с сильными лидерами и доверяют им (это отражается в традиционно сильной ностальгии по выдающимся грузинским царям)”, – пишет С. Джонс [1, р. 21].

Заметим, что в Грузии описанная выше тенденция голосования заметна не только на выборах лидера страны, но и на более низком уровне. Например, на выборах мэра столицы в 2017 г. победил бывший футболист Каха Каладзе, который как знаменитый спортсмен имел значительно большую известность, чем остальные фигуры в окружении Иванишвили. В этом плане очевидна аналогия с другими постсоветскими государствами: городским головой (мэром) столицы Украины Киева с 2014 г. является известный в прошлом боксер Виталий Кличко, а мэром столицы Армении в 2018 г. был избран успешный телепродюсер и сценарист Айк Марутян. При этом надо отметить, что К. Каладзе хорошо себя зарекомендовал на посту мэра и демонстрирует неплохие шансы продолжить свою ферическую политическую карьеру.

В контексте сказанного уместен вопрос о причинах живучести патронажных отношений на Южном Кавказе. Трудно не согласиться с мнением Г. Хейла, который утверждает, что “это не артефакт большевистского управления: даже при поверхностном взгляде на докоммунистическую Россию, Украину, Центральную Азию и Кавказ становится ясно, что патроналистические практики, которые включают в себя глубокие отношения между патроном и клиентом, веками доминировали до Октябрьской революции” [18].

В Грузии, как и в ряде других постсоветских стран, в сфере партийного строительства возникли партии, лидеры которых одновременно являются и их донорами [17, р. 10]. Эти фигуры могут и не быть официальными лидерами таких партий, но они оказывают ключевое влияние на партийное руководство и его активность, осуществляют контроль над ним, диктуют и внутрипартийные правила игры. В Грузии такой партией стала “Грузинская мечта”. По оценкам, состояние Иванишвили находится в районе 6 млрд долл. США, и оно явно превышает весь госбюджет страны на 2018 г. в 4.71 млрд [17, р. 14]. Считается, что в Грузии он уже потратил от 2 млрд до 3 млрд долл. своего состояния, начиная от благотворительности до создания отдельных фондов по поддержке сельского хозяйства и т. п. Эти деньги активно использовались и для достижения политических целей. Это особенно проявлялось в периоды предвыборных кампаний. Так, во время парламентских выборов 2012 г. Иванишвили был оштрафован более чем на 90 млн долл. за подкуп избирателей (он бесплатно раздал гражданам спутниковые антенны для просмотра телеканала своей компании). А за несколько дней перед вторым туром президентских выборов в декабре 2018 г. тогдашний премьер Мамука Бахтадзе объявил, что благотворительный фонд *Cartu Foundation*, учрежденный Иванишвили, аннулирует банковские долги 600 тыс. граждан Грузии, что очень похоже на массовую скупку голосов избирателей [17, р. 13].

В отличие от своих предшественников Иванишвили, являясь донором правящей партии, мог позволить себе и гибкий политический статус. Не пробыв и года на посту премьер-министра, он добровольно оставил эту должность в ноябре 2013 г., предпочтя руководить и правительством, и партией “из тени”. Важно отметить, что это была уже не первая в истории современной Грузии попытка “перебрасывания” власти по запланированному сценарию. Впервые этот сценарий хотел реализовать Саакашвили, когда в конце своего второго президентского срока попытался провести конституционную реформу, чтобы сохранить роль политического лидера страны путем перехода на пост премьер-министра, получавшего основные властные полномочия. Однако фиаско на пар-

ламентских выборах 2012 г. поставило крест на его планах.

Но Иванишвили внес в схему “перебрасывания” власти своему выдвиженцу, которая до Грузии уже была безуспешно опробована на Украине в 2004 г., что стало прологом к “оранжевой революции”, новое содержание. Он предпочел роль неформального лидера страны. Судя по всему, именно этот статус оказался для Иванишвили, который старался всячески минимизировать свое присутствие в публичном поле, наиболее приемлемой позицией для руководства страной, соответствовавшей его модели политического поведения. Иванишвили долгое время оставался “признанным серым кардиналом, действуя главным образом через партийные каналы”, и только “в 2018 г. он придал своему влиянию более официальный характер, вернувшись на должность главы партии” [19, с. 11]. Только Иванишвили удалось произвести “единственную в новейшей грузинской истории удачную попытку передачи власти в заранее назначенные руки”, когда “новым главой кабинета стал им же предложенный Ираклий Гарибашвили” [19, с. 11].

На этом примере отчетливо проявилась характерная для современной Грузии модель патронажно-клиентелистского политического лидерства, когда продвижение на высшие государственные посты осуществляется не на основе общности идейных взглядов и совместной политической деятельности, а по принципу личной преданности и близости к боссу. Гарибашвили начинал как простой менеджер в одной из компаний Иванишвили (с 2004 г.) — *Cartu Group*, став затем членом наблюдательного совета *Cartu Bank*, а потом дорос до генерального директора его благотворительного фонда *Cartu*, после чего патрон перебросил его на работу в правительство [20]. Сначала в 2012 г. Гарибашвили занял пост главы важнейшего в политическом отношении Министерства внутренних дел, а уже спустя год стал руководить и всем правительством Грузии [20]. Будучи исполнителем решений своего патрона, Гарибашвили являлся слабой фигурой с малым политическим опытом, но при этом находился в полной зависимости от Иванишвили. Именно поэтому он представлялся практически идеальным кандидатом, с помощью которого Иванишвили комфортно и без лишнего риска мог управлять ситуацией, находясь в тени. Примечательно, что именно Гарибашвили был вновь назначен на пост премьера в условиях нового обострения политической ситуации в Грузии в феврале 2021 г., когда в знак несогласия с решением однопартийцев об аресте лидера оппозиционного “Единого национального движения” Никанора Мелия подал в отставку глава правительства Георгий Гахария.

Важно отметить, что тенденция к назначению на высшие государственные посты лично преданных фигур в дальнейшем продолжилась, ведя лишь к укреплению власти Иванишвили. В 2015 г. Гарибашвили сменил на премьерском посту другой бывший менеджер Иванишвили – Георгий Квирикашвили, который работал с ним начиная с 2006 г. и долгое время являлся гендиректором уже упомянутого *Cartu Bank* [21]. Следующие премьеры – Мамука Бахтадзе и Георгий Гахария – люди, вышедшие из государственного и частного бизнеса, были выбором Иванишвили, который базируется на высоком уровне личного доверия к ним. Назначение осенью 2019 г. непопулярного в обществе Георгия Гахарии еще раз продемонстрировало огромную власть самого богатого человека Грузии и неизбежность патронажно-клиентелистской системы властных отношений.

Лишним подтверждением указанной тенденции можно считать заявление Б. Иванишвили в январе 2021 г. об уходе с поста председателя правящей партии и вообще из политической жизни страны. Его сменщиком прогнозируемо стал Ираклий Кобахидзе, экс-спикер парламента и один из главных функционеров “Грузинской мечты”. Он характеризуется как вполне управляемая фигура, как и все вышеперечисленные соратники основателя партии.

Уход Иванишвили с этого поста представляет очередным тактическим шагом, направленным на успокоение ситуации в стране. Острые протестов в 2020 г. было направлено уже не против правящей власти в целом, а лично против Иванишвили как ее первого лица и “хозяина”. Предвыборная кампания, ее яркое и длительное “послевкусие” в виде бойкота работы парламента со стороны оппозиционных сил ясно продемонстрировали серьезное падение популярности Бидзины Иванишвили и уровня доверия к нему населения Грузии. Однако ему не привыкать руководить процессом, оставаясь в тени, поэтому, вероятно, он и принял такое решение, по многим аспектам напоминающее тактическую уловку. Назначение Гарибашвили новым премьером Грузии в феврале 2021 г. явно свидетельствует о намерении Иванишвили сохранить в своих руках контроль над ситуацией в стране. Сработает ли эта тактика в меняющихся условиях и удастся ли Иванишвили стабилизировать нынешний политический режим, покажет время.

* * *

Грузия относится к числу немногих постсоветских государств, в которых процессы обновления

политической элиты сопровождались ее глубокой десоветизацией. Огромную роль в этом сыграли западные фонды и НПО, ставшие кузницей новых кадров, пришедших во власть после “революции роз” в годы правления Саакашвили. В этот период заметно изменился и образовательный бэкграунд властной элиты, отличительной чертой которого стало образование, включая и научные степени, полученные в университетах США и Европы. Обновленная элита явилась драйвером процессов демократизации в стране.

Однако, несмотря на демократические изменения, создание в стране электоральной демократии, политическая система республики по-прежнему осталась ориентированной на власть единственного сильного лидера. Эта тенденция отчетливо просматривается на протяжении всей истории современной Грузии – от первого ее президента Гамсахурдии до нынешнего неформального лидера страны Иванишвили, возглавляющего правящую партию “Грузинская мечта”. Саакашвили, провозгласив прозрачность процесса управления страной и демократию целями своего президентства, быстро создал собственную “пирамиду власти”, начал новый цикл “патронажного правления” в стране. Сменивший его в роли лидера страны Иванишвили создал свою “пирамиду власти”, осуществив мягкий переход от президентской к парламентской форме правления, по сути ничего не изменив.

Политические партии преимущественно строятся вокруг сильного и популярного лидера. Патронажно-клиентелистские отношения, до сих пор пронизывающие всю систему власти в республике, глубоко укоренены в политической культуре ее граждан. Несмотря на институциональные изменения, патернализм, доставшийся от прежней эпохи, продолжает играть ключевую роль во властных отношениях.

При этом жесткая политико-идеологическая ориентация политической элиты Грузии на тесный альянс со странами Запада, чему в немалой степени способствует и ее образовательный бэкграунд, не оставляет возможностей для нормализации отношений и конструктивного сотрудничества с Россией. Политическая элита Грузии также не может не учитывать существования в стране национального консенсуса в вопросе о статусе Абхазии и Южной Осетии, которые подавляющее большинство граждан видит лишь только в составе страны. Это обстоятельство создает труднопреодолимое препятствие на пути нормализации отношений с Россией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Jones S. *Georgia. A Political History since Independence*. London – New York, 2013. 400 p.
2. Ионова Е. Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Международный круглый стол. *Россия и новые государства Евразии*, 2017, № 3, сс. 86-95. [Ionova E. Postsovetskoe prostranstvo: rol' vneshnego faktora. Mezhdunarodnyi kruglyi stol [The post-Soviet Space: The Role of the External Factor. International Round Table]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, 2017, no. 3, pp. 86-95.]
3. Рябов А. Недемократические переходы и типы постсоветских режимов. *Царь горы. Недемократический трансфер власти на постсоветском пространстве*. Рогов К., ред. Москва, фонд “Либеральная миссия”, 2019. Вып. 6, сс. 23-27. [Ryabov A. Nedemokraticheskie perekhody i tipy postsovetskikh rezhimov [Non-democratic Transitions and Types of post-Soviet Regimes]. *Tsar' gory. Nedemokraticheskii transfer vlasti na postsovetskom prostranstve* [King of the Hill. Non-democratic Transfer of Power in the post-Soviet Space]. Rogov K., ed. Moscow, fond “Liberal'naya missiya”, 2019. Iss. 6, pp. 23-27.]
4. Де Ваал Т. *Выбор Грузии: какой курс избрать в период неопределенности?* Москва, 2011. 67 с. [De Waal T. *Vybor Gruzii: kakoi kurs izbrat' v period neopredelennosti?* [Georgia's Choice: Which Course to Take in a Time of Uncertainty?] Moscow, 2011. 67 p.]
5. Сысоев Т. Матрица постсоветской элиты. *Эксперт*, 04.11.2019. [Sysoev T. Matritsa postsovetskoi elity [The Matrix of the post-Soviet Elite]. *Expert.ru*, 04.11.2019.] Available at: <https://expert.ru/expert/2019/45/matritsa-postsovetskoj-elity/> (accessed 05.10.2020).
6. Scott E. *Familiar Strangers. The Georgian Diaspora and the Evolution of Soviet Empire*. Oxford, 2016. 333 p.
7. Муханов В., Скаков А. Политическая стабильность по-грузински (Грузия после выборов 2016 г.). *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 1, сс. 53-62. [Mukhanov V., Skakov A. Politicheskaya stabil'nost' po-gruzinski (Gruzia после выборов 2016 g.) [Political Stability the Georgian Way (Georgia after the 2016 Elections)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 1, pp. 53-62.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-53-62>
8. Мосаки Н. Образовательный бэкграунд властной элиты Грузии и российско-грузинские отношения. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 9, сс. 93-104. [Mosaki N. Obrazovatel'nyi bekground vlastnoi elity Gruzii i rossiisko-gruzinskie otnosheniya [Educational Background of Georgia's Power Elite and Russian-Georgian Relations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 9, pp. 93-104.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-9-93-104>
9. Лидер грузинской оппозиции назвала учебу в МГИМО “опытом в лагере врага”. *Взгляд.ру*, 03.03.2020. [The Leader of the Georgian Opposition Called Her Studies at MGIMO “Experience in the Camp of the Enemy”.] *Vzglyad.ru*, 03.03.2020. (In Russ.) Available at: <https://vz.ru/news/2020/3/3/1026818.html> (accessed 10.09.2020).
10. Маркедонов С., Скаков А. Постсоветская Грузия: от турбулентности к стабильности и предсказуемости. *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее*. Москва, НП РСМД, 2017, сс. 131-140. [Markedonov S., Skakov A. Postsovetskaya Gruzia: ot turbulentskosti k stabil'nosti i predskazuemosti [Post-Soviet Georgia: From Turbulence to Stability and Predictability]. *Evolutsiya postsovetskogo prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Evolution of the post-Soviet space: past, present, future]. Moscow, NP RSMD, 2017, pp. 131-140.]
11. Апрасидзе Д. Бюрократически-патримониальное государство в Грузии: новые шансы после “революции роз”? *Центральная Азия и Кавказ*, 2004, № 1 (31), сс. 48-55. [Aprasidze D. Byurokraticheski-patrimonial'noe gosudarstvo v Gruzii: novye shansy posle “revolyutsii roz”? [Bureaucratic-Patrimonial State in Georgia: New Chances after the Rose Revolution?] *Tsentr'al'naya Aziya i Kavkaz*, 2004, no. 1 (31), pp. 48-55.]
12. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований. *Прогнозис*, 2007, № 2, сс. 188-211. [Helmke G., Levitski S. Neformal'nye instituty i sravnitel'naya politika: osnovnye napravleniya issledovaniy [Informal Institutions and Comparative Politics: The Main Areas of Research]. *Prognosis*, 2007, no. 2, pp. 188-211.]
13. Хейл Г. Демократия или автократия на марше? “Цветные революции” как нормальное развитие патронажного президентского правления. *Прогнозис*, 2007, № 2, сс. 267-294. [Hale H. Demokratiya ili avtokratiya na marshe? “Tsvetnye revolyutsii” kak normal'noe razvitie patronazhnogo prezidentskogo pravleniya [Democracy or Autocracy on the March? “Color revolutions” as a Normal Development of a Patronage Presidential Government]. *Prognosis*, 2007, no. 2, pp. 267-294.]
14. Derlugian G. *Georgia's Return of the King. Working paper no. 22, Program on New Approaches to Russian Security (2004)*. CSIS. Available at: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/ruseur_wp_022.pdf (accessed 01.10.2020).
15. Fairbanks Jr. C.H. Georgia's Rose Revolution. *Journal of Democracy*, April 2004, vol. 15, no. 2, pp. 110-124.
16. Теобальд Р. Патримониализм. *Прогнозис*, 2007, № 2, сс. 166-176. [Theobald R. Patrimonializm [Patrimonialism]. *Prognosis*, 2007, no. 2, pp. 166-176.]
17. Gherasimov K. Political Elite Renewal in Georgia, Moldova and Ukraine. *Political Paper (Chatham House)*. May 2019. 34 p.
18. Хейл Г. Спустя 25 лет после распада СССР: что пошло не так? *Central Asia Analytical Network*, 15.08.2016. [Hale H. Spustya 25 let posle raspada SSSR: Chto poshlo ne tak? [25 Years after the Collapse of the USSR: What Went Wrong?] *Central Asia Analytical Network*, 15.08.2016]. Available at: <https://www.caa-network.org/archives/7450> (accessed 01.10.2020).

19. Хейл Г. Опыт передачи власти на постсоветском пространстве: что мы знаем про это? *Царь горы. Недемократический трансфер власти на постсоветском пространстве*. Рогов К., ред. Москва, фонд “Либеральная миссия”, 2019. Вып. 6, сс. 8-15. [Hale H. Opyt peredachi vlasti na postsovetском prostranstve: chto my znayem pro eto? [The experience of transferring power in the post-Soviet space: what do we know about this?] *Tsar' gory. Nedemokraticeskii transfer vlasti na postsovetском prostranstve* [King of the Hill. Non-democratic Transfer of Power in the post-Soviet Space]. Rogov K., ed. Moscow, fond “Liberal'naya missiya”, 2019. Iss. 6, pp. 8-15.]
20. Гарибашвили Ираклий Тариелович. *Кавказский узел*, 15.06.2015. [Garibashvili Iraklii Tarielovich. *Kavkazskii uzel*, 15.06.2015. (In Russ.)] Available at: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/232767/> (accessed 05.10.2020).
21. Биография Георгия Квирикашвили. *Спутник-Грузия*, 25.12.2015. [Biografiya Georgiya Kvirikashvili [Biography Georgiya Kvirikashvili]. *Sputnik-Gruzija*, 25.12.2015.] Available at: <https://sputnik-georgia.ru/spravka/20151225/229604943.html> (accessed 05.10.2020).

CHANGE OF POLITICAL ELITES IN GEORGIA AND PATRIMONIALISM

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 7, pp. 116-125)

Received 25.07.2020.

Vadim M. MUKHANOV (vadim_muhanov@inbox.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article examines the process of formation of the political elite in Georgia during the period of independence, starting from the cardinal de-Sovietization of management personnel in the 90s, and ending with the last significant appointments in the era of B. Ivanishvili. The stages of evolution and transformation of the elite are analyzed in detail – under E. Shevardnadze, M. Saakashvili, and B. Ivanishvili, the peculiarities of the personnel policy of this or that Georgian leader are highlighted. Both the very course of the change and rejuvenation of the elite and the change in its educational background and political guidelines are traced. The article shows that despite all these changes the nature of government in Georgia has not been changed. The political regime in Georgia is still a kind of patronage rule. The author examines its characteristic features, analyzes the reasons for survivability of such a form despite repeated changes and political parties in power.

Keywords: Georgia, elite, Russia, Shevardnadze, Saakashvili, Ivanishvili, patrimonialism.

About author:

Vadim M. MUKHANOV, Ph. D. (History), Leading Researcher, IMEMO.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-116-125

ОДКБ НА ИСХОДЕ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ СВОЕЙ ИСТОРИИ

© 2021 г. А. Кривопапов

*КРИВОПАЛОВ Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (krivopalov@centero.ru).*

Статья поступила в редакцию 03.07.2020.

После 1991 г. во взаимоотношениях России и дружественно настроенных по отношению к ней независимых государств, возникших в результате крушения СССР, как правило, преобладала двусторонняя либо многосторонняя форма взаимодействия. Статья отражает взгляд на эволюцию Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) через соотнесение двух этих базовых принципов.

Ключевые слова: внешняя политика, Центральная Азия, стратегия, ОДКБ, Россия, СНГ, военно-техническое сотрудничество, США, Афганистан.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-126-134

После распада Советского Союза на протяжении большей части 1990-х годов постсоветское пространство находилось на периферии внешнеполитического внимания России. Высшие политические круги страны взяли курс на сближение с бывшими противниками СССР в холодной войне, и достаточно продолжительное время оставались в плену завышенных ожиданий от своего исторического выбора. События, развернувшиеся на рубеже тысячелетий, со всей очевидностью подтвердили беспочвенность подобного оптимизма.

Ретроспективная оценка эволюции, пережитой ОДКБ в течение последних 20 лет, позволяет предположить, что высшей точкой развития многостороннего формата взаимодействия внутри данной организации стало создание в начале 2009 г. Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). В дальнейшем, чем чаще многосторонний формат давал сбой, тем охотнее Россия делала ставку на более понятный и привычный принцип – на двусторонние отношения.

На руинах погибшего СССР существуют уже, как минимум, три поколения интеграционных проектов. Если проекты первого поколения так или иначе вращались вокруг Содружества Независимых Государств (СНГ) и в целом лишь фиксировали исторические итоги распада СССР, проекты второго поколения (ЕврАзЭС и ОДКБ) уже предусматривали некий содержательный ответ на политико-стратегические вызовы, возникшие перед Россией. На фоне предшественников образованный в 2014 г. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) можно было отнести к организациям третьего поколения.

ОДКБ занимает промежуточное положение между классическим военным союзом, каким, например, была Организация Варшавского договора

(ОВД), а сегодня является Североатлантический альянс, и многофункциональной интеграционной площадкой, подобной ШОС и ОБСЕ. Переходный характер ОДКБ отражается в ее весьма замысловатой официальной классификации как “многофункциональной организации коллективной безопасности нового типа”.

Как отметили Е.Ф. Троицкий и В.П. Зиновьев на страницах своей обзорной статьи, «...первоначально Россия рассматривала ОДКБ как потенциальный “евразийский аналог” НАТО, альянс, способствующий реализации ее внешнеполитических целей на нескольких региональных направлениях и на международной арене в целом. У других стран ОДКБ (авторы допускают здесь важную оговорку. — А.К.) изначально были более узкие, локализованные ожидания от участия в организации. Важным для них было стремление избежать втягивания в противоречия между Россией и Западом» [1, с. 340].

В Североатлантическом альянсе, несмотря на очевидное доминирование США внутри организации, традиционно преобладал именно многосторонний формат отношений между странами-участницами. По этой причине многие эксперты склонны усматривать в НАТО некий “идеальный тип” современной блоковой военно-политической организации. Сегодня, как и в годы холодной войны, фактор единства НАТО как стратегического целого перевешивает на чаше геополитических весов сумму любых двусторонних контактов, установленных между его основными участниками в процессе консолидации блока.

Предполагавшееся некоторыми экспертами в начале 2000-х годов движение ОДКБ в аналогичном направлении так и не материализовалось. В результате многообещающий проект строительства “НАТО Востока” не был воплощен в жизнь

в полном объеме. На страницах данной статьи будет предпринята попытка оценить последствия кризиса многостороннего формата взаимодействия, проявившегося внутри ОДКБ.

СТАНОВЛЕНИЕ ОДКБ

В организационном смысле ОДКБ генетически восходила к Ташкентскому договору мая 1992 г., заключенному между государствами СНГ. Договор о коллективной безопасности (ДКБ) был открытым региональным объединением, лишенным в то же время многих признаков военного альянса. Нарастив сотрудничество с рядом постсоветских государств, Россия едва ли предполагала создание консолидированного блока, напомиавшего в этом смысле НАТО или Организацию Варшавского договора. Смысл российской интеграционной политики скорее заключался в том, чтобы, структурно приближаясь к организационным формам классического военного союза, в то же самое время не превращаться в таковой окончательно.

Реалии постсоветского мироустройства требовали от бывших советских республик подчеркнута суверенного и самостоятельного поведения на международной арене. Предметное поле их сотрудничества оказывалось ограничено достаточно тесными рамками. Преимущественно речь шла о коллективных усилиях по урегулированию локальных военных конфликтов, вспыхнувших на постсоветском пространстве, а впоследствии — об отражении широкого спектра угроз нового типа, таких как борьба с террористическим исламистским подпольем, противодействие незаконному обороту наркотиков, подавление организованной преступности и профилактика нелегальном миграции. Нарастивание сотрудничества в данных направлениях, хотя и не предусматривало перерождение Организации в некий функциональный аналог НАТО и ОВД, все же требовало от стран-участниц более прочной и глубокой военно-политической интеграции, чем та, что предусматривалась Ташкентским договором 1992 г.

В 1990-е годы на постсоветском пространстве разгорелось сразу несколько крупных военных конфликтов. Помимо Северокавказских республик самой Российской Федерации, боевые действия охватили Приднестровье, Нагорный Карабах, Абхазию, Южную Осетию и Таджикистан. Практически во всех случаях решающую роль в прекращении открытых военных столкновений играли не столько структуры коллективной безопасности ДКБ, сколько вмешательство СНГ. В ходе мирного урегулирования в Таджикистане непосредственное руководство миротворческой операцией возложено на так называемый Штаб по координации военного сотрудничества государств — членов

СНГ. Миротворческая миссия в Таджикистане продолжалась вплоть до июня 2000 г.

Поскольку Содружество изначально создавалось в качестве инструмента “цивилизованного развода” бывших союзных республик, военная составляющая этого дезинтеграционного по своей природе объединения свелась в первую очередь к разделу имущества и материальных запасов 5-миллионной Советской армии [2, р. 41]. К концу десятилетия эта задача в основном была решена. Завершив практический этап своей деятельности, Ташкентский договор в дальнейшем оставался декоративной и во многом лишь символической структурой. Параллельно с ним преимущественно в силу инерции продолжал существовать Совет министров обороны стран СНГ — консультативный орган с еще более неясными и размытыми полномочиями [3, р. 91].

Ташкентский договор объединял Россию, Казахстан, Армению, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан. В следующем 1993 г. к соглашению присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия. Пять лет спустя Азербайджан, Грузия и Узбекистан приостановили членство в организации. В мае 2002 г. шесть оставшихся участников Договора о коллективной безопасности (Ташкентского договора) преобразовали организацию в ныне существующую ОДКБ. В середине 2006 г. в результате резкого охлаждения отношений с Соединенными Штатами, наметившегося после андижанских событий в мае 2005 г., к ОДКБ примкнул Узбекистан, традиционно с недоверием воспринимавший интеграционные инициативы России в Центральной Азии. Правда, спустя шесть лет он все же вышел из рядов Организации [2, р. 41].

Катализатором образования ОДКБ в его нынешнем виде стали события в Афганистане. После взятия талибами Кабула в 1996 г. и в особенности после их серьезных военных успехов на севере страны в 1998 г. положение на центральноазиатском направлении резко осложнилось. Так называемые баткенские события 1999–2000 гг., связанные с проникновением крупных отрядов боевиков исламского движения Узбекистана на территорию Киргизии, подтвердили уязвимое положение центральноазиатских государств. Ответом на вспышку партизанской войны стали шаги в направлении создания коллективных военных сил — ядра будущих КСБР Центрально-Азиатского региона. События 11 сентября 2001 г. и начало американской интервенции в Афганистане привнесли в текущую деятельность ДКБ/ОДКБ компонент ситуативного взаимодействия с американской сверхдержавой.

Создание блока отчасти могло восприниматься его вдохновителями в качестве асимметричного ответа на присоединение к НАТО Чехии, Венгрии

и Польши, завершившееся в 1999 г. Впоследствии Пражский саммит 2002 г. пригласил в НАТО еще семь государств, включая бывшие Прибалтийские республики СССР [4, pp. 4-5].

В 1999–2000 гг. противодействие международному терроризму постепенно становилось основным направлением деятельности структур коллективной безопасности. Союзники получали от Москвы существенную помощь в военном строительстве, возможность готовить офицерский состав своих армий в российских военно-учебных заведениях и наделялись правом приобретать вооружение и боевую технику по внутрироссийским расценкам.

Американская операция в Афганистане стремительно втягивала бывшие среднеазиатские республики в орбиту внешнеполитического влияния Вашингтона. В 2001 г. в Узбекистане на аэродроме Карши-Ханабад и в Киргизии на аэродроме Манас были созданы американские транзитные базы [5]. Расширение американского военного присутствия в регионе Москва была вынуждена принять как свершившийся факт [1].

Внутри ОДКБ можно выделить три группы стран и, соответственно, три связанных с ними группы интересов. Вызовы, исходящие от западного стратегического направления, предполагается встречать во взаимодействии с Белоруссией. Вызовы, исходящие от кавказского направления, — соответственно во взаимодействии с Арменией. Центр тяжести интересов Москвы, по всей видимости, лежит на центральноазиатском направлении. Однако даже внутри центральноазиатской группы цели стран региона заметно расходятся.

Если говорить о Белоруссии, ОДКБ ввиду отсутствия прямой военной опасности необходима ей не столько по военно-стратегическим, сколько по внешнеполитическим соображениям. Союз с Россией позволяет А. Лукашенко не остаться в одиночестве перед лицом возможного давления со стороны НАТО и Евросоюза. Вплоть до начала в республике летом 2020 г. острого внутривнутриполитического кризиса ОДКБ обеспечивала Лукашенко достаточно широкое пространство для лавирования между Западом и Россией [1, сс. 340-344].

Для Армении ОДКБ всегда имела в первую очередь сугубо военное, а уже потом политическое значение. Основным инструментом российских военных гарантий служит многофункциональная военная база Гюмри, на которой расквартировано около 3300 российских военнослужащих [6, p. 167]. В то же время Вторая карабахская война, разразившаяся осенью 2020 г., наглядно подтвердила неспособность Организации эффективно воздействовать на серьезные региональные кризисы. На непризнанный Нагорный Карабах российские

обязательства формально не распространялись. Союзники Еревана по ОДКБ, а также генеральный секретарь Организации стремились максимально дистанцироваться от конфликта и ограничились призывами к его мирному урегулированию. Международная обстановка сложилась для Баку крайне удачно. На протяжении шести недель Азербайджан проводил военную операцию в Карабахе, опираясь на содействие Турции, при невмешательстве со стороны крупнейших международных игроков. Пандемия *COVID-19* и выборы президента США вытеснили Закавказье на периферию мировой новостной повестки. В ночь с 9 на 10 ноября 2020 г. Н. Пашинян был вынужден признать поражение и согласиться на тяжелые условия перемирия. Посредничество Москвы и введение контингента российских миротворцев позволили временно сохранить за армянской стороной часть территории непризнанной Нагорно-Карабахской Республики. Ценой этого компромиссного соглашения стала фактическая легализация военно-стратегического присутствия Турции в Закавказье.

Таджикистан не может рассчитывать на то, чтобы, опираясь лишь на собственные силы, оградить себя от возможной инфильтрации исламских джихадистов через протяженную таджикско-афганскую границу. Относительно слабую и малочисленную таджикскую армию “армируют” российские войска, расквартированные там в виде 201-й военной базы (в прошлом 201-й мотострелковой дивизии). Сегодня “база” представляет собой самостоятельную бригадную боевую группу численностью около 5 тыс. человек, сохраняющую в своем боевом составе в том числе и авиационный компонент [6, p. 209].

Киргизия как наиболее слабая в военном и экономическом отношении и политически наименее стабильная страна региона также остро заинтересована в существовании ОДКБ. В 2010 г., когда в республике вновь обострились межэтнические конфликты, и Россия предпочла остаться в роли стороннего наблюдателя, это, естественно, подорвало веру в целесообразность сохранения с ней формальных союзных отношений. Однако более надежной альтернативы этим пусть и далеко не безусловным российским гарантиям никакая другая страна Бишкеку предложить в любом случае пока не готова.

Казахстан не сталкивается с прямыми военными угрозами. В то же время республика, несмотря на смену высшего руководства, верна назарбаевским традициям внешнеполитической многовекторности. Кроме того, союз с Россией необходим Казахстану для балансирования расширяющегося китайского влияния.

Очередная сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ состоялась 2 декабря 2020 г. Из-за

эпидемии она прошла в режиме видеоконференции. Основное внимание участников саммита оказалось сосредоточено на таких темах, как противодействие *COVID-19*, гражданское противостояние, развернувшееся в Белоруссии после президентских выборов в августе 2020 г., внутривластный кризис в Киргизии и вооруженный конфликт в Карабахе.

В 2001–2005 гг. США активно наращивали свое присутствие в Среднеазиатском регионе, тем самым обеспечивая тыл операции в Афганистане. Первоначально Узбекистан, Киргизию и Казахстан, казалось бы, устраивала роль США в качестве мощного внешнего противовеса российскому, а в перспективе еще и китайскому влиянию. Но вскоре эти режимы столкнулись с мощным идеологическим и политическим давлением. Расчеты на то, что расширение американского интереса к региону повлечет за собой также и пропорциональное расширение объемов экономической помощи, не оправдались. Вместо помощи США предпочитали критиковать авторитарные тенденции и посредством неправительственных гуманитарных структур старались наладить прямые каналы взаимодействия с общественным мнением этих стран. Вожделенные и маячившие на горизонте “дары данайцев” в экономике и внешней политике грозили обернуться для местных властей куда более реальным “троянским конем” в политике внутренней. Так, жесткая реакция США на анджанские события мая 2005 г. встревожила президента Узбекистана И. Каримова и во многом подтолкнула его к вступлению в ОДКБ.

Узбекистан не сталкивается с исходящими из Афганистана угрозами столь же близко, как сопредельный Таджикистан. Стране оказалось вполне по силам самостоятельно перекрыть относительно небольшой 140-километровый участок афгано-узбекской границы. Для сравнения: таджикско-афганская граница имеет протяженность 1344 км. Более того, даже покинув ОДКБ в 2012 г., Ташкент сохранил двустороннее военно-техническое сотрудничество с Москвой и значительно расширил его объемы после 2016 г. [7].

Сегодня внутри ОДКБ можно выделить пять типов военных структур [8, р. 24]:

- Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР);
- Миротворческие силы ОДКБ (МС ОДКБ);
- Коллективные авиационные силы ОДКБ (КАС ОДКБ).

Помимо сил оперативного реагирования, в ОДКБ существуют также три так называемых региона коллективной безопасности, соответственно на западном, центральноазиатском и кавказском стратегических направлениях:

- Восточно-Европейский регион состоит из региональной группировки российско-белорусских войск и единой региональной системы ПВО;

- Кавказский регион состоит из объединенной группировки российско-армянских войск и объединенной региональной системы ПВО;

- Центрально-Азиатский регион состоит из коллективных сил быстрого развертывания и единой региональной системы ПВО. Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР) не следует путать с Коллективными силами оперативного реагирования (КСОР). Последние в стратегическом смысле не привязаны к какому-либо конкретному региону, играя роль общего мобильного резерва.

По сути, сам факт выделения географических регионов коллективной безопасности уже фиксировал расщепление постсоветского пространства как политического, экономического и культурного целого. На его месте возникли более или менее изолированные друг от друга стратегические направления, на каждом из которых Россия стремилась к достижению частных внешнеполитических целей.

Сами того не желая, США на раннем этапе придали развитию ОДКБ мощный внешний импульс. Лидеры секулярных среднеазиатских режимов, напуганные “цветными революциями”, временно уступили Кремлю инициативу в интеграционных вопросах. Однако даже в этом случае полностью выдавить Вашингтон с постсоветского пространства для России не представлялось возможным.

Наличие на потенциальном центральноазиатском театре боевых действий мощного общевойскового соединения, оснащенного тяжелым вооружением, является страховочной мерой на случай не наиболее вероятного, но наиболее опасного по своим возможным последствиям сценария развития событий, например резкого роста военной напряженности на севере Афганистана. В то же время под эгидой ОДКБ подчас рутинно, повседневно и незаметно находит свое решение множество весьма болезненных частных проблем безопасности, по-прежнему актуальных для постсоветского пространства. К таковым можно отнести противодействие исламистскому террористическому подполью, подавление организованной преступности, борьбу с наркоторговлей, организационно-профилактические меры, направленные против нелегальной миграции.

С 2003 г. в рамках ОДКБ осуществляется антинаркотическая операция “Канал”, которая после 2008 г. продолжалась уже на постоянной основе. С 2008 г. осуществляется операция “Прокси”, направленная на предотвращение преступлений в сфере информационно-коммуникационных тех-

нологий. С 2004 г. в рамках ОДКБ вошло в практику проведение в странах Центральной Азии ежегодных военных учений “Рубеж”, ориентированных на противодействие угрозам региональной безопасности [9, с. 17]. По данным В.А. Семерикова, “с 2004 по 2017 г. с формированиями сил и средств системы коллективной безопасности проведено 33 учения различного масштаба на территории государств – членов ОДКБ, в том числе с контингентами КСОР – 8, КСБР ЦАР – 10, миротворческими силами – 5, с формированиями сил специального назначения КСОР – 9, силами и средствами разведки – 1” [10, с. 33].

В то же время пресловутая “многопрофильность” ОДКБ остается одновременно источником как силы, так и слабости данной Организации. У ОДКБ отсутствует ярко выраженный потенциальный противник, по умолчанию принимаемый во внимание в качестве источника наиболее вероятных военных угроз. Вместо этого Организация призвана ограждать страны-участницы в первую очередь от опасностей и вызовов внешнегосударственного происхождения. Признаки классического военного союза в ОДКБ присутствуют, но при этом не преобладают.

Итак, в начале XXI в. на смену ДКБ пришел альянс со значительно более глубокой военно-политической интеграцией [11]. В скором времени некоторые западные критики окрестили его “анти-НАТО”, хотя с точки зрения гомогенности внутренней структуры ОДКБ, скорее, являлась антиподом Североатлантического альянса. Распространяемые военные гарантии на некоторые из бывших союзных республик, Россия не могла рассчитывать на то, чтобы изолировать их тем самым от постороннего, в первую очередь западного, внешнеполитического влияния. В той архитектуре международных отношений, которая сложилась в результате событий 1989–1991 гг., подобное стремление просто не соответствовало бы объективным возможностям Москвы.

ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ СИЛЫ ВНУТРИ ОДКБ

За истекшие 30 лет единое в прошлом постсоветское пространство распалось на несколько изолированных географических и стратегических направлений. «Применительно к пространству бывшей советской Средней Азии, – утверждает современный российский историк, – все более широкое распространение в экспертном сообществе приобретает скорее проективное, нежели исторически сложившееся, понятие “Центральной Азии”, в актуальности точнее всего совпадающее с границами потенциального театра военных действий, находящегося в зоне ответственности Центрального командования США (*US CENTCOM*)» [12, с. 6].

К исходу второго десятилетия существования ОДКБ все принципиальнее встает вопрос о целесообразности многостороннего формата взаимодействия с точки зрения государственных интересов самой России. В экспертной среде множится скепсис относительно будущего этого интеграционного объединения. Участники ОДКБ более склонны рассматривать организацию как “зонтик” для прикрытия преимущественно двусторонних контактов. Горизонтальная связь стран-участниц друг с другом по-прежнему выражена очень слабо.

Существование ОДКБ предоставляет России в лучшем случае символический статус лидера на постсоветском пространстве. Здесь, однако, рождается предположение, что и при отсутствии всяких формальных атрибутов Москва все равно закрепила бы за собой подобное положение вследствие несоразмерности ее военно-экономического потенциала и возможностей младших партнеров. РФ преобладает в ОДКБ сильнее, чем США преобладают в НАТО [13, р. 7]. Очевидно, Армения и Казахстан соотносятся с Россией совсем не так, как Франция и Великобритания, обладающие внушительными ядерными арсеналами, соотносятся с Соединенными Штатами.

Долгое время считалось, что фактор наличия ОДКБ якобы способен придать внешнеполитическим шагам Москвы дополнительную легитимность. Надежды превратить Организацию в альтернативную площадку для контактов с НАТО и Евросоюзом оказались тщетными. Альянс предпочитает не замечать ОДКБ и не взаимодействовать с ней, не желая тем самым пусть даже опосредованно признавать за Россией право на сферу влияния [13, р. 6]. С точки зрения Москвы, ценность ОДКБ могла бы состоять не столько в приращении военного потенциала или более равномерном распределении бремени военных расходов, сколько в той коллективной идеологической санкции, которая по опыту военных конфликтов 2008 и 2014 гг. требовалась для оправдания российских боевых операций, осуществлявшихся за пределами периметра международно признанных границ страны. Столкнувшись в ходе грузинского и украинского кризисов с монолитной стеной осуждения, РФ смогла окончательно убедиться в том, что постсоветские государства не поддержат даже робких и половинчатых усилий по пересмотру беловежского статуса-кво. Снисходительное отношение России к демаршам Узбекистана и Белоруссии, равно как и неумение добиться хотя бы символической поддержки операции в Сирии, также не добавляло авторитета формальному лидеру ОДКБ.

После августовской войны 2008 г. члены ОДКБ начали взирать на Москву со все более возрастающими опасениями. На саммите, состоявшемся

в российской столице 14 июня 2009 г., это проявилось почти открыто. Кризис совпал с очередным обострением спора о ценах на энергоносители, а потому А. Лукашенко демонстративно проигнорировал встречу. Лидер Узбекистана И. Каримов, хотя и подписал итоговые документы саммита, сделал это с рядом существенных оговорок [13, р. 4].

По всей видимости, ОДКБ изначально скрывала внутри себя возможность отката к принципам двустороннего взаимодействия. Даже во взаимоотношениях России с державами Центральной Азии многосторонний формат преобладал лишь на сравнительно коротком хронологическом отрезке, а именно в 2001–2008 гг., то есть на пике вовлечения Соединенных Штатов в дела этого региона.

В качестве источника политико-идеологической легитимности ОДКБ, очевидно, также не функционирует. Сложно вообразить ситуацию, при которой союзники одобрили бы решительное применение Москвой военной силы с целью защиты собственных интересов на постсоветском пространстве. Подобные акции, с точки зрения бывших советских республик, в теории могут быть допустимы лишь в крайне узком диапазоне условий. Со своей стороны Россия стремилась всячески избегать вовлечения во внутренние конфликты в странах-союзниках, равно как и ситуаций, требующих определенного выбора при поддержке той или иной стороны конфликта, если таковой разгорался между ее партнерами по ОДКБ.

Это ярко проявилось в мае 2010 г., когда в южной Киргизии вспыхнули межэтнические столкновения. До настоящего времени в кругах специалистов отсутствует единое мнение о подлинных причинах сдержанной реакции ОДКБ. Согласно одной из точек зрения, Организация предпочла остаться в стороне, поскольку киргизское правительство формально обратилось с просьбой о вмешательстве не к ОДКБ, а непосредственно к самой России. При этом через несколько дней временное правительство отозвало свою просьбу. По другой версии, обращение Киргизии в ОДКБ все же последовало, но вследствие внутренних разногласий она воздержалась от активного вмешательства в конфликт [14, с. 46].

Если в годы холодной войны СССР представлял для ядра стран НАТО общую и очевидную экзистенциальную угрозу, для ОДКБ подобной единой угрозы не существует. Блок изначально конструировался в расчете на исполнение более широкого спектра функций, и в его деятельности прослеживается асимметрия целей [8, р. 28]. Если для НАТО неопределенность его стратегической направленности практически всегда считалась чем-то исключительным, для ОДКБ стратегическая неопределенность быстро сделалась

правилом. Монолитность Североатлантического альянса органично вытекала из его антисоветской ориентации, а потому в годы холодной войны ее подтачивал лишь локальный греко-турецкий конфликт, тлевший на периферии зоны его стратегической ответственности.

Идеологическая основа объединения, подобная существующей между странами НАТО, у членов ОДКБ, по сути, отсутствует. Лозунг сохранения политической стабильности, во-первых, не обладает притягательностью идеологии либеральной демократии, основанной на ценностях индивидуальной свободы, а, во-вторых, угроза стабильности для большинства членов ОДКБ имеет преимущественно внутренние, а не внешние источники. Для некоторых участников их формальные союзники по ОДКБ воплощают более опасную потенциальную угрозу, нежели внешние по отношению к блоку силы [8, р. 27]. Более того, практически невероятно, чтобы Запад когда-либо поставил под сомнение не универсальный характер либерально-эгалитарной демократии, а потому надежды на то, что более внятное идеологическое наполнение ОДКБ якобы способно расширить перспективы ее сотрудничества с Евросоюзом и НАТО, были изначально несбыточны.

Государства – члены ОДКБ зачастую имеют расходящиеся внешнеполитические интересы. В процессе взаимодействия с Москвой они ревниво оберегают свой суверенитет. Угрозы, с которыми они сталкиваются, весьма разнообразны. Если опасность инфильтрации радикальных исламистов с территории Афганистана явно и непосредственно затрагивает секулярный режим Э. Рахмона в Таджикистане, то Киргизии и Казахстану она угрожает лишь косвенно, а для Армении и Белоруссии – вообще неактуальна. Более или менее общей для всех участников ОДКБ остается потребность сохранения и укрепления внутривнутриполитической стабильности. В то же время стремление опереться в этом деле на Россию входит в непреодолимое противоречие с горячим нежеланием даже символического умаления национального суверенитета, вполне естественным в положении этих пока еще очень молодых государств.

Пример Ташкента, покинувшего ОДКБ в 2012 г., доказывает, что преимущества и преференции партнерства с Россией возможно сохранить и не принимая на себя соответствующих обязательств. Дальнейший ход событий доказал, что выход из Организации не имел для Узбекистана сколь-нибудь серьезных негативных последствий. После смерти президента И. Каримова Ташкент резко активизировал военно-техническое сотрудничество с Москвой и получил от нее экспортные кредиты на закупки вооружения и боевой техники.

Причем объемы этих заказов оказались сопоставимы с тем, что получает Казахстан – союзник России по ОДКБ [15]. В 2017 г. Ш. Мирзиёев подписал договор о военном сотрудничестве с Казахстаном, что отражало растущие претензии Ташкента на то, чтобы играть в Центральной Азии более самостоятельную роль.

Издержки в связи с сохранением многостороннего формата взаимодействия теоретически могут подтолкнуть Россию к более решительным действиям, но такие акции заведомо не смогут вызвать сочувствия у других членов ОДКБ [16, р. 36]. Даже среднеазиатские политические режимы не видят в РФ гаранта своего исторического воспроизводства, хотя и сохраняют с российской политической системой известную общность происхождения [2, р. 47].

* * *

Итак, ОДКБ вполне доказала свою эффективность в приоритетном для нее сегменте проблем международной безопасности, в первую очередь связанных с отражением угроз внешнегосударственного происхождения. За два истекших десятилетия ОДКБ сделалась важнейшим инструментом “селективной интеграции” постсоветского пространства. Организацию можно отнести к объединениям промежуточного типа. Она значительно менее гомогенна в сравнении с НАТО и Евросоюзом, однако при сопоставлении, например, с ШОС, ОБСЕ или *G20*, то есть с такими международными организациями, в которых явно преобладает функция дискуссионной площадки, ОДКБ демонстрирует многие признаки классического военно-политического союза.

ОДКБ изначально задумывалась в качестве организации безопасности. В своем развитии она дрейфовала в направлении преобразования в военно-политический блок, не превращаясь, однако, в таковой окончательно. Баланс успехов и неудач ОДКБ неоднозначен. С одной стороны, в рамках ОДКБ не был урегулирован ни один сколь-нибудь крупный вооруженный конфликт и не проводилось полномасштабных войсковых операций. С другой стороны, первая боевая операция НАТО на практике состоялась спустя 46 лет после формального образования Североатлантического альянса [17, с. 24].

До тех пор, пока Россия четко не решит для себя, для чего ей нужна евразийская интеграция, она не сможет поставить перед ОДКБ более конкретные и практические задачи. Ситуативность российской внешней политики и преобладающая в ней ориентация на консервацию статус-кво затрудняют воплощение любой долгосрочной стратегии. Вне зависимости от мотивов всех прочих участников евразийской интеграции, внешнеполитические цели самой России на постсоветском пространстве

слишком противоречивы и многогранны, чтобы их можно было согласовать и примирить в рамках централизованного военного блока формально равноправных участников. Практика показала, что в зависимости от ситуации РФ попеременно могла выступать и в роли гаранта территориальной целостности постсоветских государств, и в роли адвоката сецессии некогда входивших в их состав автономий. Присущая России, как любой крупной державе, известная избирательность в методах не могла не породить у младших партнеров ответного недовольства и недоверия, которые, в свою очередь, служили для союзников по ОДКБ оправданием их собственного потребительского отношения к Москве. Вытекающие отсюда модели их внешнеполитического поведения, естественно, становились в глазах последней дополнительным аргументом против многостороннего подхода.

Гипотетическое образование внутри СНГ полноценного военного союза встретило бы на своем пути множество подводных камней. Классический военный блок в силу несоизмеримости военно-экономических потенциалов РФ и бывших советских республик может быть образован только на условиях России и при ее безусловном преобладании. Очевидно, и в 1990-е, и в 2000-е годы подобный сценарий был заведомо неприемлем для молодых независимых государств. Вторым препятствием на пути такой консолидации становилось отсутствие общей, непосредственной и очевидной для всех его членов военной угрозы, воплощаемой одним либо несколькими государствами-антагонистами. В изменившихся условиях ни Россия, ни дружественные ей государства на постсоветском пространстве уже не сталкивались с военной опасностью традиционного происхождения. При всей напряженности во взаимоотношениях России с НАТО и США последние не воплощали для нее экзистенциальной угрозы. Большинство потенциальных вызовов, стоящих перед РФ и ее союзниками по ОДКБ, имеют ярко выраженное “внегосударственное” происхождение.

ОДКБ может быть достаточно эффективна при решении того ограниченного перечня проблем безопасности, на который она изначально нацеливалась. Организация неплохо справляется с задачей профилактики нелегальной миграции, сдерживает неконтролируемый рост организованной преступности и торговли наркотиками, пресекает инфильтрацию на свою территорию вооруженных отрядов исламских экстремистов, борется с террористическим подпольем. Однако к ОДКБ бессмысленно предъявлять критерии жесткого, централизованного и гомогенного военного союза, коим она изначально не являлась.

Можно предположить, что в своей текущей архитектуре ОДКБ достигла предела своих институ-

циональных возможностей. По всей видимости, не полностью реализованным остается лишь миротворческий потенциал ОДКБ, например, на сирийском направлении. Лидерам государств, входящих в ОДКБ, между которыми на постсоветском пространстве все еще сохраняются достаточно острые противоречия, возможно, будет проще согласиться на активные действия в том случае, если таковые развернутся за пределами границ бывшего СССР.

Итак, на исходе второго десятилетия существования ОДКБ перед Россией оказалось не единое пространство преобладающего политического влияния, но конгломерат разнородных, пусть и относительно зависимых от нее государств. Поскольку сложившаяся в нем схема военно-политического сотрудничества некогда вырастала из двустороннего формата взаимодействия, к нему она, по всей видимости, и вернется в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Троицкий Е.Ф., Зиновьев В.П. Организация договора о коллективной безопасности: становление, эволюция и кризис военно-политического союза. *Русин*, 2018, № 54, сс. 335-351. [Troitskii E.F., Zinov'ev V.P. Organizatsiya dogovora o kollektivnoi bezopasnosti: stanovlenie, evolyutsiya i krizis voenno-politicheskogo soyuza [The Collective Security Treaty Organisation: Emergence, Evolution and Crisis of the Military-Political Alliance]. *Rusin*, 2018, no. 54, pp. 335-351.] DOI: 10.17223/18572685/54/20
2. Baev P. The CSTO: Military Dimensions of the Russian Reintegration Effort. *Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Discontents*. Starr S.F., Cornell S.E., eds. Washington, Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. A Joint Transatlantic Research and Policy Center, 2014, pp. 40-48.
3. Borkoeva J. *Collective Security Treaty Organization (CSTO) and the Limitations of Russia's Influence over the Other CSTO Member States*. A Thesis Submitted to the Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Art in the Department of Eurasian Studies, Ankara, August, 2011. 112 p.
4. Saat J.H. The Collective Security Treaty Organization. Conflict Studies Research Centre. *Central Asian Series* 05/09, February. Camberley, Defence Academy of the United Kingdom, 2005. 25 p.
5. Олкотт М.Б. *Второй шанс Центральной Азии*. Москва, Вашингтон, Московский центр Карнеги, Фонд Карнеги за международный мир, 2005. 487 с. [Olcott M.B. *Vtoroi shans Tsentral'noi Azii* [Central Asia's Second Chance]. Moscow, Washington, D.C., Carnegie Endowment for International Peace, 2005. 487 p.]
6. *The Military Balance. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics*. IISS. The International Institute for Strategic Studies. London, Routledge, 2019. 504 p.
7. Джорджевич А. Радары на Ташкент. Узбекистан перевооружает свою армию за счет России. *Новая газета*, 10.07.2019. [Dzhordzhevich A. Radary na Tashkent. Uzbekistan perevooruzhaet svoju armiyu za schet Rossii [Radars on Tashkent. Uzbekistan is Rearming its Army at the Expense of Russia]. *Novaya gazeta*, 10.07.2019.] Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/07/08/81169-radary-na-tashkent> (accessed 05.06.2020).
8. Norberg J. *High Ambitions, Harsh Realities. Gradually Building the CSTO's Capacity for Military Intervention in Crises*. FOI-R-3668-SE. Ministry of Defence. Defence Analysis. Stockholm, FOI, May, 2013. 60 p.
9. Башарат'ян М. Военно-политическая безопасность Центральной Азии и роль ОДКБ в ее обеспечении. *Мировая экономика и международные отношения*, 2012, № 12, сс. 15-23. [Basharat'yan M. Voenno-politicheskaya bezopasnost' Tsentral'noi Azii i rol' ODKB v ee obespechenii [Military and political security of Central Asia and the role of the CSTO in ensuring it]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2012, no. 12, pp. 15-23.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-12-15-23>
10. Семериков В.А. Организация договора о коллективной безопасности – от Договора к Организации. *Международная жизнь*, 2017, № 6, сс. 26-43. [Semerikov V.A. Organizatsiya dogovora o kollektivnoi bezopasnosti – ot Dogovora k Organizatsii [Organization of the Collective Security Treaty – from the Treaty to the Organization]. *The International Affairs*, 2017, no. 6, pp. 26-43.]
11. Чуфрин Г. ОДКБ в новых геополитических реалиях. *Россия и новые государства Евразии*, 2009, № 2 (3), сс. 5-13. [Chufrin G. ODKB v novykh geopoliticheskikh realiyakh [The CSTO in the New Geopolitical Realities]. *Russia and New States of Eurasia*, 2009, no. 2 (3), pp. 5-13.]
12. Колеров М.А. Новые координаты Средней Азии: предисловие издателя. *Средняя Азия: Новые координаты*. Москва, Издательский дом РЕГНУМ, 2013, сс. 5-11. [Kolerov M.A. Novye koordinaty Srednei Azii: predislovie izdatelya [The New Coordinates of Middle Asia: Preface of the Publisher]. *Srednyaya Aziya: Novye koordinaty* [Middle Asia: New coordinates]. Moscow, Izdatel'skii dom REGNUM, 2013, pp. 5-11.]
13. De Haas M. The Collective Security Treaty Organization: On its Way to a "NATO of the East"? *Central Asia Policy Brief*, 2015, May, no. 26. Available at: https://www.academia.edu/12345796/150511_The_Collective_Security_Treaty_Organization_On_its_way_to_a_NATO_of_the_East (accessed 05.06.2020).
14. Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности. *Индекс безопасности*, 2011, т. 17, № 2 (97), сс. 45-53. [Nikitina Yu.A. ODKB i ShOS kak modeli vzaimodeistviya v sfere regional'noi bezopasnosti [CSTO and SCO as models of interaction in the sphere of regional security]. *Security Index*, 2011, vol. 17, no. 2, pp. 45-53.]

15. Shibutov M., Solozobov Y., Malyarchuk N. Kazakhstan-Russia Relations in Modern Era. International Institute for Global Analyses. *Analytical Dossier*, 2019, no. 3, pp. 40–46. Available at: https://www.vision-gt.eu/wp-content/uploads/2019/01/AD_Kazakhstan-Russia_1.pdf (accessed 05.06.2020).
16. Klein M. *Russia's Military Policy in the Post-Soviet Space. Aims, Instruments and Perspectives*. Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs. SWP Research Paper 1. Berlin, January 2019. 40 p. Available at: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2019RP01_kle.pdf (accessed 05.06.2020).
17. Никитина Ю.А. ОДКБ и НАТО: проблемы взаимодействия. *Вестник МГИМО-Университета*, 2011, № 6 (21), сс. 26–27. [Nikitina Yu.A. ODKB i NATO: problemy vzaimodeistviya [CSTO and NATO: problems of interaction]. *MGIMO Review of International Relations*, 2011, no. 6 (21), pp. 26–27.]

CSTO: AT THE CLOSE OF THE SECOND DECADE OF ITS HISTORY

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 7, pp. 126–134)

Received 03.07.2020.

Alexey A. KRIVOPALOV (krivopalov@centero.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Following the events of 1991, Russia established either bilateral or multilateral relations with most of the independent states that emerged from the collapse of the Soviet Union. In each individual case, these relations were characterized by a specific set of advantages and disadvantages. The article explores the evolution of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) through the lens of this fundamental duality. This overview in no way claims to be a complete or exhaustive study on the subject. However, its relevance is supported by the fact it moves beyond the purely descriptive approach which still dominates the study of the CSTO and the crisis that has gripped the organization. There is a demand for a clearer structural and theoretical framework explaining the difficulties Russia has faced in promoting its integration efforts in the post-Soviet space. The undeniable advantage of the bilateral approach is its institutional simplicity. In a multilateral system or a block of states, it is far more difficult to coordinate the interests of every individual nation, especially if they maintain membership in a number of integration groups at the global or regional level. One of the strengths of the multilateral format, which involves a stricter adherence to collective obligations, is that it serves as a structural framework for major integration projects that can have a significant positive effect on the international standing of those who initiate them. The author concludes that in 2002–2008, during the early period of CSTO's existence, cooperation was predominantly multilateral in nature, with the participating countries – those representing the Central Asian core of the organization – rallying around Moscow, unified by the commonly perceived threats generated by the U.S. intervention in Afghanistan. However, even at this early stage, there were signs within the CSTO foreshadowing a shift from multilateral military-political cooperation to a more basic format – that of a collection of bilateral ties between Russia and its allies. The past 20 years of Russia's relations with its neighbors have demonstrated that the historical momentum for convergence is, in fact, not strong enough to offset the centrifugal forces pulling nations away from one another.

Keywords: foreign policy, Central Asia, strategy, CSTO, Russia, CIS, military-technical cooperation, USA, Afghanistan.

About author:

Alexey A. KRIVOPALOV, PhD in History, Senior Researcher, Center of Post-Soviet Studies.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-126-134

МИССИЯ В КАБУЛЕ

© 2021 г. В. Наумкин

КОНАРОВСКИЙ М.А. Афганистан на рубеже веков: новый перекресток судьбы. Москва, Издательство МГИМО-Университет, 2020. 357 с.

НАУМКИН Виталий Вячеславович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, РФ, 107031 Москва, ул. Рождественка, 12 (director@ivran.ru).

Рецензия поступила в редакцию 23.02.2021.

Ключевые слова: Афганистан, посол, политика, сотрудничество, племена, мемуары, помощь.

Обширная библиотека трудов российских авторов по Афганистану пополнилась еще одной, очень значимой работой — книгой М.А. Конаровского “Афганистан на рубеже веков: новый перекресток судьбы”. Нет ничего удивительного в том, что наши соотечественники вновь и вновь обращаются к этой стране: история взаимоотношений с ней глубоко вошла в нашу жизнь, и многие ее страницы, в том числе весьма драматические, еще остаются неосмысленными. И не случайно среди авторов, пишущих об Афганистане, немало тех, кто провел там значительную часть своей жизни, кто лично причастен к богатой бурными событиями нашей общей истории. Не буду перечислять всех, чьи труды, в том числе относящиеся к жанру мемуаров, произвели на читателей, в частности автора этих строк, большое впечатление. Достаточно назвать уже ушедших от нас М.А. Гареева, Л.П. Богданова, Ю.Л. Кузнецца, продолжающих активно работать Е.Д. Островенко, В.Н. Пластуна.

Однако представляемая ныне читателю книга М.А. Конаровского отличается от всех остальных. Во-первых, ее автор — дипломат с огромным опытом работы, бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол нашей страны в Афганистане (2002–2004 гг.) в один из самых трудных периодов истории наших отношений. Во-вторых, он — профессиональный востоковед-афгановед, великолепно разбирающийся в сложных перипетиях истории Афганистана, обычаях и нравах его населения, хорошо лично знакомый с ее высшими руководителями, лидерами политических партий и организаций, военными деятелями, религиозными авторитетами, вождями племен, представителями науки и творческой интеллигенции. В-третьих, он просто талантливый автор и вообще интересный человек, надежный товарищ, интересный собеседник, которого ценят все, кому довелось с ним общаться. Могу засвидетельствовать это своим собственным опытом общения с автором.

Рецензируемая книга — “гибридная” по жанру работа. В ней мемуарные воспоминания автора перекликаются с весьма глубоким академическим повествованием об истории страны, о ее жизни такой, какой ее увидел автор, об афганцах и афганской политической элите, которой он дает меткие характеристики. Автор интересно рассказывает и о международной политике, о буднях дипломатической службы, о своих друзьях и коллегах. Надо отметить, что дипломатический талант, которому, похоже, не всегда давали полностью раскрыться, сочетается у Михаила Алексеевича с даром писателя и просто специалиста, любящего эту страну. Перо автора было отточено не только в дипломатических депешах, коих, как можно представить, было немало, но и в прекрасных ранних очерках об Афганистане, увидевших свет еще в 1979 г. под названием “Страна гор и легенд”¹. Конаровский рассказал тогда читателям о своих первых поездках по различным районам Афганистана, о встречах с интересными людьми, в том числе с афганскими деятелями литературы и искусства. Тот же жанр он существенно углубил и расширил через много лет в другом документальном повествовании “Дорога в семь тысяч дней”². Нет ничего удивительного в его глубоком знании страны, ведь он сразу после окончания Института стран Азии и Африки в 1967 г. — годом раньше меня — отправился туда по линии Союза обществ дружбы (а перед этим побывал там на практике), а с 1970 г. начал работать в Афганистане уже дипломатом. Три длительные командировки: 1970–1975, 1977–1981 и 1984–1988 гг., и это до того, как стать послом!

На какой бы странице читатель ни открыл книгу Конаровского — он будет восхищен его уни-

¹ Конаровский М.А. *Страна гор и легенд*. Москва, Главная редакция восточной литературы издательства “Наука”, 1979.

² Конаровский М.А. *Дорога в семь тысяч дней*. Москва, Арктика 4Д, 2015.

кальным знанием истории, культуры, языка страны, о которой он пишет и в которой провел значительную часть своей профессиональной жизни. Это проявляется в такой яркой особенности его труда, как пристальное внимание к людям, их характерам, менталитету, культуре. К тем, кто творил (а кое-кто и продолжает творить) афганскую историю. Пусть не обижаются на меня другие авторы, но в голову настойчиво приходит мысль: так писать книги могут только востоковеды (причем далеко не все). Сужу об этом, в частности, по тому, как автор отмечает, казалось бы, не так много говорящие неспециалисту детали, вспоминая разные моменты своей богатой событиями и встречами жизни на тех ее отрезках, когда он был связан с Афганистаном. Приведу один пример. Посещая в Арке наведывавшегося в Кабул афганского посла в Италии принца Мустафу, Конаровский тут же замечает отсутствие среди развешанных в большой зале портретов, в том числе короля Мухаммеда Надир-шаха и его брата Шах Махмуда, портрета дяди бывшего короля, одиозного премьера Мухаммеда Хашим-хана, который отличался жестким нравом и, сразу заключает российский посол, “вряд ли оставил у молодого монарха приятные воспоминания” (с. 200). При этом автор успевает обратить внимание и на обилие старых рукописей в личной библиотеке короля, в том числе принадлежащих перу классических средневековых персидских поэтов, творчеством которых интересуются далеко не все дипломаты. Интеллигентность — еще одно проявляющееся на страницах книги качество автора, в котором мне всегда доводится убеждаться в ходе наших встреч, не говоря уж о проглядывающем через серьезное повествование тонком юморе.

Михаил Алексеевич выдерживает доброжелательный тон, говоря о своих коллегах по трудной службе в Афганистане, избегая открыто критических оценок, которые можно иногда лишь почувствовать между строк. А отношения с коллегами, в том числе являющимися непосредственными руководителями автора мемуаров или представляющими другие ведомства, как хорошо знают все, кто долго работал за рубежом, не всегда бывают дружескими. Некоторые авторы мемуаров, как я замечаю, реализуют старые обиды, выплескивая запоздалую критику, порой несправедливую, на их страницы. Но деликатность не должна обманывать: чувствуется, что в людях автор точно разбирается. Он сетует на неповоротливость и недальновидность нашей бюрократии, не умеющей оценить нужность восстановления построенных в прошлом с помощью Советского Союза объектов (с. 227), и рассказывает, как, к примеру, пытался добиться принятия благоприятных решений от Ю.М. Лужкова, тогда мэра Москвы (с. 11-13).

Понятно, что посол не может писать обо всех, особенно непубличных моментах в дипломатии, но обойти которые все же трудно. Иногда приходится говорить намеками, что понятно только людям, причастным к реализации внешнеполитического курса государства. Кроме того, у любого автора есть проблема владения как письменными источниками, с которыми, чувствуется, Михаил Алексеевич хорошо поработал, так и фиксации своего собственного опыта, и здесь автору помогает его отличная память.

Приятно отметить, что М.А. Конаровскому удается избежать искушения, которому поддаются некоторые авторы — активные участники событий. Он не акцентирует внимание на “жареных” фактах, политических интригах, жестокостях, сопровождающих острую внутривнутриполитическую борьбу в правящих элитах страны пребывания, особенно в странах Востока. В то же время он не обходит и острых углов, повествуя о некоторых не очень приглядных моментах в афганской жизни того времени, сохраняющихся (увы!) и сегодня. Нашим представителям там всегда было работать нелегко. Вспоминаю в связи с этим мемуары бывшего руководителя представительства КГБ в Афганистане генерала Л.П. Богданова, относящиеся к периоду еще 1970-х годов³. Он, к примеру, писал, как при первых встречах с сотрудниками Управления национальной безопасности Афганистана наши советники обратили внимание на стоявшие на столах сотрудников полевые армейские телефонные аппараты. Оказалось, что они активно использовались для пыток арестованных токами низкой частоты. Упоминает генерал о тайных ночных расстрелах арестованных без суда и следствия на полигоне за пределами Кабула по личному указанию Х. Амина. Глава представительства, узнав об этом, дал советским оперативным работникам строгое указание доводить до афганцев мысль о недопустимости подобных акций, а им самим не присутствовать при арестах, допросах и иных подобных мероприятиях под эгидой УНБ.

Политика на Востоке, особенно в таких сложносоставных обществах, как афганское, всегда сильно персонифицирована. Чтение книги Конаровского показывает роль в ней личностного фактора. Мне, востоковеду-арабисту по образованию, посвятившему некоторую часть своего времени изучению так называемых глубоко разделенных обществ на Ближнем Востоке, была особенно интересна книга потому, что к таким обществам принадлежит и афганское и она дает богатую пищу для широких теоретических обобщений. Сложное переплетение демографических, этнических, кон-

³ Богданов Л.П. *Афганская тетрадь*. Москва, БИНОМ, Лаборатория знаний, 2020.

фессиональных, лингвистических, родоплеменных различий и роли традиционных элементов в жизни афганцев осложняют понимание особенностей эволюции государственных институтов, функционирования политических партий, трудностей модернизации. Разобраться в этом помогает книга российского дипломата. Сошлюсь на один пример из книги. Говоря о ситуации в Мазари-Шерифе, российский посол отмечает негативную роль для перспектив сотрудничества с Россией серьезной межэтнической напряженности и фактического двоевластия в результате противостояния между узбеком А.Р. Достумом и таджиком М. Атой, в результате которого в центре провинции были расквартированы две армейские части различной племенной принадлежности, функционировали два отдельных управления безопасности (с. 229). Происходило “перетягивание каната” местными деятелями за преимущественное право на получение внешней помощи. Напрашивается сравнение с Иракским Курдистаном, Йеменом и некоторыми другими государствами и областями.

Кроме того, книга помогает понять огромную роль внешнего фактора в драматических событиях в этой стране. Естественно, в своей работе посол сталкивался с противодействием представителей ряда недружественных нам западных и региональных государств, не заинтересованных в развитии конструктивного сотрудничества между Россией и Афганистаном. В то же время он убедительно показывает, что наша политика здесь и в годы его работы была ориентирована на широкое международное сотрудничество между различными государствами и организациями в интересах мира, безопасности и развития в Афганистане. В его книге рассказывается о нашем гуманитарном содействии постталибскому Афганистану, о проектах участия России в восстановлении ряда крупных экономических объектов, построенных при технико-экономическом содействии СССР (с. 231–232). Автор приводит примеры того, как наши западные партнеры, опираясь на фракцию “американских афганцев” в правительстве, противодействовали привлечению России к выгодному для Афганистана участию в освоении международной донорской помощи. Причем Москве отказывали в этом даже тогда, когда она предлагала содействие на безвозмездной основе. К примеру, НК “Роснефть” не смогла добиться согласия местной стороны на восстановление структуры нефтегазового комплекса в северных районах страны (с. 222).

Критикуя западных партнеров, автор справедливо отмечает, что помимо внешнего воздействия восстановлению российско-афганского экономического сотрудничества мешали незаинтересован-

ность в этом новых российских хозяйственных субъектов, считавших бизнес в Афганистане слишком рискованным делом, недостаток собственных источников финансирования (с. 228).

Повествуя о своих впечатлениях о роли Запада в Афганистане в те годы, Конаровский упоминает о том, как “шапкозакидательские” настроения среди большинства западных коллег, медленно постигавших незнакомые им прежде реалии местного общества, постепенно трансформировались в сторону более взвешенных подходов (с. 241).

Понимая значение родоплеменной принадлежности в портрете политических деятелей страны, автор всегда обращает внимание на этот фактор. Так, впервые общаясь с новым министром финансов правительства, будущим президентом Афганистана Ашрафом Гани, он не упускает из виду, что тот принадлежит к пуштунскому племени ахмадзай. Поскольку посол всегда тщательно изучает и историю происхождения, и обстоятельства биографий политических и государственных деятелей страны, он отмечает новые для него и важные для ведения дел с министром детали. Это, в частности, то обстоятельство, что дед Ашрафа Гани не ладил с королем Амануллой, занимал высокий военный пост при Мухаммеде Надир-шахе, отец был министром, а сам он находится в дальнем родстве в последнем лидером НДПА Наджибуллой. При этом после переворота 1978 г. все родственники Гани оказались в тюрьме, а он в США. И, как обычно, посол обращает внимание и на интеллектуальную сторону жизни и деятельности министра, который делится с ним тем, что за океаном он оставил богатую коллекцию литературы по истории Афганистана и афганистике, а также полную коллекцию афганских газет. Глава финансового ведомства оказался для российского дипломата интересным собеседником. Уверен, что такое же впечатление вынес и Гани из общения с Конаровским, которому было что рассказать министру: он, например, отлично владел информацией об уникальных находках советско-афганской археологической экспедиции на севере Афганистана в 1970-х годах, хорошо знал ее руководителей.

Впрочем, не дело рецензента пересказывать содержание столь крупной и интересной работы, ее надо просто прочитать всем, кто интересуется историей отношений нашей страны и стран Востока, международными отношениями.

Книгу хорошо украшают и дополняют увлекательное повествование как фото из архива автора, так и включенные в нее подробные биографии основных политических деятелей страны и хроника основных событий.

MISSION IN KABUL

[Review of the book: Konarovskii M.A. Afghanistan at the turn of the century: a new crossroads of fate. Moscow, Publishing House of MGIMO-University, 2020. 357 p. (In Russ.)]

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 7, pp. 135-138)

Received 23.02.2021.

Vitaly V. NAUMKIN (director@ivran.ru),

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation.

Keywords: Afghanistan, ambassador, politics, cooperation, tribes, memoirs, assistance.

About author:

Vitaly V. NAUMKIN, Academician of RAS, Dr. of Sci. (History), President of the Institute of Oriental Studies.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

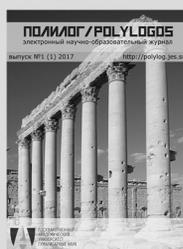
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

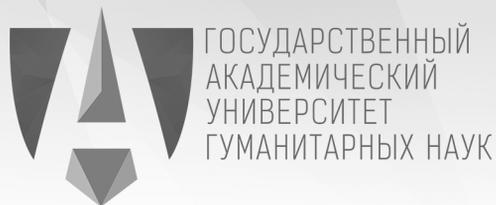
НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaun

instagram.com/gaun_/_

gaun.ru

E-mail: info@gaun.ru

vk.com/gaun

